

Литературно-художественный и общественно-публицистический журнал

КРАСНОДАР

литературный

Сентябрь 2026

XXI МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ «СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДОЖИНКИ»

С 1 по 4 сентября в г. Гомеле и Гомельской области (Республика Беларусь) прошёл XXI фестиваль-праздник «Славянские литературные дожинки», в котором приняла участие краснодарская делегация. Программа этого международного форума была максимально насыщена, в чём огромная заслуга председателя Гомельской областной писательской организации Владимира Гавриловича.

В 2026 году почётными гостями фестиваля стали Василий Дворцов, заместитель Ответственного секретаря Правления СПР (Москва), руководители и члены региональных отделений СП России из Брянска, Смоленска, Калуги и, конечно, Краснодара. Уже в день приезда на встрече в Гомельской областной библиотеке им. Ленина председатель КРО СПР Светлана Макарова-Гриценко вместе с поэтессой и переводчиком Ольгой Новожиловой рассказали о работе Краснодарского Союза, подарили библиотеке новые книги и журнал «Краснодар литературный».

Несомненно, одно из ярких событий – выступления гостей фестиваля в Гомельском государственном университете им. Франциска Скорины. Темы выступлений «Через литературу – к миру и взаимопониманию!», «Мы – едины! За мир и согласие без границ!».

Дипломом о присвоении статуса «Лучший международный партнёр» по итогам работы с 2021 по 2026 год награждена Краснодарская писательская организация. Таким образом, Краснодар золотой строкой вписан в историю проекта.

Ольга Новожилова стала не только победителем конкурса поэтов и переводчиков, но и получила ГРАН ПРИ фестиваля «Славянские литературные дожинки». В конкурсе «Божья тропа» она заняла второе место.

Во время съезда православных литераторов состоялась встреча в соборе с архиепископом Стефаном, вручившим Архиерейские грамоты КРО СП России, О.В. Новожиловой вместе с другими участниками за плодотворные труды на ниве литературного просвещения.

На родине классика белорусской литературы народного писателя Беларуси Ивана Мележа в школах и гимназии г. Хойники прошли уроки памяти «За мир и согласие без границ», а в драматическом театре г. Мозырь – большой Международный литературный праздник «Слово вечно будет жить!».

Незабываемым стало участие в фестивале композитора Эдуарда Семёновича Ханка.

Огромным подарком от белорусских друзей и председателя ГО СПБ Владимира Гавриловича явилось издание в Гомеле дополнительным тиражом книги рассказов лауреата международной премии «Слово» Светланы Макаровой-Гриценко «Кусочек от рифа Счастье».

№ 3, СЕНТЯБРЬ 2026

Литературно-художественный и общественно-публицистический журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Краснодарское региональное отделение
Союза писателей России

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350000, Краснодар, ул. Коммунаров, 58

Рукописи принимаются в электронном
виде (направлять на адрес:

snmakarova@mail.ru)

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Материалы публикуются в авторской
редакции.

За достоверность информации
ответственность несут авторы.
Их мнение может не совпадать
с точкой зрения редакции.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Николай Иванов (Москва)
Геннадий Иванов (Москва)
Сергей Шаргунов (Москва)
Василий Дворцов (Москва)
Юрий Азаров (Москва)
Александр Сегень (Москва)
Вадим Терёхин (Калуга)
Елена Пиетиляйнен (Петрозаводск)
Владимир Гаврилович (Гомель)
Валентин Папко (Краснодар)
Людмила Бирюк (Краснодар)
Николай Ивеншев (Краснодар)
Любовь Мирошникова (Краснодар)
Татьяна Немчинова (Краснодар)
Владимир Нестеренко (Краснодар)
Нина Стрижова (Краснодар)
Наталья Широбокова (Краснодар)
Лидия Железовская (Краснодар)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

С.Н. МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР

(компьютерная вёрстка):

В.В. Романов

© Краснодарское региональное отделение
Союза писателей России, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

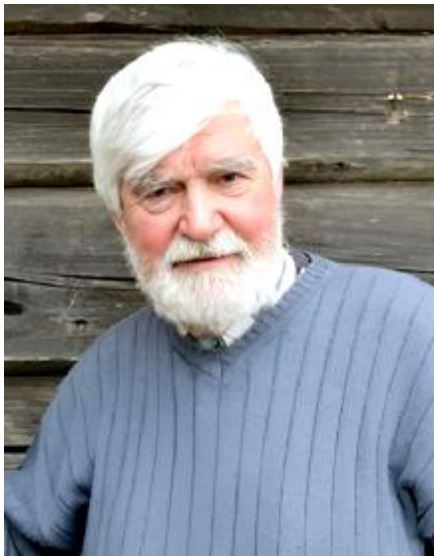
Имена и даты	3	Поэтическая аллея	76
Юрий Азаров Сопереживание. К 90-летию со дня рождения писателя Гария Немченко		Игорь Фурман Галина Донцова Людмила Карпенко (ЛитО «Верность») Николай Сабодах (ЛитО «Верность») Алексей Шутёмов (ЛитО «Верность»)	
Виктор Озерский Его фамилией назван кубанский город. К 150-летию со дня смерти Николая Гулькевича		Литература и общество	79
Брат мой, Донбасс	15	Татьяна Немчинова О герое нашего времени	
Евгений Харитонов Война и совесть. Стихотворения		Лариса Есина Осколки памяти на театральных подмостках: рецензия на пьесу Юрия Васина «Я помню»	
Проза	18	Любовь Сирота-Дмитрова «Я счастье страдать и любить за лёгкую жизнь не продам...». О поэзии Лидии Вдовченко	
Геннадий Пошагаев В своём доме. Повесть		Дебют	88
Анатолий Ильяхов Котёл Колаксия. Из эпоса «Хождение скифа Анахарсиса в Грецию и обратно»		Валерия Смоленко Последнее желание рыбы. Рассказ	
Поэзия	45	Семейное чтение	91
Ольга Немыкина Есть радость жизни в каждом дне. Венок вольных сонетов		Алексей Сазонов Сказка строгого режима или страсти по яйцу Кощееву. Повесть	
Владимир Романов Демоническое. Поэтический цикл			
Ирина Верина-Михалкина По волнам моей памяти. Поэтический цикл			
Проза	54		
Александр Ильин Никогда не говори «никогда». Рассказ			
Елена Луканкина Улыбка клоуна. Рассказ			
Игорь Ясинский Броску в космос – 65 лет!. Очерк			
Юрий Аганин Давай-давай. Рассказ			
Сергей Спирин Ледовый странник. Цикл рассказов			

ЮРИЙ АЗАРОВ*

г. Москва

СОПЕРЕЖИВАНИЕ

(К 90-летию со дня рождения писателя Гария Немченко)

В юриспруденции, при недостаточности доказательственной базы, применяется выражение: «Есть основание полагать...». Так и я беру на себя смелость полагать, что в нынешней России вряд ли найдётся ещё кто-либо из действующих прозаиков и поэтов с таким же стажем членства в советском и российском Союзах писателей, как у русского писателя Гария Леонтьевича Немченко – с 1964 года! А если и отыщутся таковые, то каждого из них, как истинно золотой фонд нации и бесценное достояние великой русской литературы, непременно нужно зачислить в ряды бесценных летописцев современной эпохи. Вернее, сразу двух эпох: советской, наполненной победным духом, энтузиазмом, а также всеобщим созиданием, и нынешней российской, с её – не пойми каким – укладом жизни, когда, вместо желанной народом социальной справедливости, стимулирующим ориентиром развития общества объявляется стремление каждого к личному обогащению, как к высшей ценности и светлой мечте, в реальности доступной лишь малой части населения.

Впрочем, оставим политику с её не определившейся идеологической основой в покое. Слово сегодня о писателе Гарии Немченко, нашем именитом кубанском земляке, простом станичном

пареньке, взошедшем, благодаря собственному таланту, казачьей настырности и тонкому пониманию перипетий человеческой жизни, на самый Олимп литературного творчества.

Он – литератор не из тех, кто предпочитает творить за письменным столом в тишине рабочего кабинета. Его знание человеческой жизни, как и образы героев многочисленных романов, повестей и рассказов, черпается из кипучей действительности ударной комсомольской стройки – сооружения знаменитого Запсиба (Западно-Сибирского металлургического комбината), многочисленных поездок по стране, постоянного общения со своими друзьями и единомышленниками, простыми людьми и знатными, как тот знаменитый конструктор оружия Михаил Тимофеевич Калашников, открывший Писателю часть своей семейной биографии, связанной с кубанской станицей Отрадной. И, конечно, главный кладёз его творчества с юных лет и по сей день – родная Кубань, её предгорный Отраденский район, а если брать более масштабно, то и весь невероятно богатый своими обычаями и человеческой мудростью многонациональный Северный Кавказ.

Особенной чертой характера литератора – и это я замечал за ним не единожды – является неравнодушное отношение к нашим извечным жизненным проблемам, способность сопереживать чужому горю и радоваться человеческому счастью, поддерживать и защищать несправедливо обиженных и бережно относиться к людям, обладающим глубоким внутренним содержанием, у кого есть чему поучиться и что воплотить в своём творчестве. Всё это многообразие личных качеств, как в зеркале, отражается в его бескомпромиссном характере, в привычке говорить правду-матку, не подстраиваясь под чужое мнение, а также в остром, изучающем взгляде и в упрямой копне колючих седых волос.

С Писателем мы достаточно близко знакомы лет двадцать пять по дружеским контактам, основанным, главным образом, на совместном пребывании в рядах кубанского землячества в городе Москве. Но землячество, по форме своей, всего лишь общественная организация, а вот понятие «земляк», оно иного духовного и смыслового содержания, обозначающее наше родство не по отцу и матери, а по единой матушке-земле – солнечной Кубани. А что касается наших личных земляческих отношений с Писателем, то они дополняются ещё и общей «родовой» принадлежностью к линейному кубанскому казачеству в лице двух соседних станиц: от моей Вознесенской до его Отрадной, как говорят у нас на Кубани – навпрямки – всего-то километров пятьдесят будет. Так это, если оценивать подобное расстояние с какой-нибудь окрестной горы. А если издали посмотреть, к примеру, из той же Москвы, то эти жалкие полсотни километров – всё равно, что к соседу через улицу в гости сходить.

Землячество – удивительная взаимно располагающая и сплачивающая сила. И ничего в этом удивительного или надуманного нет! Как бывает в жизни? Едешь ты, к примеру, с человеком, которого прежде в глаза не видел, в купе железнодорожного вагона и – слово за слово – вдруг узнаёшь, что он из тех же мест, откуда и ты сам. А это уже совсем иное обстоятельство, разом меняющее отношение к незнакомцу: тут же оживают воспоминания о похожем детстве, близкой сердцу природе-матушке, о жизненном укладе и обычаях, которые веками складывали наши предки, а там, глядишь, и общие знакомые отыщутся. Потом, на основе этого непередаваемого чувства братства, с лёгкостью может воз-

никнуть тост за встречу и, конечно же, за родные края. К концу дороги он тебе уже и товарищ, и чуть ли не брат!

Нам с Гарием Леонтьевичем – по отдельности или вместе – не раз доводилось встречаться с атаманом Зарубежного (США) кубанского казачьего войска Александром Михайловичем Певневым, выходящим из станицы Владимирской нашего Лабинского казачьего отдела и, между прочим, кавалером российского ордена Дружбы, коим он награждён на основании представления Администрации Краснодарского края Указом В.В. Путина. Казак заокеанский, а отношения такие же близкие и понятные, как между нами, советско-российскими станичниками. Вот что за сила, эти единые земляческие корни!

Так и у меня, при общении с Писателем непременно пробуждаются воспоминания о родном кубанском предгорье Кавказа, где среди широкой степи вдруг начинают возникать глубокие балки, покатые пригорки и небольшие рощицы, и где из наших с ним немаленьких по российским меркам казачьих станиц в хорошую погоду можно явственно разглядеть гряды величественных гор во главе с гордым, вечно заснеженным, манящим взор своим величием, двуглавым красавцем Эльбрусом. Я как-то даже попытался описать эту ностальгическую картину из далёкого теперь уже станичного детства (стихотворение так и называется – «Ода станичному детству») несколькими поэтическими строками:

Закрою глаза и вижу
Кубанских степей простор.
А где-то вдали, неподвижно,
Темнеет громада гор.
И, словно погонщик строгий,
За ними следит Эльбрус,
Чтоб кто-то не вышел из строя,
Не снял свой снежный картуз.

В тот памятный осенний день 2002 года мне пришлось основательно задержаться на работе: после командировки на Урал накопилось много служебной переписки, которую нужно было рассмотреть и сопроводить поручениями «к исполнению». Рабочий день давно закончился, смолкли телефоны и было похоже, что кроме нас с помощником, готовым в любую минуту что-то подсказать, разъяснить либо исполнить срочное поручение, в здании никого уже не осталось. Не считая ещё, конечно, водителя, который терпеливо дожидался своего «высвобождения».

От напряжённой работы отвлёт звонок сотового телефона. Номер не идентифицировался, а потому отвечаю привычно нейтральным:

– Слушаю вас!

– Юрий Фёдорович, добрый вечер. Не поздно звоню? Говорить удобно?

Память на голоса у меня с детства неплохая, а потому мгновенно узнаю своего земляка, писателя Немченко.

– Вечер добрый, Гарий Леонтьевич! Слушаю стоя, – с искренним радушием приветствую его, на подсознательном уровне проявляя воспитанное в моей казачьей семье, проявляя чуть ли не на подсознательном уровне чувство особого уважения к старшему по возрасту на целых одиннадцать лет! Очень даже хорошая традиция, взятая у наших соседних братьев черкесов: старший и более мудрый ценится выше всяких должностных положений и великих званий!

– Я пока ещё на работе, но скоро буду отправляться домой, – продолжаю разговор с Писателем.

– Тогда я вам лучше завтра позвоню, – отвечает он с заметной поспешностью, словно опасаясь отвлечь меня от решения каких-то суперсрочных и важных государственных дел. А ведь я его знаю: просто так, по мелочам, либо ради «просто поговорить», людей тревожить он не станет. Значит, для этого имеется какая-то веская причина.

– Ну что вы, Гарий Леонтьевич, я вас всегда рад слышать. Что-то срочное?

– Горящего ничего нет, – успокоил он меня. – Если коротко, я прошу принять нас с иеромонахом Саввино-Сторожевского мужского монастыря отцом Феофилом – как вы знаете, я живу в деревне, неподалёку от этой старинной обители, и являюсь её прихожанином – где-то минут на тридцать по одному деликатному вопросу, связанному с обеспечением работы недавно созданного при монастыре приюта для детишек-сирот и тех, кто при живых родителях оказался ни им, ни кому-либо другому не нужным. Они там, в этом приюте, как в интернате: и учатся, и живут.

Гарий Леонтьевич старался говорить предельно кратко, но, как человек, душевно сопереживающий за судьбы людские и обострённо реагирующий на многочисленные греховные пороки новоявленного в России общества «как на Западе», не сдержался и добавил со вздохом, характерным для наших братьев-черкесов :

– Эх-хе-хе! Что поделаешь – в тяжкое время живём, когда множество детей, как когда-то в военный и послевоенный период, сиротами остаются. Хорошо помню, что тогда на Кубани почти в каждой станице детские дома были. И вот новое испытание господь нам послал.

– Гарий Леонтьевич, рад буду встрече! Увидимся, выпьем чайку и обсудим ваши проблемы более детально. Заодно и с нашими таможенными «пенатами» на Филях познакомимся.

Я взглянул на календарь и уточнил:

– Какой день и какое время встречи вас устраивают?

– Мы будем ориентироваться на ваши возможности, – с присущей ему предупредительной вежливостью ответил Писатель.

– Тогда давайте поступим так... Побудьте минутку на телефоне.

Я нажал кнопку прямой связи и попросил помощника уточнить, нет ли у нас каких-либо неотложных мероприятий в среду, в районе 11 часов дня. Получив ответ, что на это время в графике пока «ничего не забито», вновь обращаюсь к Гарию Леонтьевичу:

– Если не возражаете, жду вас послезавтра, в среду, в 11 часов дня. Пропуска закажем. Как поименовать в заявке отца Феофила?

– Можно так и обозначить. Он практически всегда ходит в облачении священника, потому вполне узнаваем. А что касается дня и времени встречи – они нас устраивают.

– Договорились, Гарий Леонтьевич. Единственная к вам просьба: накануне позвоните на всякий случай мне на мобильный или в приёмную. Вдруг что-то непредвиденное возникнет: какое-либо совещание или срочный выезд.

– Хорошо, обязательно позвоню. Спасибо!

– Тогда до встречи!

Минут через сорок я завершил работу и выехал домой. Ранние ноябрьские сумерки уже успели превратиться в полноценную ночь с ярко освещёнными улицами, эффектно подсвеченными зданиями, неоновыми вывесками и недавно появившимися на основных перекрёстках и фасадах строений огромными рекламными панелями. Благо, что к этому времени заметно снизилась плотность традиционного для конца рабочего дня автомобильного потока из центра Москвы к спальным окраинам и в сторону ближнего Подмосковья, а потому, минут через тридцать я гарантированно смогу добраться до своего дома, расположенного неподалёку от МГУ.

Несмотря на морозец, кратко усиленный резким северным ветром, город в его центральной части жил своей привычной вечерней жизнью, когда тысячи москвичей и гостей столицы перемещаются в рестораны, кафе, досуговые центры, концертные залы и в модные ночные магазины. У человека, не посвящённого в тонкости столичной жизни, может сложиться впечатление, будто этот огромный мегаполис в своей центральной части предназначен исключительно для приятного времяпрепровождения. И никому нет дела до того, что за внешней презентабельностью столицы кроется огромный труд миллионов людей, которые дено и ночно поддерживают её в состоянии, подобающем лучшим городам мира: работают на предприятиях и в сфере услуг, возводят жильё, развивают метрополитен, строят дороги с современными развязками, наводят чистоту на улицах и во дворах, охраняют общественный порядок, совершенствуют здравоохранение, внедряют научные открытия, обучают сотни тысяч студентов и школьников. Да разве всё перечислишь, чем занят многомиллионный столичный люд? Государство в государстве! Город, призванный быть не только «лицом» огромной страны, но и своеобразным эталоном развития всех остальных российских регионов!

– Поедем без спешки, – попросил водителя, а сам, откинув спинку пассажирского кресла и ослабленно вытянув ноги, мысленно возвратился к недавнему звонку Писателя. Интересно, чем я могу быть полезен ему и монастырскому иеромонаху? Наверняка возникла проблема, требующая обсуждения на официальном уровне, иначе он предложил бы встретиться где-нибудь в другом месте: у себя дома, в землячестве, в том же монастыре. Да и заявленная тема разговора, тем более – с участием священнослужителя, явно не для беседы в кафешках и на парковых скамейках. Я за свою жизнь, особенно в детстве и в юности, перечитал множество книг и хорошо знал, что подвижничество, неравнодушное отношение к чужим бедам – это одна из характерных черт многих больших русских писателей, к коим с полным правом относится и Гарий Немченко. Но одно дело сопереживать и совсем другое – лично инициировать благие действия и совершать поступки, достойные человека с государственным мышлением и гражданской ответственностью. Такой стержень заложен в нём во многом благодаря казачьему происхождению и семейному воспитанию в духе беззаветного и честного служения Отечеству. И не обязательно на войне (там казакам в любые времена не было равных в верности долгу, отваге и боевом мастерстве), а, к примеру, на той же почти двенадцатилетней работе в записи-бурской многотиражке «Металлургстрой», где главными его читателями были первостроители этого флагмана советской металлургии, а потом – рабочие и специалисты уже действующего металлургического комбината, а также многие десятки тысяч кузбассовцев. Попробуй только, товарищ редактор газеты и, одновременно, начинающий писатель, в чём-то сфальшивить, проявить неискренность, смягчить проблемы или вовсе закрыть на них глаза!

Но не таков настырный и прямолинейный уроженец станицы Отрадной Краснодарского края, молодой журналист и писатель Гарий Немченко, чтобы обходить острые углы! Он, как и все его многочисленные друзья и товарищи по той Всесоюзной ударной комсомольской стройке, являл собой не только прямого участника исторического прорыва в развитии советской металлургии, но и честного, правдивого летописца! Именно так по сей день именуют Писателя в Кузбассе, сохраняя в местном музее в качестве ценного экспоната его личную пишущую машинку и многочисленные книги о «Кузнец» и кузбассовцах. А ещё в них, этих сибирских произведениях, множество сюжетов и литературных героев кубанского происхождения! Куда от неё, своей родины, денешься? Тем более, что представите-

лей нашего более чем четырёхмиллионного в те времена края можно было встретить в любом уголке Советского Союза.

Нет ни малейших сомнений, что именно в этой активной и честной гражданской позиции творца заключается успех его многочисленных романов, повестей и рассказов, из которых читатель познаёт правду о реальном мире, а значит, о каждом из нас, со всеми свойственными нам радостями и бедами, взлётами и падениями, духовной силой и слабостями, противоречиями и человеческими страстями. И, почти наверняка, в этой его озабоченности людскими судьбами заложен смысл предстоящего разговора о монастырском детском приюте.

«Кстати, – неторопливо рассуждал я сам с собой, – в порядке подготовки к встрече с Писателем и священником надо бы заглянуть в интернет и уточнить, что это за ранг, а может, сан такой – иеромонах». Как продукт советского атеистического воспитания, я мало что понимаю в церковной иерархии, а тем более – в религиозных таинствах и обрядах. Для этого, по всей вероятности, надо быть убеждённым и, желательно, теоретически подкованным христианином, или, как минимум, таким же прилежным прихожанином, как писатель Гарий Немченко. Не однажды случалось: звоню ему с утра, чтобы поздравить с днём рождения, а супруга Лариса Александровна, в роли добросовестного личного секретаря Писателя, всякий раз сообщает, что он сейчас в церкви, на утренней службе. И слава Богу, что он, человек мудрый и дальновидный, немало всякого повидавший в своей жизни, сознательно пришёл к православной вере. А может никуда от неё и не уходил, всегда оставаясь в душе верующим человеком.

А вот я, пусть даже и крещёный в младенчестве в станичном соборе, себя к таковым не отношу. Хотя, не скрою, чем больше набирается лет, тем чаще возникают «крамольные» мысли о том, что невообразимо бескрайние просторы Вселенной с бесчисленным множеством упорядоченных в своём движении небесных тел просто обязаны управляться неким Верховным Регулятором или Богом – творцом всего этого гигантского мира. И вовсе нельзя исключать, что под такое управление Свыше попадает и всё живое, что имеется на нашей маленькой планете Земля, включая разумных существ – нас, людей. Всегда ли и во всём разумных – это уже другая тема, которую, если будет уместно, можно было бы обсудить при встрече с Писателем и его спутником – отцом Феофилом.

Как мне представляется, версия управления миром Свыше, косвенно или напрямую подтверждаемая появлением – при жизни всего лишь одного послевоенного поколения, к коему я принадлежу – цифровых технологий и основного их продукта – интернета с невероятным объёмом накопленной информации, включая и персональную о многих из нас. И как же стремительно всё это произошло! На моих собственных глазах случился невероятный (а может, вполне закономерный?) технологический скачок от «революционного» появления в нашей семье патефона, потом батарейного лампового радиоприёмника «Родина», фотоаппаратов «Любитель» и «Смена», радиолы «Ригонда» и чёрно-белого телевизора «Рассвет» до нынешнего ноутбука и мобильного телефона, способных работать с текстами, запоминать, хранить, а также извлекать из мировой сети невероятный объём информации с мгновенными ответами на множество возникающих вопросов. Невольно задумываешься, что это: результат научно-технического прогресса или некая, пока лишь слегка приоткрытая нам Свыше модель информационного поля Земли, а возможно – и всей Вселенной? На всякий случай, чтобы не показаться совсем уж примитивным фантазёром, я давно изобрёл для себя формулу осмысления мира: ***«Если ты о чём-то не ведаешь и чего-то не понимаешь, это вовсе не значит, что такого нет и быть не может!»***.

Вот на этой религиозно-философской «ноте», известной в науке как схоластика (представления, оторванные от жизни, основанные на отвлечённых рассуждениях), мы подъехали к подъезду дома, после чего я распрощался с водителем до восьми часов утра следующего дня.

Встреча с Писателем и прибывшим вместе с ним отцом Феофилом состоялась, как мы и договаривались, точно в обозначенный час. Гостей я встретил в приёмной: крепко обнял Гария Леонтьевича, а затем, не очень понимая, как полагается приветствовать священнослужителя, «чисто по-светски» протянул ему руку. Отец Феофил также ответил рукопожатием и, одновременно, по-христиански трижды соприкоснулся со мной щекой к щеке.

С Писателем мы не виделись довольно давно – больше года назад, когда мы с женой в тёплую сентябрьскую пору наведались в их подмосковную деревенскую «фазенду», где полюбовались кубански ухоженным приусадебным участком с грядками овощей и всевозможной зелени, цветочными клумбами, фруктовыми деревьями и ягодниками. Потом отведали нашенского, опять-таки кубанского борща, приготовленного обаятельной хозяйкой Ларисой Александровной, и угостились фирменным калмыцким чаем, лично приготовленным Гарием Леонтьевичем. И в этом экзотическом по российским меркам напитке на самом деле не было ничего странного и необычного. Наши соседние колхозы поддерживали тесные связи с засушливой Калмыкией, у которой имела постоянная потребность в закупке «на стороне» сена и соломы для зимнего кормления животных. Мне эта дружба с калмыками запомнилась диковинным верблюдом, подаренным их заготовителями нашему колхозу имени Сталина, а Писатель – что, конечно, лишь мои догадки – многие обычаи древнего калмыцкого народа познал в дружеских контактах с их знаменитым военачальником, Героем Советского Союза, генерал-полковником Городовиковым Окой Ивановичем.

А в тогдашний день, встречая гостей в своей приёмной, я с радостью отметил, что время Гария Леонтьевича не берёт и не меняет: он, сколько его знаю, остаётся всё таким же коренастым и крепко сложенным кубанцем, с внешностью, напоминающей Гавриила Попова (либо тот напоминает Писателя!) – известного в 90-х годах учёного и ярого реформатора, оказавшегося в условиях не политическоего балаболства, а практической деятельности, крайне неудачным мэром города Москвы – заметно захиревшей при нём в сравнении с чистой и аккуратной советской столицей. Гарий Леонтьевич в 1994 году даже книгу издал с иронично-саркастическим названием «Я – не Гавриил Попов: Записки похожего».

А вот иеромонах отец Феофил был для меня человеком новым и пока малопонятным. Вопреки представлению о солидном, умудрённом прожитыми годами старце, он оказался довольно молодым человеком лет сорока, с обаятельной внешностью – правильными чертами лица, обрамлённого современной, модной в 90-х годах, небольшой бородой и усами. Его глаза светились приветливым радушием, и в то же время в них ощущалось некоторое внутреннее напряжение, свойственное людям, не избалованным посещением официальных кабинетов. Облачён он был в чёрную рясу и такого же цвета клобук (о названии головного убора монашествующих священнослужителей я разузнал в том же всё знающем интернете, когда перед встречей с Писателем и монастырским иеромонахом решил разобраться не только в церковных чинах, но и в одеяниях православных священнослужителей). Как и полагается радушному хозяину, пригласил гостей в кабинет, предварительно уточнив, что они будут пить: чай или кофе.

Мы расположились за небольшим журнальным столиком – самым уютным местом в моём служебном кабинете, предназначенным для неформальных бесед с его посетителями. Писатель достал из своей объёмной сумки несколько книг и протянул их мне:

– Я привёз несколько экземпляров своего четырёхтомника, изданного уже в нынешнее, постсоветское время. К сожалению, к писателям, как и к их книгам, отношение сейчас, мягко говоря, довольно прохладное: государству мы не сильно нужны, а заинтересованного спонсора найти трудно. Издать этот сборник помогли мои друзья из литературной родины – Кузбасса. А теперь почти весь этот никем не востребованный тираж лежит у нас в загородном доме. Если не изменяет память, я вам эти книги уже вручал, потому передаю их для ваших коллег по таможенной службе или для библиотеки таможенного комитета. Это уж как решите.

Я с благодарностью принял книги и отнёс их на свой рабочий стол. После моего небольшого курса в историю современной российской таможенной службы и разъяснения её основных задач инициативу взял в свои руки Писатель. Начал официально:

– Юрий Фёдорович, мы с батюшкой Феофилом благодарим вас за эту встречу и хотели бы, сберегая ваше время, поговорить о проблеме, с которой мы пришли в таможенный комитет.

– Гарий Леонтьевич, время для разговора у нас есть, а потому, – теперь уже обращаюсь к отцу Феофилу, – если можно, расскажите сначала о монастыре: как он живёт или выживает в наши непростые времена, идёт ли реконструкция обители. Кстати, четыре дня назад, во время командировки в Екатеринбург, мне довелось побывать в Храме-на-Крови, построенном на месте расстрела императора Николая Второго и членов его семьи. Потом, уже к вечеру, я вместе с уральскими коллегами посетил недавно созданный мужской монастырь Ганина Яма, строительство которого, как вы наверняка знаете, завершается на месте шахты, в которую были сброшены тела убитых царствующих особ и их прислуги. После общения с настоятелем монастыря я уехал оттуда, полный впечатлений о монастырской жизни и задачах, которые приходится решать тамошней братии. В вашем Саввино-Сторожевском монастыре мы с женой тоже однажды побывали в качестве экскурсантов, потому с его более чем шестисотлетней историей я, в общем-то, знаком.

Как мне показалось, сообщение о только что состоявшемся посещении екатеринбургских Храма-на-Крови и мужского монастыря Ганина Яма позволило разом снять, пусть и не слишком очевидный, но всё-таки ощутимый налёт официоза и перевести разговор в русло дружеской встречи близких и понятных друг другу людей. Мы не преминули затронуть тему текущей российской жизни, поговорили о необходимости формирования в обществе здоровых нравственных основ и возрождении духовности, связав это с приходом к власти молодого и энергичного президента страны В.В. Путина, обменялись мнением о роли православной церкви и других религий в развитии России. Не обошли стороной и казачество, к коему принадлежали мы с Писателем: я в силу собственной родословной, а он, к тому же ещё, и как прямой участник процесса возрождения современного российского казачества в роли первого московского казачьего атамана и заместителя атамана Союза казаков России по культуре и внешним связям.

Отец Феофил оказался человеком образованным, прекрасно разбиравшимся не только в религиозных вопросах – тут он истинный знаток и опытный проповедник православия, но и в проблемах жизни общества и россиян. Затем мы перешли к главной теме нашей встречи – возможной помощи со стороны Государственного таможенного комитета в организации работы созданного при монастыре детского приюта. Священнослужитель обрисовал сложившуюся ситуацию с этим богоугодным монастырским начинанием:

– Детский приют мы открыли в качестве социально-реабилитационного центра в марте 2001 года, а детей в него набрали весной этого, 2002 года. Сейчас на нашем попечении 14 ребят из семей,

лишённых родительских прав. У кого-то родители беспробудно пьянствовали, кто-то сидит в тюрьме за совершённые преступления, а у части ребят родителей нет вовсе.

Информацию иеромонаха дополнил Писатель:

– Вы, батюшка, не сказали главного, что открытие детского приюта при монастыре получило благословение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и поддержку со стороны подмосковных властей. Это начинание было подхвачено другими православными организациями во всей России. Так что интерес к нашему приюту немалый.

– Спасибо, Гурий, за важное дополнение. Это я упустил, видимо, от некоторого волнения.

– А суть нашего обращения в таможенный комитет состоит вот в чём, – продолжил отец Феофил. – Дети в сентябре начали учёбу в школе, которая располагается в Звенигороде. Пока до неё кое-как добираются, но уже началась осенняя распутица, а впереди – зима. Мы крайне нуждаемся в небольшом, мест на двадцать, автобусе. Может ли таможенный комитет предоставить нам его в порядке гуманитарной помощи?

Оба моих гостя сделали паузу в ожидании моей реакции.

– К вашей просьбе отношусь с пониманием, но мне нужно некоторое время, чтобы понять, как можно решить эту проблему. Лично я хозяйственными вопросами не занимаюсь, но доложу о вашей просьбе руководителю ГТК. Надеюсь, что-то придумаем. 14 детских судеб, конечно же, гораздо важнее и ценнее любого автотранспортного средства.

На этом наша встреча завершилась. В конце рабочего дня я подробно доложил тогдашнему руководителю таможенной службы Ванину Михаилу Валентиновичу о визите в ГТК России писателя Гавриила Леонтьевича Немченко и священника Саввино-Сторожевского монастыря отца Феофила, а также о сути их обращения в наш адрес. Надо сказать, что Михаил Валентинович, как человек глубоко верующий и, без всяких громких слов, болеющий душой за нашу российскую Державу, меня не только внимательно выслушал, но и дал соответствующее поручение компетентным сотрудникам. Через некоторое время эта проблема была решена.

Кстати, после этого случая мне по инициативе Писателя довелось ещё несколько раз встретиться с отцом Феофилом, но теперь уже в монастыре и однажды на подмосковной ферме сына Писателя Сергея Немченко. Особенно запомнилось общение с воспитанниками детского приюта, уже отошедшими от былой беспросветной жизни и начинавшими соображать, что у них появился реальный шанс с помощью заботливых монастырских учителей выстроить новое благополучное будущее. Ребята задавали вопросы, рассказывали о своей жизни, а один из них – худенький вихрастый паренёк с грустными глазами – подробно интересовался службой в таможне, «такой, как в фильме "Белое солнце пустыни"». А после, уже при посещении одного из монастырских соборов, Писатель мне говорит:

– Вы обратили внимание на того воспитанника, который интересовался, как стать таможенником?

– Да, конечно, – отвечаю Гавриилу Леонтьевичу.

– Это сейчас он ожил или, как говорится, оклемался. А когда-то пьяный отец у него на глазах зарезал свою жену – маму этого паренька. Отца за убийство осудили на длительный срок, а хлопчик от нервного сотрясения ожесточился и утратил всякий интерес к нормальной человеческой жизни: стал убегать от назначенных опекунов, беспризорничать. Даже припробовался попрошайничать у прихожан, пока не попался на глаза сердобольным монастырским монахам. И те, будто ангелы-хранители, призвали никому не нужное чадо под своё крыло. А парень-то хороший, старательный в работе и в учёбе. Вот такая у них, монастырских воспитанников, судьба. Вернее, была такой, – поправился он, – но с нашим общим участием да ещё и при духовном соприкосновении с Богом наверняка жизнь их станет иной: счастливой и полезной обществу.

В этом месте, как говорится, можно было бы в повествовании и точку поставить. Но случился в моих отношениях с Писателем и иеромонахом ещё один жизненный эпизод, оставшийся со мной до конца отведённых Свыше дней. Спустя три года после той нашей встречи в таможенном комитете я оказался на больничной койке в связи с необходимостью экстренной операции на открытом сердце – коронарном шунтировании. Вдаваться в подробности не буду, одно лишь скажу, что ничего, конечно, приятного, как, впрочем, и слишком страшного, в таком хирургическом вмешательстве нет. Главное – вложить в своё сознание, что после операции ты будешь жить полноценной жизнью, без каких бы то ни было особых ограничений.

После операции почти полтора месяца длилось реабилитационное восстановление. Я уже практически набрал рабочую форму и находился в ожидании скорой выписки. В один из этих дней во время очередного «накручивания» шагов по берегу санаторного озера позвонил Гавриил Леонтьевич Немченко и сообщил, что он и отец Феофил в курсе всех моих событий и в монастыре молились за моё выздоровление. Я, конечно, поблагодарил за такое внимание к моей персоне и подчеркнул, что постоянно чувствовал духовную помощь и поддержку своих друзей.

– Но я звоню ещё и вот по какому делу, – отвечает мне Писатель. – Батюшка Феофил просит вас найти возможность посетить монастырь для встречи с ним. Как вы относитесь к такому предложению?

– Гарий Леонтьевич, спасибо большое за приглашение. Если честно, сил уже нет никаких столько времени находиться в кардиоцентре, а потом в санатории. Посоветуюсь с врачами: если отпустят на полдня – тем более тут до Звенигорода не столь далеко, – то приеду на пару часов. Желательно это сделать до окончания реабилитации, иначе потом работа так «засосёт», что будет не до поездок по личным вопросам. Я вечером позвоню.

Сказано – сделано: разрешение получил, машину вызвал, и вот мы с водителем катим в сторону монастыря по уютным лесным дорогам Подмоскovie. Лучшая, скажу вам, была реабилитация: чистый лес, отличные дороги, ощущение свободы и новой жизненной энергии!

Как и договаривались, на территории монастыря меня встретили Гарий Леонтьевич и отец Феофил. Обнялись, по-христиански расцеловались, как будто вечность не виделись. Иеромонах пристально посмотрел на меня и без всяких «охов и вздохов» предложил:

– Та операция, которую вы перенесли – божий знак, предупреждение о каких-то личных проблемах и, возможно, допущенных грехах. Как говорил известный герой книги Максима Горького «Фома Гордеев» (и в том есть глубокий библейский смысл спасения души), не согрешишь – не покаешься, не покаешься – не спасёшься. Так вот, я предлагаю вам исповедоваться в одной из наших церквей. Не возражаете?

– Спасибо, отец Феофил, за вашу заботу и внимание. Если честно, я никогда подобных ритуалов не проходил, но к честному и откровенному разговору, тем более с вами, готов. Обновляться ведь надо не только телесно, но и духовно!

– Ну, тогда Гурий, веди нас в Собор Рождества Богородицы.

Когда мы вошли в храм, там практически никого не было. У икон горели свечи, наполняя воздух запахом пчелиного воска, смешанным с устоявшимся ароматом ладана. Писатель, как, видимо, они договаривались, остался у входа, а мы пошли вглубь церковного зала, правее иконостаса, где подле стены располагались несколько стульев. Вдруг священник остановился и, чуть помедлив, спросил у меня:

– А вы вообще-то крещёный человек?

– Да, отец Феофил, меня крестили в нашем станичном храме, причём, насколько я знаю, без особой огласки. У меня даже такие строки есть в одном стихотворении:

Там меня крестили тайком
И старались об этом молчать,
Чтоб отца не позвали в райком
Строгий выговор получать.

– Что поделаешь, такие времена были, – добавил я для полной ясности в этом вопросе.

– Это хорошо, – с едва заметным облегчением произнёс священник и тут же задал следующий вопрос:

– А нательный крестик вы носите?

– Нет, не ношу. И никогда не носил.

И тогда он громко произнёс:

– Гурий, сходи в церковную лавку и принеси нательный крестик, а к нему, обязательно, шнурок. Скажи, что это я попросил, – а потом, обращаясь ко мне, предложил присесть на стульях, поставленных одно напротив другого.

Пусть тайна исповеди таковой и останется, единственное, что особенно запомнилось, это его настойчивый вопрос, а не участвовал ли я в гонениях на церковь. Ответ был однозначный: да, я был комсомольским и партийно-политическим работником, можно сказать, даже не рядового уровня, но уже в те времена, когда мы стали задумываться не об отрицании и уничтожении той же религии, а, наоборот, сохранении наших духовных и культурных ценностей, их использовании в укреплении национального единства и патриотизма. Именно на основе этой своей убеждённости я, будучи секретарём Краснодарского крайкома партии, участвовал в актуальных программах краевого телевидения совместно с представителями церкви. И ничего зазорного, а тем более – антипартийного, противоречащего идеологии КПСС, я в этом не усматривал ни тогда, ни сейчас. Да и люди на это реагировали спокойно и, как мне казалось, одобрительно.

А что касается нательного крестика, вручённого мне тогда отцом Феофилом и русским писателем, моим старшим по возрасту земляком Гарием Немченко, то ношу я его, не снимая, вот уже 21 год, как самого надёжного моего хранителя от неизбежных жизненных проблем и невзгод.

К сожалению, отца Феофила, который рассказывал как-то о своём с детства больном сердце, в живых уже нет (призвал его Всевышний к себе прямо во время церковной службы), а Гарию Леонтьевичу Немченко, в его девяностолетие, желаю новых жизненных сил и вдохновенного жизнелюбия ещё на многие годы!

* Азаров Юрий Фёдорович – кандидат юридических наук, член Союза писателей России, генерал-полковник таможенной службы в отставке, Почётный председатель кубанского землячества в Москве.

ВИКТОР ОЗЕРСКИЙ

г. Гулькевичи

Виктор Васильевич Озерский – член Союза писателей России, автор многих художественных, исторических и краеведческих произведений. Его публикуют не только на Кубани, но и за пределами края. Сборник исторических эссе «От Рюрика до Путина» много раз издавался в Ростове-на-Дону, роман «Перед концом света» («Драма восьмидесятника») был напечатан в журнале «Краснодар литературный», а затем вышел в Санкт-Петербурге и получил благоприятные отзывы. Читателям полюбилился главный герой романа – рядовой чиновник собеса Петрович, честный, интеллигентный, но наивный человек, поначалу поддерживавший горбачёвскую перестройку, а затем жестоко разочаровавшийся в своих ожиданиях. Большой успех принёс Озерскому роман «Мёртвая петля Ткачёва» о кубанском казаке, героическом авиаторе времён Первой мировой войны Вячеславе Ткачёве, соратнике легендарного мастера высшего пилотажа Петра Нестерова. Выражение «мёртвая петля», которое в нашем сознании неразрывно связано с известной фигурой высшего пилотажа, в книге Озерского звучит метафорически. Вся жизнь Ткачёва, образно говоря, была стянута «мёртвой петлей» общественно-исторических потрясений. В настоящее время Виктор Васильевич работает над продолжением романа о легендарном лётчике Вячеславе Ткачёве.

Герои всех произведений Озерского согреты личной симпатией автора, его неподдельной сопричастностью к их непростой судьбе. На протяжении многих лет Виктор Васильевич серьёзно изучал жизнь российского государственного деятеля Николая Васильевича Гулькевича, очерк о котором редакция журнала предлагает вниманию читателей.

Своё семидесятилетие писатель встречает на гребне творческих сил и с оптимизмом смотрит в будущее любимой Родины. С юбилеем вас, дорогой коллега! Читатели ждут ваших новых книг!

ЕГО ФАМИЛИЕЙ НАЗВАН КУБАНСКИЙ ГОРОД

(К 150-летию со дня смерти Николая Гулькевича)

Двадцать седьмого ноября 1876 года в курортном городке Ментоне умер управляющий делами Кавказского комитета Николай Васильевич Гулькевич. Известный в России человек. Тайный советник. Статс-секретарь Его Императорского Величества, награждённый за многолетнюю безупречную службу почти всеми наградами Российской империи, вплоть до ордена св. Александра Невского.

Человек из ниоткуда, из бедной обер-офицерской семьи, он родился в заштатном Орехове, где его отец Василий Григорьевич служил в чине губернского секретаря (12-й класс «Табели о рангах») в одном из присутственных мест Мелитопольского уезда Таврической губернии. Грошовое годовое жалованье отца (100 рублей) было основным источником благосостояния семьи, поэтому позволить «роскошь» – отдать сына в учебное заведение

не представлялось возможным.

Василий Григорьевич сам научил юного Коленьку считать, читать и писать. Особое внимание обращал на каллиграфию, так как понимал, что клерки с красивым почерком быстрее продвигаются по

служебной лестнице, и тогда на закате карьеры можно будет «получить» титулярного советника (9-й класс «Табели о рангах»).

В двенадцатилетнем возрасте Николая пристроили копиистом в штат Мелитопольского уездного суда, где за мизерное тридцатирублёвое годовое жалованье требовалось по 10-12 часов заниматься перепиской документов набело. За любое нарушение (малейшие ошибки, неровность строки, бледность чернил) следовало строгое наказание, вплоть до физического.

Не могла, конечно, юного Гулькевича не постигнуть участь большинства начинающих канцеляристов в присутственных местах с царящими там услужливостью и раболепием перед начальством, интригами и многими другими пороками, ярко отражёнными в классической литературе девятнадцатого века: «Года два был на побегушках, разные комиссии исполнял: и за водой-то бегал, и за квасом, кому с похмелья, и сидел-то не у стола, а у окошка на связке бумаг, и писал-то не из чернильницы, а из старой помадной банки» (Островский А.Н., «Доходное место»). Но любознательный и трудолюбивый мальчик оказался очень полезным для канцелярии работником. Помимо виртуозной каллиграфии, он в горах бумаг быстро мог найти любой документ; хорошо помнил, когда начиналось и какие стадии проходило каждое дело, за что через два года (в январе 1831 г.) получил первое повышение по службе – его назначили повытчиком (делопроизводителем). А вскоре, в связи с образовавшейся в ореховской городской полиции вакансией, его перевели письмоводителем (заведующим канцелярией), где «при условии прилежного, усердного использования возложенных на него обязанностей, хорошего поведения» при достижении восемнадцатилетнего возраста был произведён в коллежские регистраторы (14-й класс «Табели о рангах»).

Редчайший для николаевской России случай, так как в те времена дети недворянского происхождения, не окончившие уездного училища, должны были прослужить на низших канцелярских должностях до десяти лет, прежде чем сдать экзамены на классный чин.

А вскоре юного клерка поджидал ещё один приятный сюрприз. Его заметил Таврический губернатор М. Муромский, подыскивавший в свой штат молодых чиновников, не запятнавших себя на службе, и велел перевести Гулькевича в Симферополь. Там, в должности старшего помощника правителя канцелярии Николай Васильевич, благодаря знанию различных тонкостей губернского управления и делопроизводства, заработал авторитет в высших кругах Кавказского наместничества. Его деловые качества и смекалку высоко оценил С. Сафонов, директор личной канцелярии князя Воронцова, что явилось причиной нового повышения Николая Васильевича по служебной лестнице – переводом в мае 1847 года в Тифлис и назначением старшим столоначальником в отделение сельского хозяйства и горного производства.

Он был молод, амбициозен, пользовался авторитетом у начальства. 19 января 1847 года произведён в титулярные советники. Впереди маячили перспективы быстрого карьерного роста. Однако через восемь месяцев ни с того ни с сего лишился работы, оказавшись в эпицентре интриг высшего руководства Кавказского наместничества и несправедливой жертвой сплетен, зачастую, как всем известно, сопровождающих талантливых людей.

Возникшие неурядицы испытывали характер Гулькевича на прочность: способен ли он не сломаться и не поддаться разрушительным обстоятельствам. Что оставалось делать? Возвращаться в свой заштатный Орехов, так как резолюция об увольнении была подписана самим Воронцовым?

Пристроиться куда-либо в Тифлисе или Симферополе не имело смысла: никто не смел перечить наместнику. Слишком велик был авторитет князя. В сложившейся ситуации Николай Васильевич принимает неожиданно смелое решение – искать работу в Санкт-Петербурге.

В столице у тридцатилетнего молодого человека не имелось ни покровителей, ни даже знакомых. Согревали лишь рекомендательное письмо от Сафонова да волевая решительность в сочетании с профессиональным опытом (18 лет на службе!).

Прощаясь с Гулькевичем, Сафонов посоветовал попытать счастья в Кавказском комитете и засвидетельствовать своё почтение его управляющему В.П. Буткову.

При встрече с Бутковым Николай Васильевич обратился к нему с просьбой о принятии на службу, и для испытания дать какое-либо задание. Бутков, занимавшийся на тот момент подготовкой информации для Второго отделения собственной его величества канцелярии о положении дел в Кавказском крае, решил почерпнуть дополнительные сведения от непосредственного очевидца происходивших там событий. И не ошибся. Быстрота, с какой был составлен доклад, и редакция понравились ему до такой степени, что он приблизил к себе Гулькевича и сделал своим домашним секретарём. А при первой же возможности, в связи с образовавшейся вакансией, зачислил в штат канцелярии Кавказского комитета. Таким образом, с 28 сентября 1848 года вся последующая трудовая деятельность

Николая Васильевича была связана с этой государственной структурой, которую создали для взаимодействия кавказского наместника с верховной властью с целью постепенного превращения стратегически важных для России южных земель в неотъемлемую часть империи. Через канцелярию комитета князь Воронцов в ускоренном порядке решал все вопросы, минуя процедуры, связанные с межведомственной волокитой, что свидетельствовало о кардинальной заинтересованности императора в активных преобразованиях по управлению южным регионом.

Следующей серьёзной проблемой государства явились многочисленные злоупотребления на восточных окраинах страны, поэтому для оперативного контроля над деятельностью их генерал-губернаторств в апреле 1852 года Николай Первый учредил Сибирский комитет. Ведение делопроизводства в нём поручалось канцелярии Кавказского комитета, а, следовательно, формирование документальной базы вновь легло на плечи Н. Гулькевича. В его руках сосредоточилась вся информация о Сибири: правовые акты, отчёты губернаторов, статистические материалы и др.

О том, насколько чётко и скрупулёзно он это сделал, можно судить по документам, сохранившимся в фондах Российского государственного исторического архива. В первый год работы Сибирского комитета канцелярия сформировала более 200 дел, ознакомление с которыми свидетельствует об усилении контроля за местными администрациями и о координации деятельности министерств с сибирскими генерал-губернаторствами в решении важнейших региональных вопросов, связанных с исправлением недостатков.

В результате высочайшим приказом по гражданскому ведомству 1 января 1853 года Николаю Васильевичу «за отлично-усердную и ревностную службу» было объявлено монаршее благоволение, а несколькими месяцами ранее пожалован знак «За XV лет беспорочной службы». В представлении к награде отмечалось, что Н. Гулькевич «во время служения и в должностях, им занимаемых, оказался ревностным и усердным; при том, трудами постоянными, продолжительным прилежанием и непоколебимою нравственностью показал себя полезным и ревностным исполнителем в делах службы».

За первые шесть лет трудовой деятельности в Санкт-Петербурге он смог дослужиться до чина статского советника (5-й класс «Табели о рангах») и стать помощником (т.е. заместителем) управляющего делами Кавказского и Сибирского комитетов.

Помимо своих непосредственных обязанностей ему приходилось выполнять и другие поручения. В частности, осуществлять надзор над воспитанниками из числа народностей Северного Кавказа и Закавказья, обучавшимися в высших учебных заведениях Москвы, Харькова, Одессы, Казани и др.

Подготовка дипломированных чиновников, юристов, педагогов, врачей, агрономов, инженеров, хорошо знавших обычаи и верования «туземцев», создавала условия для более эффективного культурно-информационного обмена. Это способствовало привлечению в союзники пророссийски настроенной элиты из числа местного населения и ускорило, в отличие от военно-политической колонизации, превращение данной территории в неотъемлемую часть империи.

О результативной политике русского правительства по умиротворению таким путём кавказских народностей свидетельствуют исторические факты: когда во время войны 1877 года турецкое командование через свою агентуру попыталось поднять восстания в Чечне и Дагестане, их авантюра потерпела крах. Определённая лепта в достижении успеха принадлежит и Н. Гулькевичу.

Летом 1856 года по поручению В. Буткова Николай Васильевич принял активное участие в подготовке мероприятий по случаю коронации Александра Второго. В церемонии впервые принимали участие делегации от окраин Российской империи. Их представительство свидетельствовало о восприятии национальных элит как неотъемлемой части государственного механизма. Гулькевич занимался перепиской с регионами по отбору делегатов, куда должны были войти люди, пользовавшиеся уважением среди населения и местного начальства. Контролировал расходы на проезд и содержание народных избранников. Лично участвовал в организации встреч императора с депутациями от горцев для награждения их орденами и медалями, новыми чинами и денежными премиями.

17 августа состоялся торжественный въезд Александра Второго в Москву. Это мероприятие поразило своим великолепием гостей из разных стран. «Замечательнее всего, – писала английская газета «Таймс», – была кавалькада, состоявшая из азиатских народов, которые покорились России... Здесь были башкиры, черкесы, абхазцы в панцирях и тонких кольчугах, калмыки, татары, дикие горцы, обитатели таких стран, куда не проникал ни один образованный европеец...».

Красочное шествие продемонстрировало тот факт, что Россия владеет Сибирью и Кавказом, и их народы достойно служат императору, а 26 августа на одном из августейших приёмов Гулькевичу в числе лиц, внёсших наибольший вклад в подготовку и проведение торжеств, вручили серебряную медаль «В память коронации императора Александра II».

Преобразования 60 – 70-х годов в России, получившие по признанию либеральных слоёв общества название «Великие реформы», не могли не затронуть и окраины государства. Однако наместнику удалось убедить императора, чтобы на Кавказе они осуществлялись постепенно, с учётом интересов национальных элит. В частности, для проведения мероприятий по ликвидации крепостного права там были созданы уездные комитеты, где изучались инструкции по ознакомлению с Указом от 19 февраля 1861 года, составлялись реестры с подробным описанием количества угодий и земли по каждому двору, размеров податей и повинностей, отбываемых крестьянами в пользу помещиков. После чего на заседаниях Закавказского комитета шла обработка нескольких законопроектов с учётом национальных особенностей региона с последующей отправкой их на согласование в Санкт-Петербург.

Организацией процесса по внесению изменений и дополнений в проект членами правительства занимался Н. Гулькевич. За работу, исполненную «с совершенной отчётливостью, способствовавшей успешному разрешению дела к назначенному сроку», в феврале 1865 года его представили к награждению золотой медалью «За труды по освобождению крестьян».

К этому времени Николай Васильевич в чине тайного советника (3-й класс «Табели о рангах») исполнял обязанности управляющего делами Кавказского комитета. И уже в конце года председатель комитета министров князь Гагарин «испросил соизволение» на присвоение Гулькевичу звания статс-секретаря, так как управляющий делами Кавказского комитета выполнял те же обязанности, какие лежали на управляющем делами комитета министров. А именно: объявлял к исполнению высочайше утверждённые положения Кавказского комитета, регулярно взаимодействовал с наместником, министрами, главнокомандующими. В результате 31 декабря 1865 года Николай Васильевич был «всеми-лостивейше жалован» в статс-секретари его императорского величества.

Для усиления влияния «русского элемента» и поощрения миграционных потоков, связанных с низкой плотностью населения в Кавказском крае, активным проводникам царского престола по закону от 29 апреля 1868 года было разрешено приобретать недвижимость на этой территории. Лучшие земли предоставлялись офицерам, генералам, а также высокопоставленным чиновникам. Среди них оказался и Гулькевич. В награду за плодотворную деятельность «на пользу Кавказского края» ему было пожаловано «в вечное и потомственное владение из свободных земель в Майкопском уезде, «на правой стороне р. Кубани против ст. Кавказской до балки Арзамачхо», три тысячи десятин.

Второго июля 1872 года Александр II утвердил Устав «Общества Ростово-Владикавказской железной дороги». Её учредитель барон Р. Штейнгель завершил производство работ через три года, когда в 249 верстах от Ростова выстроили пятнадцатую по счёту станцию «Гулькевичи», положившую начало городу и названную по фамилии владельца участка, через земли которого пролегла железнодорожная магистраль.

К сожалению, нам не удалось найти документальных свидетельств посещения Николаем Васильевичем своих угодий. Однако приуроченная к моменту межевания (лето 1872 года) его командировка в Кавказское наместничество по специально выбранному маршруту: Новороссийск, Екатеринодар, Майкоп, Ставрополь, Тифлис не вызывает сомнений в том, что он лично присутствовал при выборе удобного для себя участка земли.

Второй приезд Гулькевича на Кубань весной 1873 года совмещён с получением межевых планов и книг, а также расширением надела в связи с покупкой у члена Окружного совета Кавказского военного округа тайного советника Вастена восьмисот десятин. Привыкший всё делать основательно, Гулькевич посчитал, что лично должен осмотреть свои владения, определиться с их использованием и нанять управляющего. Официальная причина поездки указана в документах российского государственного исторического архива, где в ходатайстве председателя Кавказского комитета перед императором отмечалось, что Николай Васильевич, находясь в болезненном состоянии около трёх недель, должен по совету врачей оставить Петербург и отправиться на один месяц на юг.

Последний приезд Гулькевича в наши края совпал с открытием движения по Владикавказской железной дороге. После очередного обострения болезни он написал прошение о четырёхмесячном отпуске (с середины апреля до середины сентября 1875 года) для лечения на Кавминводах. Думается, времени подлечиться и позаниматься обустройством дел на своей земле у него было предостаточно.

В те годы начался активный процесс колонизации Кубани. Наиболее крупные участки земли покупали или брали в аренду потянувшиеся сюда предприниматели из Таврической и ряда других южных губерний России – такие, как Петрики, Николенко, Пеховские, которые занимались разведением тонкорунных пород овец. Их опыт заинтересовал и Гулькевича, о чём свидетельствует его переписка с Лорис-Меликовым, бывшим в то время начальником Терской области. Николай Васильевич попросил его помочь доставить на Кубань из альпийских лугов стадо от арчинских овцеводов.

Однако насладиться успехами от результата своей затеи Николаю Васильевичу было не суждено. Болезнь прогрессировала. 30 октября 1876 года председатель комитета министров П. Игнатьев написал ходатайство на имя императора, в котором, в частности, просил об увольнении Гулькевича в отпуск во Францию на четыре месяца, так как статс-секретарь, «перенеся недавно тяжелую болезнь и не оправившись от неё, должен по совету врачей оставить Петербург».

Назад живым он уже не вернулся. Восемнадцатого декабря поезд с гробом прибыл в столицу на станцию Варшавской железной дороги. Оттуда тело покойного в сопровождении траурного кортежа перевезли в церковь Воскресенского Новодевичьего монастыря, где произошло отпевание, а затем и погребение на монастырском кладбище. Чуть позже родственники установили на могиле мемориальный портрет-барельеф.

В годы советской власти монастырское кладбище подверглось многочисленным надругательствам. Сильно пострадал некрополь с захоронениями государственных деятелей дореволюционной эпохи. Уничтожена была и могила Н. Гулькевича.

Несколько поколений местных краеведов предпринимали безуспешные попытки найти её. И лишь три года назад, благодаря поддержке неравнодушных людей, нам удалось это сделать.

Участие и прямое содействие со стороны заместителя председателя Законодательного собрания края Н.Н. Петропавловского помогло максимально ускорить решение столь важного для гулькевичан с точки зрения исторической справедливости вопроса. Летом 2024 года Николай Николаевич смог добиться аудиенции с игуменьей Воскресенского Новодевичьего монастыря матушкой Софией. Настоятельница подсказала, где искать план дореволюционной выкопировки кладбища с поимённой нумерацией могил, и в дальнейшем поспособствовала, чтобы восстановление места упокоения прошло без излишних проволочек.

Администрация города Гулькевичи организовала при поддержке меценатов сбор средств на изготовление и установку гранитного креста с выбитой на нём надписью «ОТ БЛАГОДАРНЫХ ГУЛЬКЕВИЧАН».

27 ноября 2025 года, в 149 годовщину со дня смерти Николая Васильевича Гулькевича, в Санкт-Петербурге состоялась панихида по усопшему.

ЕВГЕНИЙ ХАРИТОНОВ

г. Белгород

Харитонов Евгений Николаевич – член Союза писателей России, автор четырёх сборников стихотворений, лауреат международной литературной премии «Форпост» памяти поэта Сергея Короткова (2023), лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2024), победитель конкурса современной поэзии имени Николая Рубцова «Звезда полей» (2025) и т.д. Произведения белгородского поэта регулярно публикуются на страницах печатных изданий в России и за рубежом.

ВОЙНА И СОВЕСТЬ

Живой

К дому от самой границы
Стая не птичья летит.
Только дурак не боится!
Белгород вам подтвердит.

Миг от испуга до комы –
Здесь кому как повезёт.
«Жив ли?» – напишет знакомый.
«Жив, но немножко трясёт!».

«Жив», – отвечаешь супруге.
«Жив», – отвечаешь отцу.
«Это ли жизнь?» – на досуге
Мысли отправишь Творцу.

Просятся нервы наружу –
Шансы сдержать на нуле.
Может, я Богу не нужен,
Раз до сих пор на земле?

Военный госпиталь

Коридоры пусты. В коридорах царит тишина.
Лишь порою доносится
 жалобный скрип кровати.
Не придут к солдату
 ни дети, ни мать, ни жена;
Как я слышал не раз:
 «Ни к чему о ранении знать им!»).

У хирурга мечты – не лишиться бы сил до утра
Да спуститься во двор,
покурить не спеша сигарету.
Прислонившись к окошку,
заплачет тайком медсестра,
Укоряя себя каждый раз
за несдержанность эту.

Вот опять во дворе
 вереница из «скорых» машин.
Пот стирая со лба,
 им навстречу бегут санитары:
«Ты, браток, потерпи!
 Ты, родной, умирать не спеши!
Мы подлечим тебя
 и прогоним ночные кошмары».

Только чем их лечить?
 Не всегда есть зелёнка и йод...
 Вновь придётся для них всей
 страной собирать на лекарства.
 Пятый год СВО, а до многих никак не дойдёт,
 Что сейчас на кону
 наша жизнь и судьба государства!

Прилёт

На месте дома пепелище –
Снарядом в щепки разнесён.
А верный пёс перенесён
Туда, где сроду не отыщешь.

Не плачь, родимое дитя,
Слезами пса вернёшь едва ли.
У нас остались ты да я,
Да эта синь над головами.

Быть может, там, где синь густа,
Наш пёс лежит у ног Христа.

Весна в приграничье

Трезвонит март: «Весне дорогу!».
Весна-певунья шла по логу
И вдруг упала... Голос звонкий
Мгновенно стих на дне воронки.

Весну никто и не заметил.
Прикрыл землёй воронку ветер.
Раздался смех ворон над логом:
«Идёт война! Войне дорогу!».

* * *

*Волонтерам из группы
«Белгородские кружевницы»**

К священным вратам православного храма
Во время войны все дороги ведут.
В одном из таких наши сильные мамы
Защитные сети для фронта плетут.

Станки закрипели в уютной подклети,
А значит, гостинцы получают полки!
Намолена каждая ленточка в сети,
С любовью завязаны все узелки.

Давно затвердели на пальцах мозоли,
Но это не принято здесь обсуждать.
Принёс кто-то ящик томатов в рассоле,
Чтоб вместе с сетями на фронт передать.

А кто-то испёк на досуге печенье
И целый мешок насушил сухарей.
Исходит от храма такое свеченье,
Что меркнут пред ним огоньки фонарей.

Оденутся в сети зенитки и пушки,
С небес не отыщешь район блиндажей!
Хрустит мимоходом сушёной горбушкой
Солдат, проходя по низовью траншей.

И вроде бы все остаются при деле,
Но нету покоя в сердцах матерей.
Летят сообщения: «Сети сгорели,
Пришлите немного ещё поскорей!».

К священным вратам православного храма
Во время войны все дороги ведут.
В одном из таких наши сильные мамы
Защитные сети для фронта плетут.

* Руками женщин из волонтерской группы
«Белгородские кружевницы» с начала СВО
изготовлено и передано на фронт более 2500
маскировочных сетей. А количество собранной
гуманитарной помощи для беженцев и военных
и вовсе сосчитать невозможно. Трудятся они в
храме Сергия Радонежского. Настоятель храма –
протоиерей Василий Сергиенко. В прошлом году
его сын погиб в ходе боевых действий на Украине.

В майский вечер

Кто-то плакал в жилетку,
Кто-то спал за столом.
В майский вечер соседку
Поминали селом.

Мать соседки, Ирина,
Всё твердила в бреду:
«Скоро, дочка, малина
Будет алой в саду.

Вишня соком нальётся,
Сварим вкусный компот.
Папа с фронта вернётся
К нам, родная, вот-вот...».

Стала белой за вечер
Под косынкою прядь.
Жалко Иру, конечно,
Ей всего двадцать пять.

Отцовский крестик

От Донецка до Новоазовска
Не давал нам покоя туман.
Не случайно мне крестик отцовский
Накануне был матерью дан.

Он виновник того, что тревога
Не смогла подобраться к душе,
Ведь возникший туман на дороге
Был в то утро беды протезе.

Помню также в минуты просвета
(Я предчувствовал это нутром),
Видел в чёрные платья одетых,
Вдоль дороги блуждавших ворон.

Что же делали здесь эти птицы?
Кто над ними имеет бразды?
Не велели ли им убедиться
В том, что мы не минуем беды?

Чем всё кончилось? – Берег Азовский
К нам на помощь прислал ветерок.
Я же думаю, крестик отцовский
В этот день от беды уберёг.

Третья осень

Небес окраина в огне,
Но эхо взрывы не доносит.
Природа вдруг явила мне
Простой закат в простую осень.

Я замер, глядя в высоту,
На красок линии кривые,
Как будто эту красоту
Увидеть мне пришлось впервые.

Война и совесть

Не считал я совесть за валюту,
Но внезапно грянула война...
У богатых что ни день – салюты,
На груди у бедных – ордена.

Слово «совесть» здесь не оговорка,
Ты судьбу с бездушьем не венчай!
У богатых на столах икорка,
У солдат в окопах честный чай.

В нашем мире лживом, несвободном,
Где не стоят жизни и гроша,
В час войны богатым быть не модно,
Если то богатство – не душа!

* * *

Хоть декабрь, но снега нету
И, видать, не будет вовсе,
Коль с рассвета до рассвета
К нам война приходит в гости.

И никто пока не знает,
Как прогнать отсюда гостью.
Снег летит к земле со злостью,
Но её не покрывает –
От людского горя тает.

О друге

*Дмитрию Маслову**

Который час лютует вьюга
И бьётся в форточку крылом.
А я на кухне рядом с другом
Сижу, в раздумьях о былом.

Ах, это светлое былое –
Гнездо, выдавшее птенца.
В те годы солнце золотое
Влекло куда-то без конца.

Текут из памяти картинки:
Качели, школа, гаражи...
И я промолвил другу Димке:
– А ты что помнишь? Расскажи!

Мой друг смеялся, не моргая,
Застыв на фото предо мной.
В тот миг, наверно, полагая,
Что будет долгим путь земной.

Что, как у всех, родятся дети,
С работы будет ждать жена...
Но кто бы знал, что планы эти
Разрушить вздумает война.

* Посвящено добровольцу из Белгорода,
моему однокласснику, погибшему в 2023
году под н.п. Клещеевка Донецкой Народной
Республики при выполнении боевой задачи
в составе группы разведчиков.

ГЕННАДИЙ ПОШАГАЕВ

г. Краснодар

Бог наградил нашего земляка, Геннадия Григорьевича Пошагаева, многими талантами: он прекрасно рисует, обладает абсолютным музыкальным слухом и играет на трубе. Но с детства он мечтал стать писателем, чтобы рассказать в книгах о тех, кто ему дорог... И мечта его сбылась!

Почти все персонажи Пошагаева срисованы с натуры, взяты из собственной сложной, наполненной богатым опытом жизни. Его отец погиб на фронте в самом начале войны, а вскоре после Победы умерла, надломленная болезнью, мать. Шестилетний Гена был отдан в детский дом. Малыш узнал, что такое одиночество, «дедовщина», полная зависимость от воспитателей. Сегодня, в разговорах с друзьями, писатель неохотно делится своими воспоминаниями. Ему легче записать их, когда он остаётся один на один с чистым листом бумаги.

Настоящую писательскую известность принесла ему автобиографическая повесть «Немая», впервые опубликованная в 2000 году в четырёх номерах газеты «Литературная Кубань». Писал он её неторопливо, раздумчиво. Это были грустные и в то же время светлые воспоминания о далёких годах, когда он, дошколёнок, счастливо жил с мамой, даже не подозревая, что скоро её потеряет.

Писательский почерк Пошагаева легко узнаваем. Стоит прочесть два-три его рассказа, и мы непременно запомним его живой, чуть ироничный стиль, который нельзя спутать ни с каким другим. Добрым теплом согрет небольшой рассказ «Натуська», посвящённый любимой внучке.словно солнечный лучик, Натуська растапливает начинающие леденеть сердца взрослых. Её маленькие ручки, гладящие деда, дороже всех благ мира.

Герои Пошагаева приходят к нам со страниц его книг, словно живые: юный скиталец Чумаков, маленький осиротевший Гоша, беженец Андрей Чокин, мечтающий о своём доме... В каждого из них писатель вложил частицу себя.

Недаром Геннадию Григорьевичу досталась такая фамилия – Пошагаев: он прошёл нелёгкий путь от маленького воспитанника детского дома до известного писателя, лауреата престижных литературных премий: муниципальной имени Анатолия Знаменского и краевой имени Епистинии Степановой. Он и сейчас не забывает своего верного друга – старую пишущую машинку.

Счастливого вам творчества, дорогой Геннадий Григорьевич! Редакция журнала сердечно поздравляет вас с юбилеем! Будьте счастливы! Здоровья вам и новых творческих свершений!

В СВОЁМ ДОМЕ

Повесть

1.

В низенькой сумрачной времянке со стенами, оклеенными дешёвыми обоями, сидела тёща Андрея Чокина, полнотелая Власьева, и напряжённо-испуганно прислушивалась к ударам топора за окном. Дрожала ветвь акации, готовая рухнуть, с неё осыпалась мелкая золотистая листва. Власьева повела взглядом в полутьму комнаты, где тускло поблёскивала спинка никелированной кровати с шишечками, и потухшим голосом спросила:

- Так говоришь, житья нету? Поганный человек, хоть и брат мне... Он и рос таким дурковатым...
- Рецидивист проклятый! Столько отсидел – не успокоился! И старость не берет...

Власьева приехала в город ранним автобусом. Молодые ещё спали. Настя открыла хлипкую дверь, протирая припухшие глаза и поправляя «чалму» на голове из махрового полотенца – чтоб держались бигуди. Мать одышливо сообщила дочери, что тихо прошлась от калитки к времянке, хозяин и не заметил её.

...Послышался шелест листвы, и вновь раздался стук топора. Громадная ветвь покачнулась и, треснув, стала медленно валиться. На ней зыбко залопотали сухие, светлые пяточки листьев, заде-

вавшие оконное стекло; по потолку и стене времянки зарябили тени. Власьевна замерла, взглянув на ожившие мельчайшие блики, и выпуклый лоб покрылся капельками пота.

– Сдурел братец! – отодвинулась от окна.

– То-то и оно, мам! Опять надумал рубить под окном, – ворчала Настя, надевая чулки. – Нарочно, чтоб позлить! Ему наплевать, если придавит нас. Крыша трухлявая ведь... Как выходной, так начинается дурью маяться. Хоть беги отсюда...

– Ну, знаешь... ты тоже больно нервная стала!

– Надоело! Когда вздумается – врывается, ломает двери! Не любит, что закрываемся на крючок. – Настя обернулась к шупленькому мужу, который имел привычку под утро прятать голову под подушку. Его безучастность ко всему вокруг приводила её в ярость. Не выдержав, затеребила плечо: – Вставай! Долго еще будешь вылёживаться?! Не стыдно, Андрей?! Посмотрите-ка на него! Мама приехала повидаться, за нас беспокоится, а этот лежебока...

– Да пусть... не дёргай ты его! – заступалась Власьевна за зятя. – Нельзя так, доченька, была бы своя хата – другое дело, а у чужих не особо и ворошиться. Таких родственников иметь, как братец мой, не дай Бог... Вы уж поосторожнее с дядькой Ванькой. Раз он чумовой – не дразните! Самолюбивый чёрт, чего доброго... – И Власьевна, не договорив, тяжело вздохнула.

– Не могу больше, мам! Надо в другом месте поискать квартиру... Слышишь, Андрей?! Вот возьми и сбеги к мамке в станицу! Сбил с толку: рабо-о-ту в городе найдём!..

Андрей скрипнул сеткой, высунулся из-под подушки.

– Утомонись! Я же вкальваю! И тебе подыщем что-нибудь...

– А толку? Колотишься на своём железобетонном заводе, а уже больше месяца как нет зарплаты! Спасибо маме...

Огрызнувшись, муж уткнулся носом в подушку, не желая ввязываться в дразги. Власьевна шумно перевела дыхание:

– Перестаньте, дети, а то услышит дядька Ванька... Прав Андрюша: в городе что-то да можно найти. Была бы шея, а хомут всегда успеете надеть. Вы здесь прописаны, а это и главное...

Заскрипела сетка, приподнялся зять, со включенными волосами, хрупкий, небольшого росточка. Заговорил, словно оправдываясь:

– Был в администрации... Говорил, что беженец... что год уже работаю арматурщиком, объяснял, мол, жить негде, хочу строиться. Попытался выпросить компенсацию за потерянную квартиру в Грозном. Ага... так и дали! И разговаривать не стали: не имею статуса вынужденного переселенца...

Тёща махнула рукой:

– Сколько волокиты! Ничего, и без статуса обойдемся... Молодец, Андрюша, что всё узнал, будем учёными... Слышала от людей, можно дачный участок купить в черте города и на нём построить. Деньжат раздобудем! Займу, сниму и те с книжки, что на похороны отложила, лишь бы вы между собой ладили. Общими усилиями как-нибудь слепим хату...

Потягиваясь, Настя неслышно, словно кошка, подошла к зеркалу трюмо, оглядела себя уныло, будто убеждалась по отражению своему, что из бедности ей ещё долго не вылезти, и привычным движением рук поснимала с головы бигуди.

Власьевна вздрогнула и напряглась, услышав под окном всё тот же стук топора. Из-под тюлевой занавески видно было, как брат, хрипло кашляя, шаркая стоптанными босоножками, расхаживал по саду, переступая через валявшиеся срубленные ветки. Изредка с ожесточением сморкался, пинал бутылки из-под пива, что попадалось под ноги, и Власьевна зябко поёжилась, почувствовав себя неуютно. Слово спохватившись, стала накутывать на седую голову большой с бахромой вязаный платок.

– Помните, дети, – предостерегла она, собираясь уходить, – жаловаться идти некуда, это вам не советское время... А мужа, дочка, понапрасну не брани. Зарплату не сегодня, так завтра выдадут... Он работающий: в выходные дни не бьёт баклуши, додумался на барахолке приторговывать железяками. Не курит, не пьёт – куда уж лучше! А ты всё трещишь, как сорока!

Мать с укоризной поглядела на Настю, с трудом поднялась со стула, чувствуя, как огрузла от долгого сидения, и точно бы неторопливостью придавала себе солидность. Покивав головой, обронила чуть слышно:

– Засиделась тут с вами... Поеду до дому кур кормить, да и Жучка голодная бегает...

– Посиди ещё, мама! – спохватилась Настя. – Так редко видимся! Сейчас борщ разогреем, позавтракаем...

По двери гулко затарабанили, и Настя вмиг побагровела:

– Опять принесло! Ух, рожа бандитская!

– Эге, архаровцы! – послышалось снаружи. – Открывайте! Где вы там?!

Крючок не выдержал, вырванный из дверного косяка, упал на пол, коротко звякнув. В проёме двери, качая головой, криво ухмылялся костлявый хозяин, морщивший узкий лоб.

– Эх вы-ы, сони! Дрыхнете?!... Солнце палит во всю ивановскую, а они... Ха-ха, племянница голая!!

Настя растерялась и тотчас шмыгнула за шифоньер, испуганно пряча под узорчатую ночную сорочку наполовину выглядывающие груди.

– А-а, го-го!! Засёк!.. Всё, Настя!! – торжествовал дядька Ванька, захлебываясь ржанием, бесстыдно подглядев недозволенное. Но, заметив осуждающий взгляд сестры, оборвал смех. Нагло встал с места, в упор, точно норовил боднуть непрошеную гостью, однако не выдержал встречного неуступчивого взора, ускользнул взглядом вбок. Он терпеть не мог у себя во дворе посторонних. Присутствие сестры, к которой давно утратил родственные чувства, и подавно привело его в бешенство.

Со сдержанной холодностью рассматривала Власьевна брата. Не молвив ни слова, стала собираться. Взяла со стула клеёчатую порожнюю сумку, в которой принесла молодым зелень со своего огорода и зарубленного кролика, и подалась к двери. На пороге обернулась.

– Ну, дети... – её голос дрогнул от волнения.

Не в силах сказать что-нибудь, кивком попрощалась. Хозяин молча посторонился, пропустив её, дородную, грузно переваливающуюся с ноги на ногу. С кривой усмешкой глядел, как по лицу женщины сбегали бисеринки горьких слёз. Дождался, когда захлопнется калитка и желчно подковырнул:

– Соскучилась теща! Андрюха... а я за тобой! Айда, друг ситцевый, дело есть!

Чокин уже сидел на кровати в рваном трико, просовывая в голенища сапог бледные ноги. Накинул на плечи рабочую брезентовку, поискал ушанку и послушно вышел.

У забора желтела примятая, высохшая трава. По всему искалеченному саду разбросаны обрезки досок, спиленные ветки, плотницкие инструменты валялись там и сям. За многое ухватывались руки хозяина, да только ничего путёвого из задуманного им до конца не доводилось, и Чокин не удивлялся безалаберности дядьки Ваньки, как и привычке уводить его из времянки к себе в просторные накурённые апартаменты для особого мужского разговора. Чокин по возможности избегал вступать с ним в спор, в большинстве случаев шёл на уступки, зная, как мстителен и язвителен этот человек.

Хозяина бесила покладистость квартиранта, который, как ему казалось, был себе на уме. И приходилось Чокину изворачиваться, под любым предлогом отказываться от выпивки, что очень обижало дядьку Ваньку. Сбитый с толку сообразительностью парня, хозяин порывался спровоцировать конфликт. Включал радиолу на всю громкость. Современные ритмы были под стать его настроению, и он, рвякая, усаживал Чокина на скамеечку напротив своего высокого кресла, обитого засаленным бархатом грязно-зелёного цвета. Не давая гостю и рта раскрыть, выговаривал ему, какой он охламон неблагодарный, ничтожество, которого ничего не стоит раздавить ногтем. Чокин равнодушно поддакивал, выслушивая угрозы, оскорбления. Машинально расшатывал под собой скамеечку, не вникая в смысл сказанного, и лишь с тоской поглядывал на приоткрытую дверь. С улицы через проём вместе со сквозняком в неухожённые комнаты вливались голоса прохожих, гул машин, становилось тяжело на душе от срывающегося на крик голоса дядьки Ваньки. В который раз тот хвастливо вдальбивал терпеливому Чокину, что не зря остался бобылём и выгнал со двора жену с детьми.

– Я... вы слушайте!.. Я и Насте накажу: детей – рраз, и сделал! А они! – клонясь к квартиранту, дядька Ванька медленно придвигался, слюной обрызгивая Чокина. – А они!! Они потом подадут кусочек хлеба, подлюки?!

Болезненно морщился, отодвигаясь, постукивал костяшками согнутых пальцев по поручню кресла.

– Ты... скажи спасибо племяннице, если б не она... и близко к забору не подпустил бы! Ага, беженец, мать вашу... катись за Урал, в Сибирь! Всех вас туда гнать в шею! Полезли на Кубань... вот вам, дулю с маком!

В такие минуты, когда хозяин, распаляясь, всячески унижал Чокина, тот обычно отмалчивался и, пропуская мимо ушей его брань, мысленно уносился в прошлое. Вспоминал жизнь в Грозном, соседку по дому Таню Титаренко, озорную, с красивыми и восторженными глазами воспитательницу детсада. Андрей навещался к ней в гости, смешил неуклюжей нежностью. Молодую глазастую девушку радовало, что наконец-то есть на свете человек, который думает о ней. Не эгоист – это она точно знала. Стоило ей пожаловаться на сквозняки в квартире, как тотчас сообразительный Андрей прихлопнул откуда-то уголки, жёст, стекло. В несколько вечеров застеклил балкон.

Они собирались пожениться. Однако начались беспорядки в Грозном. Чеченцы стали изгонять русских из домов, а тех, кто сопротивлялся, в упор расстреливали. Однажды эти молодчики появились в их пятиэтажке, где в основном проживали рабочие консервного завода и устроили погром. Какую-то женщину с ребёнком выбросили из окна... А Татьяну избили. Они потребовали, чтобы русские в течение двух суток покинули свои квартиры. Татьяна уехала к родным в Подмоскovie. В те дни Чокин прятался на чердаках, замирал по ночам, прислушиваясь, как стреляют в городе. Он даже не смог проводить девушку.

Страх со временем вошел в привычку. Андрей понял, что порядок и мир не скоро восстановятся, что нужно бежать, пока не поздно. И решил: уйдёт, а там будь, что будет...

Пробирался по неосвещённым улочкам и задворкам, перебежками устремлялся к окраине города. Вырвавшись в холодную степь, подался к железнодорожным путям, петляя в темноте среди складов и

брошенных вагонов, мельтеша по снегу вдоль насыпи, голодный и обессиленный, уходя всё дальше от родного Грозного, ставшего чужим, держа путь на кубанские просторы. В первой же станице, куда он забрёл, беженца не встретили с распростёртыми объятиями. В прописке было отказано, да и работы не нашлось для него. Ничего другого не оставалось делать, как коротать ночи на автостанции...

Неизвестно, сколько бы длились скитания, если б не заметила его старая женщина, прибивавшая полы в кафе. Она сжалась над Чокиным, дала ему свой адрес, позволив беженцу поселиться во времянке до весны. Жилец показался благодарным. Молчаливый с виду, но непоседливый, горячо хватившийся за любую неисправность, чтобы приятно сделать приютившей женщине. Взятая помогать в хозяйстве: обрабатывал землю, пилил дрова, толково производил мелкий ремонт в доме, угождая во всем Власьевне и её угрюмой дочери Насте. Часто Андрей видел их печальными, и подумалось ему: быть может, он им стал в тягость? Но Власьевна однажды пооткровенничала, мол, засиделась Настя в девках. Годы идут, уже ей под тридцать, а женихов подходящих нет, и что делать, не знают.

А позже, в конце последнего месяца зимы, Власьевна, заглядывая Чокину в глаза, неожиданно предложила беженцу жениться на её дочери. Если он согласится на это, то проблема с пропиской отпадает, ко всему и работа в колхозе найдётся, мол, есть у неё знакомый управляющий, дальний родственник.

Чокин смутился и отказался от предложенной сделки. Не утаивая, проговорился Власьевне, что есть у него на примете девушка, вот прекратится неразбериха в Чечне, и они поженятся. А чтобы долго не задерживаться в станице, Чокин отправил письма немногим друзьям, оставшимся в Грозном, чтобы узнать, какая обстановка сложилась в городе после проведенных военных действий по усмирению бандитов, и что с домом, можно ли вернуться в свою квартиру? Андрея известили телеграммой, что дом его полностью разрушен, а это значит, что возвращаться некуда. И хотя там были похоронены мать и отец-фронтовик, возвращаться не было смысла. Стало быть, Таня Титаренко, по которой Андрей истосковался душой, тоже не вернётся. Они расстались в спешке, бестолково... Адреса её родственников он не знал. Где теперь искать?..

Погоревав и отчаявшись, Чокин пришёл к выводу, что как-то надо зацепиться в новой жизни, раз в старую вход закрыт. Не пропадать же? И дал Власьевне согласие жениться на её дочери. Свадьбу сыграли скромную... С работой дело не ладилось, идти скотником не хотелось, и Чокин, не находя себе места, уговорил Настю податься в город. Уж там-то он по своей монтажной специальности быстро подыщет работу. Тёща не возражала. Вспомнила, что в краевом центре живёт брат, и решила съездить к нему, упротить дядьку Ваньку пустить племянницу с мужем на временное проживание.

Немало Власьевна попортила крови, добиваясь своего: брат оказался редкостным грубияном, никого из родственников не признававшим и вообще не желавшим их видеть.

2.

Помня наказ тёщи "не дразнить" хозяина и до поры набраться терпения, Чокин следовал её полезным подсказкам. Взяв себя в руки, не отвечал на оскорбления дядьки Ваньки. В самые нестерпимые моменты он вспоминал ласковую Татьяну Титаренко, по которой не переставал скучать... Если б не война в Чечне, как бы они были счастливы!

А тем временем злившийся дядька Ванька надсаживался, гремел кулаком по столу:

– Тюха ты... тюха-матюха!! Оглох, эй...соня!! – и, в ухмылке перекашивая рот, недоверчиво вонзал в Андрея буравчики-глаза, испытывая презрение и ненависть к квартиранту, думающему о чём-то своем. Ухватившись трясущимися руками за канистру, налил в два стакана вина и скрипнул зубами, процедив:

– Пей!.. Давай, пей, Андрюха-матюха, не выводи из себя!!

– Не пью, вы же знаете, – отнекивался Чокин. – Я, безусловно, благодарен премного, дядь Вань...

– Не вешай лапшу на уши! Э-эх... баба ты! Скоро жинка верхом сядет, будет лупцевать плёткой, погонять, как клячу водовозную! – Хозяин с минуту перекачивал желваки на тощих скулах и, не выдержав упрямства терпеливого квартиранта, засверкал глазами, принуждая уже гортанным криком: – Пей, если уважаешь! Я в гробу видел таких, как ты, вшивый умник! Знал бы, и не прописывал! Нет, ты дядю Ваню уважаешь? Меня, дядю Ваню?!

– Что угодно, но без рюмочек, по-человечески прошу, – защищался Чокин от хозяйского гнева.

Ответ никак не удовлетворял дядьку Ваньку, и он брезгливо подхихикивал. Будто воду, залпом глотнул красное вино из одного, потом из другого стакана, не спуская с Чокина пронизывающего и недружелюбного взгляда. Икнув, поморщился, отёр ладонью подбородок и губы.

– А вот захочу, и сегодня... сегодня с Настей твоей буду спать! Плевать, что племянница! Сама... сама приползёт... Спорим?!

Это заверение ошеломило Чокина. Не сразу придя в себя от хамства, он вдруг устремился к двери. Но дядька Ванька схватил его за руку и, не давая вырваться, разразился хрипучим смехом. Заверил, что пошутил, а если квартирант обиделся, то завтра же пусть выписывается из домовой книги. Нянькаться он не будет! Пусть уматывают с Настей на все четыре стороны к чертям рогатым!

Поостыл, отдышался Чокин, понимая, какой спрос с дуралея, зря погорячился. Однако самолюбие хозяина было задето, он словно догадался, за кого принимает его этот хитрец. Ухватившись за брезентовку у локтя, повёл квартиранта в конец двора, направляясь к низеньким пристройкам, пообещав показать нечто такое, отчего у того глаза ползут на лоб от зависти. Чуть ли не насильно ввёл в сарай, включив свет, подступился к сундуку, пылившемуся в углу, присыпанному охапкой соломы. Эту солому хозяин с яростью смахнул, рывком снял с петель амбарный висячий замок и, подняв тяжёлую крышку сундука, не оборачиваясь, приказал Чокину:

– Пооди сюда! – тяжело дыша, вдруг вытащил шубу. – Бери! Не жалко! Отдаю!

Что-то не походило на щедрость, видать, хозяину захотелось козырнуть широтою души, и Чокин, осторожничая, чтобы не обидеть, для видимости повертел залежавшуюся меховую шубу. Ведь знал, что даром ничего на этом свете не даётся такими людьми, как дядька Ванька. Тут, как нарочно, зачесалось в боку – явный признак охватываемого нервного беспокойства, – и Чокин невнятно объяснил хозяину, дескать, шуба несомненно шикарная, но не по карману. Да и не привык он присваивать себе чужое.

Вне себя от ярости дядька Ванька расплевался, изошёл руганью и не заметил, как Чокин ушмыгнул из сарая, скрывшись у себя во времянке, чем окончательно расстроил хозяина. Воротившись к себе в пустой громадный дом, в котором почти отсутствовала мебель, глянув на голые стены, он долго не мог прийти в себя, будто попал в привычную для заключенного неуютную камеру. Бешенство, охватило его. Какой-то сморчок оказался гордым: не взял шубу. И кто бы нос задирал?!

Включив радиолу, дядька Ванька, словно затравленный зверь, расхаживал по неубранным комнатам, не в силах вынести окружавшей его пустоты и унижения, какое нанёс ему сморчок. Потом, шлепая незастёгнутыми босоножками, торопливо зашагал по узкой дорожке к времянке, высмаркивая нос направо-налево. Покрутился у крылечка и, разъярившись, затарабанил по оконному стеклу так, что оно задребезжало:

– Опять закупились, эй... А ты... беженец! Вот ты огинаешься на барахолке по выходным, ну и... много чего продал?!

– Наторговал, конечно, – не сразу послышалось изнутри. – Так я же по мелочи, по нужде этим занимаюсь! Сколько есть, и ладно, всё наше! Выживаем потихоньку с жинкой на молоке да хлебе! Входи, дядя Ваня, входи!

– Не пойду. Настя на меня дуется, вчера не поздоровалась...

Вмиг Настя показалась на пороге. Протирая припухлые веки, сделала вид, будто и не таит в себе обиды, а даже наоборот рада родственнику. И сообщила хвастливо, дескать, Андрей молодец, способности проявил, удачно наторговал в прошлое воскресенье и на вырученные деньги купил велосипед там же, на толкучке.

– Ну-у?! – присвистнув, удивился дядька Ванька.

Пошли смотреть покупку. Крутили, вертели педали, проверили цепь, потом осмотрели руль и звонок.

– Понятно, что не новый драндулет, – скромничал Андрей. – Да и подшипник барахлит, следует заменить, ну – это пустяк. Авось, послужит для дела... Вот так, по мелочи, глядишь, и раскручусь, крутым стану! Возьму и куплю за городом участок да и начну строиться... Додул, дядь Вань, какие планы наполеоновские вынашиваю?

– А-а... – осклабился хозяин скептически, одобрявший в людях практическую жилку.

– Он у меня молодчина, дядь Вань! – нахваливала Настя мужа, – Умника, старается!

И отозвала Андрея в дом. Побелев, пронзила его сухими глазами, как только ушел хозяин:

– Хватит. Надоело мне видеть рожу этого уголовника! Ни сядь, ни повернись... убедился?! Что делать будем?!

Муж не знал, что ответить, и оба, угнетённые, вышли на солнышко.

В раздумье, досадуя на неустроенность, Андрей подобрал у ног ком земли и с силой швырнул по забору, испугнув чирикавших воробьёв.

3.

На остановке Андрей Чокин выволок из троллейбуса громадную в клеточку хозяйственную сумку, какими обычно пользовались многие «челноки», и, вскинув на плечо, вместе с народом поспешил на толкучку. День выдался ясный, с крыш капало, и по улице сплошь чернели лужи.

За квартал от рынка тянулись ряды галдевших вещевиков, предлагавших свой товар, в основном сезонный. Чокина пошатывало, однако тяжесть груза помехой не была, он ухитрялся опережать передних, неторопливо шлёпавших по талому снегу. Торгаши поругивали Чокина, который на поворотах ненароком задевал их сумкой.

Настроенные к игривым перепалкам, некоторые барахольщики узнавали худенького Чокина, в шутку норовили придержать незлобливое. Здесь, среди них, он был, как свой.

– Причаливай, коллега, куды помчался! Становись, мы тут потеснимся! – говоря это, то один, то другой притормаживал Чокина за рукав болоньевой куртки.

Напрягшись, Чокин прорывался к центральному входу. Всё та же старенькая женщина сидела на перевёрнутом ящике из-под пепси-колы, в офицерской серой шинели, с пепельным начёсом, клубившимся из-под шали, и, подымливая папиросой, с отрешённым видом предлагала леденцовых красных петушков на палочках. Она и Чокину протянула, чем немало позабавила его:

– Ну и даёт тётка! Толковал же в прошлый выходной, что нет никого из пацанят! – Чокин кривенько усмехнулся из-под сумки, слегка её подбросил. В душе он сожалел, что нет детей. «Ничего, – успокаивал себя, – будет своя хата, и нарожает Настя сорванцов, один другого лучше...».

– Пирожки горячие, чебуреки! – неслоь зычно. Торговали цыганки сигаретами, хлебом, пакетами. Толкучка густо роилась, казалось, человеку слабому здоровьем и не проломиться сквозь ряды всяких-разных реализаторов. Кишмя кишели, не поймёшь, кто тут кого теснит.

– Красавчик, а, красавчик! – неожиданно сбоку на Чокина слегка навалилась пухлая, напудренная дама, обстукивая перед самым носом бежевыми импортными сапожками, надев их на руки, словно варежки.

– Погляди какая шпилечка тонюсенькая, а мех... Нет, ты полезай внутрь рукой, пощупай!

– Поберегись! Уйди с дороги, дамочка! – вскипевший Чокин тараном попёр на неё, сумкой отесняя от прохода, и круто завернул, очутившись в другом ряду, среди коммерческих палаток.

Пока Чокин выискивал для себя подходящее местечко, заметно похолодало. Небо подёрнулось мглистыми дымчатыми облаками, которые, сгущаясь, упрятали в своей утробе невинно улыбающееся февральское солнце, проступавшее сквозь ключья блестящей монеткой. Недолго оно порадовало топтавшийся люд теплом и напоминанием о весне, нежданно-негаданно стали срываться снежинки.

Снег вскоре повалил гуще, мельтешение хлопьев убыстрялось, отчего товар, выставленный барачольщиками под открытым небом, не находившийся в укрытии, в отличие от реализаторов, пребывавших под навесом, побелел, точно мукой присыпало. Впрочем, вещевики, торговавшие без палаток и навесов, не унывали. Переговариваясь и поёживаясь, они бодрились, попивали горячий кофе из бумажных стаканчиков да пританцовывали с пятки на пятку, перетряхивая товар, сбрасывая с него горсти пушинок...

К телеграфному столбу кто-то умудрился пристроить смокинг с длинными отворотами, обшитыми шёлком, ниже которого врасстырку чудно белели кальсоны с подвязками. Чокину сделалось смешно, покачал головой: мол, дают деятели! Издали казалось, что висит обезглавленный узник.

Наконец Чокин расположился под голым корявым деревом, в заветрии. Плечом облокотился о шершавый ствол, на душе потеплело оттого, что нашлось пристанище. Неподалеку перед ним по доскам забора кем-то было выведено кистью размашисто: «Фото-радио-музыка». Но что-то настораживало и вынуждало его всё чаще оглядываться по сторонам, и он, поёживаясь от холода, подумал: не влипнуть бы в беду! Обернулся – милиции нигде поблизости нет, а тревога не покидала. Разве учтешь всё?

Вытащил из сумки раскладную сапожничью скамеечку, но садиться раздумал.

Примораживало... Чокин отряхнулся от снега и, чтоб согреться, попрыгал, стуча друг о дружку резиновыми сапогами, хлопая об себя провисшими рукавами болоньевой куртки, и тут его внимание привлекли звуки гармошки. Чокин поискал глазами музыканта и увидел слепого старика, продававшего гармонь, а рядом с ним степенного мужчину в каракулевой папахе, с курчавой серебристой бородкой, похожего на профессора. Сосредоточенно хмурясь, тот пытался разыграть на инструменте, но каждый раз сбивался с такта. Проявляя упорство, седобородый великан вновь начинал мелодию. Незаметно его облепили со всех сторон обыватели, высказывавшие мнения об игре:

– У моего кума е во така двухрядка! – заметил какой-то станичник, – Як загра, коды выдует саомгонки, ну... ну соловей! А тверёзым хужее пиликае, стройности той нема...

В толпе загоготали:

– Липовый музыкант, что ж там гадать!

Не устаивая внимания пустобреха, гармонист повернулся к нему широкой спиной и заново сосредоточился на прощупывании ладов. Старательно и с чувством повёл прерванную мелодию, и она, душевно зазвучавшая, стала выравниваться. Особенно очаровала она красивым звучанием притомившегося Чокина. Звуки всколыхнули в нём памятные вечера, встречи с Татьяной в покинутом Грозном. Невольно Чокин залюбовался бородатым гармонистом, будто узнавал в нём кого-то из близких.

Позабыв о «железках», доставленных сюда для продажи и разложенных на целлофане, Андрей не удержался и подошёл к музыканту. С неестественной болезненной улыбкой слушая мелодию, поник головой... Считай, больше года прошло, как он расстался с грозненской соседкой, а такое ощущение было, будто никогда с нею и не разлучался. Кажется, где-то рядом она ходит, вот-вот подойдёт к нему и улыбнётся. Вот только когда Чокин по-настоящему осознал невосполнимость потери, и что живёт с Настей без любви...

Он качнул ушанкой и будто перекинул голову с плеча на плечо, словно бы одним этим движением норовил отмахнуться от воспоминаний, расстроивших его. Решил не вешать нос, а потому приободрился, похвалил степенного мужчину в каракулевой папахе:

– Здорово играете, уважаемый! Давно научились?

– С детства! – сказал гармонист, польщённый отзывом. – А вы... тоже играете?

– Да нет... – Чокин сдвинул шапчонку на лоб, почесал вспотевший затылок. Стало ему неловко, что гармонист разговорился с ним. – Я на железобетонном тружусь! А зарплату не выплачивают, ну и, понимаете... жить надо как-то! Вот и езжу сюда по выходным...

– Ах, вон оно что, так-так! – степенный мужчина не знал, что ещё сказать, и, потеряв интерес к Андрею, извинился. Сняв с плеча за ремень гармошку, он вернул её слепому старику, не решившись купить дорогую вещь. И, не попрощавшись, ушёл, сунув руки в оба кармана дублёнки.

Чокин вернулся к дереву. Разложенный на целлофане товар находился вроде бы в целости, никто ничего не взял в его отсутствие, но стало вдруг всё противно. Безрадостно он рассматривал мотки вязальной проволоки, муфты, шнуровой асбест, медные пластины, слесарные инструменты. Кофеварка находилась здесь, отремонтированная им самим, найденная на мусорке, вентиля, рабочая синяя спецовка, которую лишь разочек надевал. Куклу пластмассовую принёс: с краю сидит и таращит пуговичные глаза на покупателей, присыпанная снежком. Какие-то огольцы с улицы зашвырнули во двор, дядька Ванька погнал баловников от забора... ну, не выбрасывать же! Не новая, но и не затрёпанная... Вдруг да понадобится малооплачиваемой мамаше, живущей за чертой бедности...

Не просто, оказывается, настроиться на весёлый лад, необходимый продавцу. И Чокин, молодежато потормошив облезлую шапчонку, завалив её набок к оттопыренному уху, осмотрелся по сторонам: только бы не попасться на глаза милиции – беды не миновать! В последний раз сделали ему предупреждение, поугубили штрафом за эксплуатацию торговой зоны. Как тут не поостеречься?..

Какие-то две озябшие старушки подступились, кивнули приветственно:

– Вы тут комендант главный?!

– Я, бабуси, я!

– Нам портрет, сынок, прибить, гвоздичек нужен...

– Всегда пожалуйста и с превеликим удовольствием! На выбор, гражданочки-пенсионерочки! – хлопнув себя рукой по верху шапки, Чокин будто от произведённого хлопка тотчас присел на корточки, потёр окоченевшими ладонями, дуя на них теплом, и стал помогать старушкам выискивать в коробочке из-под монпасье необходимый по размеру гвоздик. Довольные, они сунули ему рублевую монету, но Чокин постыдился принять, отказывался наотрез, и покупательницы поблагодарили его низкими поклонами и робкими улыбками, точно он осчастливил их своей внутренней святостью.

К послеобеденному часу народу заметно поубавилось, облака посветлели, однако не переставало подмораживать. Его железную мелочёвку, считай, всю разобрали – удивительно повезло, и Чокин воспрянул духом: жить можно! Настроение поднялось, куда и усталость делась!

Добирался до подворья уже в сумерках, и только торкнулся к себе во времянку, а тут следом ввалился хозяин, от которого разило перегаром, Ничего не говоря, достал из бокового кармана кожаной ношеной куртки пачку денег и шлёпнул ею по столу:

– Забирайте, черти! Дядька Ванька не жмот!.. – осклабился, заметив на лицах квартирантов растерянность и изумление. – Чо... как бараны уставились на новые ворота? Мне наплевать! Деньги – мусор! Захочу... и самого мэра города с потрохами куплю!

Зареготал неприятно, насупился, злясь, что никто не решается взять деньги:

– Чо... может в рот положить?! Или оба оглохли, мать вашу... Бери!! Дарю пачку!! Ещё раздумывают...

– Да зачем же дарите, дядь Вань? – не понял Андрей. – Мы и не просили...

– Не просили, так бери, пока не передумал! – разъярялся и раздражался дядька Ванька. – А не возьмёте – в печку кину, и хай горят!

И, махнув рукой, ушёл, как всегда оставив двери распахнутыми... Очнувшись, Андрей был решительно настроен вернуть деньги хозяину, но Настя, всполошившись, вырвала у него из рук пачку со сторублёвками и сказала, переводя дыхание, что припрятет куда-нибудь, скоро пригодятся, раз думают строиться. Андрей не нашёлся, что ответить, и вышел на крыльцо.

4.

В полутёмном от нехватки дневного света арматурном цехе по проходу с утра уже начинали катить тележки. С них на бетонный пол сбрасывали звенящие прутья.

Было холодно, с улицы в открытые ворота задувал сквозняк, остужавший спины запаздывавшим на смену. Попадая в цех, рабочие натаптывали снегу, в ржавом дыму тускло маячили их силуэты. Клубы этого дыма нехотя рассеивались и, временами оседая, вновь густо чадили, поднимаясь вверх, вихрясь где-то под потолком.

Монотонный привычный лязг и гул неожиданно был прерван пронзительным свистом, вслед за которым послышался зычный начальственный голос Рыжова. Он стоял у ворот, ножницами расставив ноги, и громко окликал фамилии станочников. Названные, подчиняясь указанию, выключали станки, один за другим выбирались на воздух. Лишь занятый сваркой Чокин, не расслышавший своей фамилии, оставался на месте, продолжая трудиться. Худенький, в смешной шапчонке с торчащими, как рога, ушами, он каждый раз пригибался, надавливая ногой на отключение, и после короткой, ослепи-

тельной вспышки автоматически срабатывала точечная сварка, издававшая щёлканье. Прихваченные стыки тотчас обволакивало сизым едким дымком. Не прерываясь ни на минуту, ловко орудуя, Чокин заученно менял положение сетки, рывками передвигал её по верстаку. Но вот слегка его приморило, он рассеянно взглянул на зарешёченное низенькое окошко и невольно приковался глазами к заводскому двору, сиявшему от оттепели. Солнце так пригрело, что с краёв шиферной крыши стало накапывать. От этой капели и мысли повеселели.

За подслеповатым окошком в жирной охре блестящего солнца с подтаявших прозрачных сосулек всё быстрее срывались капли. Золотившиеся, в разрывах, сбегавшие струйки чем-то напоминали ломанные иглы. Глядя на них, совсем нетрудно представить, как вода, подмывая снег, уже к обеду бешеными потоками будет бурлить в бурьянах, растекаясь по пустырям, и черневшая земля, вытаявшая островками, легко начнёт парить. Под капелью шебуршились лохматенькие воробьи, которые, как и Чокин, радовались теплу. Их игривость передалась Андрею, и он, невольно улыбнувшись, наблюдал за ними. Дробинки капель ударялись о седло велосипеда, оставленного им под окном, и Чокин пожалел, что не догадался вкатить его в цех.

Вдали, переступая шпалы, скорым шагом прошли изолировщицы, бойкие молодки в заляпанных спецовках, напудренные и закутанные в платки. Посмеиваясь, они посматривали куда-то в сторону. Андрею Чокину было любопытно, что же их там могло привлечь? Рывком подался к окошку. Прижавшись к нему, всмотрелся и заметил во дворе цеха своих товарищей по работе, стоявших у поваленного телеграфного столба.

Человек шесть-семь собралось, с ними находился и Рыжов, который озабоченно разъяснял что-то подошедшим электрикам. Те, надев на руки резиновые перчатки, принялись досками рубить провода у фарфоровых изоляторов.

Минут пять не прошло, раздался свист. Чокин обернулся и заметил в воротах рослую фигуру Рыжова. Он помахал рукой:

– Сюда иди, Андрей! Ты что же это не выходишь?! Или ждёшь особого приглашения?! Давай-давай, помоги ребятам столб отнести! Бульдозерист зацепил ножом и повалил, будет теперь ему нагоняй! Чуть самого не придавило...

– А без меня не управитесь, Пётр Погосович?

– Там минутное дело, а ты торгуешься! – воркнул начальник цеха.

Чокин послушно опустил рубильник на пусковом щите и направился в сторону открытых ворот, поправляя рога шапки, брякая свободными резиновыми сапогами. Встречный сквозняк холодил впалые щёки и слезившиеся прижмуренные глаза.

Высочив во двор, Чокин поспешил к товарищам, которые рвения особого не проявляли, словно бы ждали его появления и, склонившись над столбом, раздумывали, стоит ли надрываться, пачкаться.

– Мешкать не будем, – поторопил подошедший к ним Рыжов, подтолкнул Чокина к краю столба. – Берись, Андрей, не стесняйся, и вы... что вы как пеньки неживые! Слушай команду: взя-яли!!

Огромный, задетый ножом бульдозера столб, высмоленный у основания, подняли и понесли к ограде. Чокин шёл последним, пошатываясь, упираясь тощим животом в торец столба, и, как маятником, с натуги покачивал головой. Не доходя до ограды, сбросили ношу в бурьяны. Возвращаться в цех не торопились, выцыганили у Рыжова несколько минут для расслабления и перекура.

Поодаль, в стороне, пылал костёр, к нему и подались станочники. На огне, в чёрном ковше кипятилась смола. Подступившие размякли на потеплевшем воздухе, приставив спины к огню и щурясь на золотившееся солнце, отдавались блаженству и озерцанию. Покуривая, и вовсе притихли, лень было и языком пошевелить. Молодой, дурковатый Яков Хухрин разговаривался, «травил» анекдотические случаи, все повеселели. Время незаметно шло, и они втихаря тянули волюнку, дожидаясь обеденного перерыва.

Рыжов, нервничая, что-то толковал электрикам о бульдозеристе, явившемся на работу в нетрезвом виде. Однако не знал, что предпринять, как поступить с провинившимся, и, разразившись бранью, вдруг пригрозил увольнением. Но, видно, на начальника цеха, как и на его подчинённых, благотворно воздействовала оттепель. Пожалев бульдозериста, многодетного отца, он снисходительно махнул рукой. Оглянувшись, увидел гревшихся станочников.

– Что ж вы баклуши бьёте... – усмехнулся, подошёл к Чокину, сидевшему на корточках у огня, по-приятельски похлопал его по плечу: – Ну... что задумался, Андрей Иванович?!

– Греюсь, Пётр Погосович! Ташкент – красота! – ребячливо ответил Чокин и с молодцеватой готовностью привстал, кивнув на солнце: – Весна на подходе!

– Верно! – кивнул начальник цеха, улыбнувшись – А жизнь... как вообще жизнь, Андрей?

– Выкручиваюсь, вроде бы! Маленько повезло, нашлась старушенция, продаёт участок в загородном посёлке! Ну и теперь оформляю документы. Конечно, много волокиты со справками... Никуда не денешься! Буду строиться! С деньгами бедновато, сами ведь знаете, как с зарплатой хреново...

– Да знаю, – посочувствовал Рыжов и нахмурился. – Строиться надо, что ж это за жизнь без своего угла! Да только какое это везенье? Кому повезло, так это Якову Хухрину! Получил денежное на-

следство! Теперь он крутой... Тётка какая-то у него умерла в Румынии, а Яшка единственный оказался родственник. Адвокаты «Инюрколлегии» разыскали... Хвастался недавно, что собирается свой бар открывать, турки ему выстроили виллу двухэтажную, бассейн выложили голубым кафелем, гараж отгрохали... Яша! Эй, Яков Спиридоныч! – окликнул Рыжов балагуристого, плечистого станочника в кепочке, который рассказами развлекал гревшихся. Перекурщики гоготали, придерживая животы, и потому начальнику цеха пришлось повторно подать голос: – Яков Спиридоныч! Оглох, что ли?!

Тот оглянулся на Рыжова, словно недоумевающая, зачем понадобился начальнику цеха.

– Да я спросить хочу, – сказал Рыжов, – мы тут с Андреем Ивановичем толкуем о твоём наследстве...

– Чо толковать, ещё перед Новым годом получил, – охотно отозвался Яков. – Я теперь увольняться буду, Пётр Погосович!

Рыжов подмигнул Чокину:

– Такие вот дела... Не каждому такое счастье улыбнётся. Ну и ничего, проживём... и ты не унывай, крепись, а как начнёшь строиться, я попрошу ребят своих, и они самосвалом подкинут тебе раствор под фундамент...

– Было бы здорово! – ожил Чокин и, в порыве благодарности измял шапчонку, воскликнув: – До конца жизни не забуду доброты, если поможете с раствором!

– Помогу обязательно! Поможем и лесным материалом, выпишем со склада шифер за бесценки... как передовику производства! Замолю словечко генеральному... Раз я сказал... – вздохнув, Рыжов посерьёзней, ощупывая небритый подбородок, словно бы выискивал на нём то, что вызывало беспокойство. – Да, слушай... раз тебе строиться, Андрей Иванович, то можешь забрать этот столб. Всё равно он тут мешает. Чего ему здесь валяться? А тебе пригодится, приткнёшь куда-нибудь...

– Шутите, Пётр Погосович?! – не поверил Чокин, восторженно улыбаясь.

– Вот тебе на! Я на полном серьёзе говорю!

– А чо, и заберу! Вот посмотрите, возьму и утащу! Ловлю на слове! Тем более, товарищи слышали, свидетели есть... Спасибоочки!

5.

Чокин пораньше отпросился с работы, подкатил велосипед к столбу, насосом покрепче надул починённую заднюю шину. Но, поняв, что самому не справиться с погрузкой, позвал из цеха на подмогу Парфёныча, забавного добряка, пенсионера с бабьим голосом. А тот для компании прихватил Якова Хухрина, балагуристого наследника. К ним ещё двое примкнули, из практикантов. Столб положили на руль и седло, в таком положении, чтобы груз не перевешивался и находился в равновесии. Посмеивались, советовали Чокина не затевать ерунду, мол, велосипед не выдержит тяжести, шина лопнет, и он не довезёт столб. Но Чокин не прислушался к советам, был упрям, для приличия лишь покивал головой и суетливо пустился на поиски проволоки. Как нарочно, не найдя её поблизости, побежал в цех...

Наконец-то столб привязали, и Чокин, напрягшись, под смех и добродушное подтрунивание вытолкнул велосипед из снега и грязи. Путаясь в прошлогодних бурьянах, он выбирал тропку понадежнее и вскоре зашуршал по утрамбованному ракушечнику... Но поехал не к проходной, а к подъездным воротам, куда обычно принимались платформы со стройматериалом, передвигаемые мотовозом-толкачом.

По шпалам, раскорячивая ноги в хлябающих резиновых сапожищах, принаравливаясь к неустойчивости груза, Чокин норовил как можно быстрее выехать за территорию. И вот тебе поле! Рельсы блестящие, дугой уходили в пустыри на соединение с главной железнодорожной веткой.

Кругом ослепительно белели пятна снега, на которых клубками лохматились пережаты-поле и небольшие голые кусты, перезимовавшие в недавние морозы. Всюду рассыпью чернели притихшие вороны. Чокин глазом знатока ухватливо всматривался в те места, где в беспорядке громоздились бетонные плиты, ограждения, сетки арматурные и штабели каких-то деталей, всего того, что обычно предназначалось для строительства промышленных объектов. Чуть правее перед Чокиным стлалось поле, убежавшее к совхозным фермам с черепичными крышами, едва видимым на горизонте. Вскоре Чокину повстречались два вагончика, стоявшие на брусках, без колёс, увешанные стиранным тряпьем, медным тазом и прочей посудой, домашней утварью. На порог крыльца то и дело выходила тощая сгорбленная старуха, из-под руки недовольно и подозрительно оглядывала Чокина, прислушиваясь к скрипу велосипеда...

Было по-весеннему тепло. Велосипед упруго соскакивал колесами с лесенки шпал, всё труднее становилось принаравливаясь к тряске. Руки дрожали, Чокин чувствовал, что перенапряг их, однако не терял бодрости духа, изредка оглядываясь по сторонам. Старуха не переставала смотреть ему вслед, будто норовила хорошенько запомнить его внешность. И Чокин проклял эту езду, напрасно не послушался Парфёныча и Яшку, надо было через проходную выезжать, пусть и в обход, зато катил бы сейчас по ровному шоссе и горя не знал бы. Мучайся теперь... Но пятиться некуда, не возвращаться же! И он боковым зрением не прекращал осматривать окрестности: «Странно, – думал он, – боль-

ше года тружусь на заводе, а ни разу не высовывался за территорию, и получается, что в этих местах впервые оказался».

Присмотревшись ко всему, что попадалось на пути, Чокин догадался, что это грузовой склад под открытым небом, который наверняка охраняется...

Чокин сбавил ход и чуть было не выронил руль. Мотнул головой, стряхнув с хвостиков бровей горячие капли пота. Не терпелось расстегнуть кисло пахнувшую брезентовую куртку, рвануть на себе рубаху, чтобы оголить грудь, освежить ветерком... Как нарочно, никого и нет поблизости, кто бы мог придержать велосипед... Таяние снега усиливалось. Чокин выбрался на гравийку, по которой ошалело неслись грузовики с прицепами, рейсовые автобусы, маршрутки, иномарки, окатывавшие его снежной слякотью и стреляющей галькой.

– Портки не утерай, охламон! – вынеслось из кабины, будто там не человек сидел за рулем, а неандерталец резвился, подпрыгивая на сиденье.

– Болван... куда ж ты гонишь?! – вскипел Чокин, обрызганный грязью. Он расплевался, моргая вслед укатившей тяжёлой машине. И вытереться нет возможности.

Лишь на исходе дня ему, запыхавшемуся, наконец-то удалось добраться на едва передвигавшихся ногах до того самого желанного посёлочка, где он приобрёл участок для строительства дома. Чокин свернул в проулочек и покатил велосипед по светлым лужицам, минуя высокие и голые тополя, на которых горланили вороны, слышавшие жалобный скрип колес, мимо общежития текстильного техникума пробирался, пригибаясь над рулём всё ниже, истратив последние силы. Брезентовая куртка бугрилась складками, собравшись к затылку, из-под неё белела худая поясница.

Скучающие техникумовские студентки, проводившие досуг у распахнутых окон, улыбаясь, рассматривали измождённого человека, щупленького, почти незаметного из-за длинного столба, и недоумевали: что за чудак! Весело кричали:

– Поосторожнее, не поскользнься, дядечка! Идите к нам чай пить!

Чокин шаркнул наждачным заостренным подбородком, тернув им по плечу, и, круче завернув голову, пробормотал:

– Какой там чай!

А те рады были позабавиться:

– Вы же надорвётесь, упадёте, дядечка! У вас, смотрите, левый сапог задом наперёд перекрутился, болтается!

«Им, дурочкам, хорошо», – думал Чокин, нисколько не обижаясь на молодёжь, и помотал головой, дескать, не надорвётся! Штаны бы поддёрнуть, совсем сползли, да руки заняты!

6.

Телеграфного столба хватило на две угловые стойки. Крепили их железными скобами к перильным брускам. Наёмные плотники, вытирая взмыленные шеи, никак не могли расшевелиться, частенько делали передых. Что-то не ладилось, чего-то не доставало для строительства, но наконец дело сдвинулось, пошло живее. Да и погодка тому способствовала...

У травянистого спуска, полого обрывавшегося от огородной межи, мерцала вода, стайками плевались на ней утки. Чокину, смотревшему на крякавших уток и на сухие бурые камыши, не верилось, что весна на подступе. Необычайным показалось тепло после недавних холодов. Солнце щедро припекало, а ведь март только-только начнётся! Плотники, разомлевшие от солнышка, словно по команде приостанавливали свою работу. Умолкало тюканье остро заточенных топоров, визг пилы. Недалеко то время, когда в болоте этом оживут лягушки, днём и ночью станут надирать, пузыриться всласть. Они-то, ладно, не помеха... Удивляла Чокина неаккуратность и расхлябанность некоторых местных, и он недоумевал, глядя на творимое ими безобразие. Нет-нет, и снова булькнет сияющая гладь болота. Опять кувирком полетела какая-то чертовина и шлёпнулась. Вода вмиг проглатывала пустую консервную банку или ещё какую-нибудь дребедень, которую кто-то из своих же, поселковых, швырял, не выходя за калитку.

Шаря глазами по другой стороне водоема вплоть до кирпичного завода, дымившего трубой, Чокин узрел и там неутешительную картину: поверхность болота была засорена строительным мусором. Слегка только подует ветер, и уже прибывает жирную рясу, распухшую от гнили, смешанную с бытовым хламом. Чокин поморщился, увидев неподалеку плавающую ворону с приоткрытым стальным клювом и переломанным крылом. С того же противоположного берега мальчуганы с удочками забредали в камышовую чащобу. Вот они остановились и замерли, услышав смех и тюканье топоров. Закрываясь от солнца рукой, с прищуром всматривались в голых по пояс плотников, мельтешивших у верхних балок и перильных брусков. Ничего ж недавно не было на пригорке, и вдруг, как чудо, вырисовывается строение. Строительство на берегу тихого болота их привлекало не меньше, чем рыбалка.

К полудню и вовсе стало невоготу от солнца, но плотники не прекращали работу, каждый занимался своим делом: кто затёсывал комли, кто фуганком строгал доски, стоя на козлах... Казалось, будто весь посёлок, прилепившийся к окраине города, застрявший осколками крыш в голых садах, в

эту минуту затаился вместе с любопытными ребятишками и тоже, как они, прислушивается к перестуку топоров, скрежету гвоздодёра и вжиканью пилы.

Чокин, бродивший вблизи болота, кажется, не мог надышаться запахом ила и душой ликовал, что видит первую сочную травку, пробившуюся стрелками на некопаном участке, где собирался посадить картошку. Но главное не огород, а дом, который непременно будет воздвигнут рядом с водоёмом. Не мешало бы лодку и ружьё заиметь, чем не забава – дробью хрюскать по дичи? Андрей погладил под рубашкой поджарый живот. Нестерпимо хотелось ему дурака повалить – пусть душа радуется! Вольной жизни захотелось, такой, как у ребятишек, удивших рыбу и посматривавших на плотников...

За короткий срок Чокин перезнакомился в посёлке со многими жильцами и имел представление, у кого какой характер. Считал, что нелишним будет знать, с кем и как разговаривать...

Строительство дома притупляло душевную боль: занятость помогала Чокину не думать о прошлом. Как только обозначилась коробка дома, он понял, что пора смириться и прекратить мучить себя тем, чего никогда уже не вернёшь. Надо радоваться тому, что больше не беженец, а такой же полноправный кубанский житель, законный владелец приобретённого подворья! Да, Чокин решительно был настроен переступить через самого себя, но для этого нужно было, как понимал он, всего себя отдавать семье, делать всё для дома, для жены. И какая бы ни была Настя занудливая и равнодушная, а рано или поздно должна она потеплеть к нему душой. А он постарается не на словах, а делами, доказать жене, какой он семьянин-добытчик...

7.

Парфёныч, узнав, что товарищ по работе строится в том же посёлке, где живёт зять, возрадовался такому соседству и, взяв отгулы, явился рано поутру к Чокину во двор, принеся с собой топор и ножовку. Деликатничая с хозяевами, одновременно осваивался с обстановкой, потом наконец дождался прихода наёмников и с шутками незаметно пополнил собою бригаду. Выяснилось, что он сагитировал и Якова Хухрина прийти на подмогу. Как узнал Чокин, Рыжов поддержал старика, упросил молодого балагура посодействовать в строительстве дома, пообещав сразу же уволить с работы, без отработки. Яшка заартачился поначалу, но согласился с неделю побыть на подхвате.

Работалось весело, Парфёныч не давал скучать строителям, шутивно поведаль, в какие невероятные и комические переплёты попадал Андрей Иванович. Не забыл упомянуть и о порядочности, находчивости этого человека. Уж если что задумал Андрей Иванович – не отступится, своего добьётся, из любого безвыходного положения вывернется, такой вот он сообразительный! И привёл свежий пример: вспомнил тот случай, когда выпивший бульдозерист наехал на столб и повалил его. Так бы и валялся по сей день, пока не сгнил бы, а Андрей Иванович смекнул, взял и увёз телеграфный столб на велосипеде. Без подмоги, сам катил! Колёса и раму покорежило, а дотащил до места. И во всём, можно сказать, он такой отчаянный, работающий.

Смущённый Чокин шнырял по двору, не находя себе места. Получалось, слишком лестно расписывал его Парфёныч, видевший в нём избыток одних лишь положительных сторон. Диву давался: неужто вправду был таким необыкновенным, смелым?! Поёжился, чувствуя себя неловко, усмехнулся. Старался подальше держаться от плотников.

Скуластая, недовольная Настя, вышедшая из саманной хибарки, прохаживаясь возле дома, собирала в ведро из-под раствора гнутые гвозди, щепки и обычно на шутки плотников огрызалась. Лицо её багровело. Особенно все эти дни досаждал ей мускулистый, гогочущий над её худобой Яков Хухрин. В пору обеденного перерыва, когда все слезают вниз и топчутся у корявой яблони, отряхиваются, ожидая приглашения идти подкрепляться в кухню, он, этот баловень судьбы и задира, счастливчик разбогатевший, выждав удобный момент, незаметно вдруг появлялся из-за угла. Настя, напуганная им, в который уже раз, вздрагивая, отскакивала от него ошарашенно. Не вытерпев, пожаловалась мужу, требуя прогнать со двора этого идиота. Андрею едва удавалось её успокоить. Убеждал Настю, что Яков совершенно безвредный, мол, он и в цехе такой же шалопутный, всех женщин затрагивает, и к нему уже привыкли, никто и внимания не обращает. Однажды, в отсутствие хозяина, чтобы поднять настроение Насте, Яков схватил её на руки, скорбно-угрюмую, насуспенную, и закружил, понёс по двору, погигикавая жеребцом. Возмущившись, Настя заколотила дылду кулаками, обозвала его бабником и бандитом. А ему что? Точно мёдом по губам смазали, облизуется, кадык подсакивает на жилистой шее, просит водочки. Без водочки не работается, дескать, ужарились наповал.

Яшка осознал свою вину, признался хозяину, что неловко пошутил, и Андрей не знал, как поступить с неразумным детиной.

Парфёныч сколько раз принимался стыдить Якова за непозволительные выходки. Понял старик: бесполезно читать ему лекции, дури много в голове, не знает, куда её деть, да и махнул рукой: таких не переделаешь!

Сидит Парфёныч на скрепляющей потолочной балке и, поплеывая на задубелые ладони, оглядывает живописные окрестности, залитые солнцем, нахваливает Чокина, мол, удачно отыскал участок, повезло человеку, выбрал поистине курортное местечко для долгого жительства! И видно было по бодрящемуся старику, с каким особым уважением относится он к покладистому Андрею.

Отмерив метром ширину доски, черкнув карандашом, старик вновь затюкал топором. Иной раз, не в силах удержать себя, раздражался визгливым бабьим смехом, заливаясь над проделками Яшки: прицепился к какой-то молодке, проходившей за забором по улице. Ну и шут же гороховый, опасно такому находиться при больших деньгах, все дочиста спустит, проиграет в картишки. Но... жизнь всему научит!

Будто нарочно карандаш выпадет из-за уха, и Парфёныч, не упуская момент, старается хозяйку выследить и ни кого-нибудь другого, а именно её окликнет, вежливо попросит Настю подать карандаш, сам же исподволь норовит узреть, что ж за баба досталась товарищу по работе? И поражало: не приветлива, ни разу не проявила должного внимания к работникам, поднимающим жильё к голубому небу. Видать, скуповата на ласку, ей бы улыбнуться, не реагировать болезненно на шутовские выпады, и Яшка-мерзавец давно бы отстал, не надоедал бы глупостями. А ведь равнодушен стервец к злым натурам, то-то они его будоражат, как магнитом притягивают!

– Андрей Иванович, поди-ка на минутку! Тут неясно! – истомившимся голосом подзывает Парфёныч хозяина из кухоньки, где Настя кипятила воду и готовила строителям обед.

Чокин, перепачканный известью, выскочив из чадной хибарки, хлопнул дверкой и, с жующим ртом, понимающе кивнув, с обезьяньей ловкостью вскарабкался по угловой стойке до поперечной потолочной балки. Повис на ней, надломившись в тощем животе, выразив на лице готовность выслушать ценные соображения человека опытного, который много лет плотничал, разъезжая по российским просторам.

– Ты хозяин, вот и решай! Гвозди не пойдут здесь короткие, тащи подлиннее! И скобы заодно достань...

– К вечеру будут! Пообещали в одном месте... Короче, как скажешь, то и сотворим, – охотно соглашался Чокин, потерев затылок.

– Мне-то что, – ворчал Парфёныч, – можно и подождать до вечера... – и высказал опасение: – Нельзя дело затягивать, Андрей Иванович. Разбалуешь хлопцев. Не давай им расслабляться, пойдёшь и поищи гвозди и скобы...

– Спасибо за подсказку, учту, – молвил Андрей. Предостережение старика его озаботило, и, съехав по угловой стойке вниз, он оглядел разморенных плотников. Зыркнул на шалопутного Яшку: этот с показушной бестолковостью замахивался топором и окончательно разопрел. С топором вроде бы и не расстанется, да много ли толку, раз топор уже не слушается? Андрей, глядя на никчёмного помощника, обеспокоился, понимая, к чему это приведёт. Плохой пример Яшка подаёт строителям, многие из них увяли. Эх, поторопить бы жену с обедом! Ну, невезенье! Яшка явно мутит воду! И зачем Рыжов послал такого работника?

Андрей заметался по двору. Отчаявшись, подбежал к плотникам и попросил не сбавлять темпа.

– Давайте, ну давайте же по-стахановски ещё с часочек поднажмём, братья-славяне! – подбадривает измученно. – Чтоб хоть что-то сделать, пока готовится обед! Пошевелите мускулами! А то, если так кряхтеть, и до пенсии не доххэкаете... Вы, конечно, не обижайтесь...

Якову смешно. Отбросив топор, церемонно достаёт из кармана латаных джинсов пачку сигарет, обрывает уголок:

– Не на мне свет сошёлся клином, дорогой Андрюха! А честно сказать – не идет работа, утробу чуть бы подзаправить горячим. Сухо, радиатор перегревается!

Парфёныч привстал с корточек, держась за стойку, и с укоризной посмотрел на балагура:

– Кончай разговорчики! Доделаем в левом углу, и шабаш! Яша, действуй на своём краю... Нельзя, нельзя обижать нашего друга! Раз пожаловали мы с тобой добровольно, как договаривались и как пообещали начальнику цеха, вот и будь добр! Станешь барменом, капиталистом каким-нибудь, так хоть будет что вспомнить, как помогал ближнему, всё это учтётся! Андрей Иванович и тебе никогда не откажет, случись какая надобность, он первый руку подаст. В жизни, Яша, всё бывает! Так что прекращай трепаться!

Внушительный монолог старика подействовал... Золотой человек Парфёныч! Хоть и недоволен был им Яков, но уступил, бросив с ухмылочкой, дескать, кругом одни агитаторы! И только Чокин швырнул ведро с опилками на мусорную кучу, как слышит – зовёт в кухоньку его половина. Едва туда ткнулся, а жена и придвинулась к нему, облизывая ложку:

– Разбавим самогон или чо? Им, чертям, всё одно не угодишь.

– Да нельзя! Не смей! – яростно воспротивился муж, потрясённый мелочностью, расчётливостью, поняв, что Настя без него уже разбавила бурду. – Если б чуточку, чтоб незаметно, и то опасно. Да и стыдно! Парфёныч и Яша как-никак товарищи, не за деньги помогать пришли, а ты пожадничала! Яшка наверняка догадается, у него нюх...

– Андрюха!! – снаружи зовёт Яков. Слышно было, как посмеивается.

Стоит он на настиле и притворным, выдохшимся голосом опять заладил о сухом горле, мол, дерёт. Промочить бы желательно. Одним словом, в своём репертуаре. «Ну, чёрт, – думает Андрей. – Всё, довольно, пусть отбудет последний день, и надо выпроваживать. Насте станет легче, вздохнет наконец-то».

– Так что со жратвой, скоро приготовится?! – допытывался Яшка и, пошлёпывая себя по втянутому голому животу, представился доходягой-дистрофиком, тут же сморозив такое, что далеко в камышах послышался смех. Оказывается, притаившиеся наблюдательные ребятишки, удивившие рыбу, давно заприметили шутника и дожидались весёлых яшкиных прибауток.

– Погодите, сейчас жена управится, лук дожарит, – говорит Чокин плотникам. Вытерев пот с лица, он отошёл на угол дома. Примеривался, кося глазом вдоль стены: пора и эту сторону набивать рейками, и можно будет нанять женщин, что живут по соседству, пусть закидывают раствором.

В последние дни Чокин нервничает, то и дело советуется с Парфёнычем, а не с наёмниками, которые те ещё работнички! А Парфёныч – человек свой, готов подсказать, как и каким образом ставить фронтоны или дверные коробки. Однако чувствует хозяин неудовлетворённость, скорее бы ухватиться за всё, не терпится ему завершить строительство, уж очень медленно движется работа.

– И где ж ты таких красавиц раздобыл, Андрей Иванович? – интересуется позавидовавший Парфёныч, кивнув на деревянные рамы, покрытые лаком.

– А это... – Чокин треплет зачесавшийся нос, – по благу, разумеется. Трудно, но есть у меня специальные товарищи по несчастью, тоже беженцы. Ну и мы подружились...

– Отличные рамы! Мне бы одну...

– Со всеми удовольствиями и охотно, Парфёныч! Но лишних пока не имею... буду, конечно, иметь в виду... – Услышав за спиной голос жены, Андрей встрепенулся и, не оборачиваясь к кухне, объявил погромче: – Ребята, кончайте, давайте вниз! Сейчас угостим, пообедаете! Заранее извиняемся, если что не так. Не ругайте за бедность. От чистого сердца старались угодить, конечно, скромненько...

Плотники слезают. Воткнув топоры в колоду, сложив гвоздодёры и ножовки возле яблони, как всегда, стали отряхиваться. Яков Хухрин первым сунулся к умывальнику, подёргал сосок и весело покосился в проём кухни, высматривая в клубах пара растрёпанную скуластую кикимору, гремевшую посудой, одетую в выцветший перекошенный халат. Настя, как всегда неряшливая, ко всему равнодушная. Но, заметив насмешливое лицо ненавистного балагура, она вдруг фыркнула и побагровела. Осатанев не на шутку, охваченная бессильным гневом, стала вдруг кричать на мужа, чтоб скорее бежал за хлебом, пока магазин не закрылся на перерыв. Ни о чём не побеспокоится! Стоит, как истукан, а она одна должна разрываться и думать за него!

Андрей взглянул на часы: похоже, за хлебом опоздали. Хорошо, что в столе отыскался нарезной батон, правда, чёрствый.

– Андрей Иванович! – донесся гнусавый, жалостливый голос. – Поди-ка, человек какой-то требует! У калитки дожидается!

– Кому это там чо понадобилось?! – удивляется в суматохе Андрей. Обидевшись на жену, что кричала, он посильнее хлопнул дверью, помотал головой, вытряхивая опилки с кепки, поспешил к калитке. И вдруг – застопорило, попятился...

– Чево? – дрогнул его голос.

Дыхание перехватило, он узнал дядьку Ваньку. Тот щерил прокуренные зубы, с презрением высматривал бывшего квартиранта из-под надвинутой шляпы, и Чокин спиной почувствовал холодок. – Заходи, дядя Ваня, – выдавил с трудом. – Как раз к обеду подоспел...

– А я начхать хотел на твой обед, мне он и даром не нужен! – И в крик сорвался незванный гость: – Долги думаете вертать? Сюда... сюда подходи, буду физиономию квасить... Сволочь! Воспользовались? Ага... под мухой был, да?! Подлюки!! Я в больнице загубался... Операция... Пузо распахали, желудок весь почти вырезали, а вы... родственнички! Никто ни разу и не проведаль! Бутылку кефира не догадались принести больному! Пусть, значит, подыхает дядька Ванька!..

– Так подождите... – Чокин растерялся. – Поймите же, дядь Вань, сейчас и разговору быть не может насчёт денег! У нас трудное положение... Обязательно возвратим долги, вот как выдадут на заводе или где займем... Мы и не знали, что вас прооперировали! Мы не бездушные, и если б знали...

– Если б да кабы, ты давай не полощи мозги, я долго ещё ждать буду?! Их пожалел, прописал... собаки!!

– Где ж мы сейчас возьмем деньги?

– А какое моё дело, где хочешь, бери и положи мне в ноги ту пачку, что я давал! – Надвинув шляпу на сморщенный лоб, дядька Ванька с силой ударил ногой по калитке, и та отшатнулась, точно испугалась. Развязно ступил он на подворье, с таким видом, будто у себя дома находился. Зная немало о крайностях этого сумасброда, Чокин пришёл в замешательство. Он уже собрался было ушмыгнуть к болоту, где легко мог бы затеряться камышах, да вдруг опамятовался, вспомнив, что хозяин здесь он, а не этот уголовник. И подхватил с земли штыковую лопату.

– Ходу дальше нет, дядь Вань! Я предупредил, и не отвечаю. Не обижайся! – Чокин сделался мертвенно-бледным, сжимая руками лопату.

Выпорхнувшая из кухни Настя оторопела, заметив Андрея с лопатой, а дядьку родного с блеснувшим ножичком в руке. И вдруг завопила, обхватила голову ладонями, до одури кричала, звала соседей:

– Убьёт!!! Помоги-и-ите, люди добрые!

– Вертайте мои гроши! – упорствовал на своём дядька Ванька и кивнул на дом. – Или разломаю! Будете спать, ночью керосином оболью и... спалю к гадам, подлючи выродки!!

Плотники высыпались из чадной каморки, не понимая, что происходит и чего орет хозяйка, зачем окликает с улицы случайных прохожих, когда они здесь, под боком? Парфёныч первым осмелился вмешаться, подошел к незнакомцу:

– Слушайте, гражданин, вы что тут разоряетесь?! Кто вам разрешил врывать в чужой двор?! Да и ведёте себя непорядочно, как террорист какой-то, женщин пугаете... Уберите свой ножик!

Дядька Ванька сверкнул на старика глазами:

– Ты, дед, не лезь! А будешь надоедать – кишки вспорю...

– Ух ты какой! – возмутился Парфёныч. – Это меня, что ли, собираешься резать?! Ну и хамло! Катись, давай, отсюда, пока цел! Еще выражается нецензурно! А то сейчас возьмёмся – мокрого места не останется от тебя!

Яков Хухрин, подбежавший на выручку, молча и хладнокровно применил несколько приёмчиков, которыми вмиг отрезвил дядьку Ваньку. Не ожидавший получить отпор, он с матом-перематом, вприхромку, удалился с глаз долой.

Чокин, всё еще не расставаясь с лопатой, шнырял возле кухоньки, успокаивая трясущуюся от ужаса жену, благодарил строителей за поддержку. Принялся сбивчиво, несладко, точно ему не доставало дыхания, рассказывать о квартирных мытарствах, как намучились у этого сумасшедшего родственника, отсидевшего в тюрьме за убийство. Доказывал всем, что они с Настей ни в чём не виноваты, а те деньги, что требовал дядька Ванька, он сам вручил, велел взять у него. Не брали – обиделся, грозился выписать из домовой книги, потому-то и пришлось взять. Думали, в самом деле человек расщедрился, да вышла липа, вот и убедились ещё раз, что в жизни ничего даром не даётся...

– Дрожишь, Андрюха?! – Яков, подойдя, ласково и дурашливо погладил Чокина по горячей спине, взмокшей от пота. – Да брось ты лопату свою, смотри, как вцепился, чудак!

– Нервы, Яша... после Чечни трясёт чуть что... столько пришлось пережить! До сих пор не забуду, как из окна женщину выкинули с дитём. Спасибо, Яша... Да если б не ты... Честное слово, не ожидал от тебя, а ты вон какой оказывается...

– Не городи чепуху! Я же раньше по молодости в секцию ходил... Это для меня сущий пустяк! Своего рода разминка получилась. Утихомирься, Андрюша! Ушёл, и ладно. Больше и не сунется! Ничего, потеплеет, в апреле открою бар, приходите с Парфёнычем пиво пить! – Яков, посмеиваясь радушно, закурил. Угостил желающих подымить.

Наёмники разбубнили, повеселели. Парфёныч, взбодрённый, подмигнул Андрею. Потянуло старика, который всё ещё находился под впечатлением происшедшего, на разговорчики. Возмущался бабьим голосом, хихикая:

– Кишки обещал вспороть! Ах, негодяй! Болтун, и больше никто! Только с виду храбрый, а как выбил ножик Яша, так сразу драпанул! Оно и видно по нему, что зэк! – заключил Парфёныч, и командирским тоном: – Всё, ребятки! Спектакль окончен, кто не успел подзакусить – ступайте к столу, а мы с Яшей наверх полезем, свой угол добьём! Спасибо хозяевам за обед! Борщ вкусный удался, со щавельком! Да и выпивка ничего, качнула голову!

8.

Весенний дух ослаб, неожиданно холода вернулись со снегопадом, и было непривычно после долгой устоявшейся теплоты видеть меховато-зелёные купы деревьев припорошенными снежком. Облака незаметно сгущались, лиловели и всё ниже оседали над посёлком. Мельтешившая реденькая крупа вскоре перешла в мокрый, неслышно лепившийся снег, и звуки вокруг будто проглатывались повалившимися хлопьями. Вокруг сделалось глухо, особенно к ночи ощущалась немота.

Ушедшая было зима словно забыла что-то с собой прихватить и вдруг воротилась. Притихло и болото с камышами, замер и громоздкий недостроенный дом Чокиных, который в белой дымке под сыпавшимся снегом приобретал всё более печальный вид.

По такой погоде Чокин частенько уезжал из дому на своем велосипеде по хрусткой подмороженной дороге, не отдохнув как следует. Всё чего-то добывал на стороне. Думая о своём, сам того не замечая, почти перестал общаться и, чуждаясь знакомых арматурщиков, походил на бирюка. В его воспалённых, лихорадочно блестящих глазах, всё чего-то ищущих вокруг себя, иногда стояли слёзы. Осунувшийся, он присаживался на корточки и, не включая станок, прислонялся к сипящей батарее у окошка и тотчас успокаивался, почувствовав плечом тепло, которого ему так не доставало. Он был рад, что отопление не отключили. Потрескивающий и убаюкивающий шум пара был сладок для слуха. Отмякнув, Чокин сдвинул к носу облезлую ушанку. Ему снился стук-перестук топоров, визг пилы, виделся пригорок, где он присмотрел уютное местечко, внизу ледянисто-зеркально мерцала посветлевшая поверхность пруда, местами затянутая изумрудной ряской... Снилось его любовь, землячка грозненская. Казалось, что слышит её залиvistый смех. И неожиданно проснулся от толчков в плечо.

– Разоспался! – выговаривал Рыжов с укоризной, – Что это с тобой творится, Андрей Иванович?! И в прошлую смену заснул... Не заболел ли, случаем?!

– Хуже, Пётр Погосович! Бессонница душу вымотала, всё дела и дела. Всего ломит, никак с домом не разделаюсь...

– Раз ломит, значит, загрипповал. Сходил бы в медпункт! Не так уж и далеко, рядом с проходной... Выходит, дома у тебя бессонница, а на работе дрыхнешь? И что с тобой делать?

– Сам не пойму... сюда только покажусь, и с ног валит, не могу с собой бороться... – Чокин, моргая, сдвинул шапчонку на затылок, виновато и печально посмотрел на начальника цеха, не пытаясь хитрить.

Рыжов хотя и с пониманием отнесся к обессиленному Чокину, однако напомнил ему, что на производстве следует работать, а не спать.

– Не обижайся, Андрей Иванович, здесь не ночлежка для бомжей! А ещё передовик! На первый раз, так и быть, прощаю, но если повторится – пощады не жди. Включай станок и давай работай... Обидно получается, мы тебя выручали, помогали, чем могли, а ты... – начальник цеха, досадуя, махнул рукой.

– Исправлюсь, Пётр Погосович, – заверил Чокин, чувствуя раскаяние, и притих, проводив сонными глазами осердившегося Рыжова. А едва тот отошёл, затерявшись на другом краю цеха, куда его позвали, как вновь Чокин ощутил непреодолимую усталость, словно что-то тяжёлое навалилось и заставило его присесть у батареи, прижавшись к ней. Зевнув, потупился, и уже не видно было из-под надвинутой шапчонки слезившихся глаз, лишь выплывали хвостики бровей, и такое выражение было, точно он прислушивался к тому, как сипит пар, горячивший застуженное тело. Чокин и не помнит, что с ним опять такое сотворилось, одолевала сладкая, дремотная лень и какая-то невесомость обьяла и поднимала вверх, и он словно бы повис в небе, где вдруг зазвучала нежная музыка.

В цехе зазвенело – рабочие сбрасывали с тележек прутья. Над головой Чокина свистело, грюкало, бухали прессы, вспышками сверкала точечная сварка, а под потолком вверх медленно, разгоняясь с угрожающим гулом и резко сигнала, передвигался мостовой кран. Но шумы несколько не беспокоили Чокина, наоборот – сильнее убаюкивали, и он, проваливаясь в сон, улавливал уже другие звуки: всё четче ему слышался стук топоров и хохот плотников. Перед его взором в сумеречном свете возвышался силуэт почти готового дома... Снова пробудился он от толчка в плечо.

– Подъём! Не спать! – гневался Рыжов. – Мы же с тобой договорились!.. Вот что: больше предупреждать не буду, хватит с тобой нянчиться! Запомни, анархии я не допущу, Андрей Иванович! А если отказываешься понимать, что тебе говорят – увольняйся, мы не держим... Ступай домой, хорошенько отоспись, и выходи сегодня в ночную смену!

Хотел Рыжов закурить сигарету, но передумал, пристально посмотрел на осунувшегося щупленького подчинённого, который, отряхиваясь, приводил себя в порядок, и вдруг проронил, хмурясь:

– Слушай... ты не в курсе, кто это повадился забираться в наш склад? Стали пропадать вентили, дверные замки... эмалевая краска, что в банках литровых, исчезла...

– Откуда же мне знать... – Чокин пожал плечами и едва справился с собой: сердце встрепыхнулось. Чтобы не выдать тревоги и не поддаться панике, высказал предположение, что на склад могли пробраться только чужие, и заподозрить в воровстве кого-то из своих он не берётся, так как трудятся в цеху порядочные, семейные люди...

Сказав это, Чокин смутился, заметив, что начальник цеха не слушает его, а думает о чём-то постороннем, и, затаив испуг, почувствовал на себе внимательный, тяжёлый взгляд, от которого невольно вздрогнул. Но пронесло, кажется, Рыжов ничего не заметил.

В последнее время Рыжов очень изменился, был неумолим и твёрд в своих указаниях, с рабочими стал строже. И выглядел теперь более представительным. В цехе уже знали, что его переводят в правление на должность заместителя генерального директора, и потому многие станочники старались не вступать с ним в пререкания.

Опасливо избегая встречи с Рыжовым, Чокин, прихлопывая шапчонку и болтая головой, устремился в бытовку принять душ.

9.

Среди ночи Андрей поднялся с постели, и, торопливо одеваясь, предупредил жену, что вернётся не скоро. Настя проводила его до калитки. Пришлось ему успокаивать её: после недавней неудачной вылазки мужа она опять впала в панику. Неуклюже подшучивая, Андрей укорил Настю в том, что преувеличивает опасность, пугает какой-то неведомой бедой, которая грезилась ей и в прошлый раз.

– Мало ли что померещится! Ну опять... опять ты...

– Не ори! – обрывала жена. – Голубой унитаз хотелось бы, конечно, занять, ещё как нужен, я давно о нём мечтала. А вдруг... ну, а если зацапают?! – Настя оглянулась, сердце ёкнуло, когда услышала скрип снега. Старушка какая-то ковыляла по другой стороне улицы. Однако Насте, которую околдовал страх, в голову бог знает, что взбрело. В эту минуту всё придирчивее подмечала во внешности

мужа неаккуратности и недостатки, раздражавшие и дававшие повод одёрнуть его: – Вот неряха... да подожди ты! Лапшу ел, и на губе осталась!

Оба, замерли, оцепенев, будто присматривались к необъятной и немой тишине. Над посёлком по-прежнему витали редкие снежинки, кружевным мельканием украшавшие силуэт тёмного дома. Дух захватывало, с трудом верилось в его существование. Это не мираж, не оптический обман, а реальность. Очарованные, они не отрывали глаз от жилища, точно это была картина, написанная талантливейшей рукой художника. В безрамном оконном квадрате внутри под потолком горела рыжей окалиной голая лампочка – временное освещение, и в слабом отблеске лишь частично видны обтёсанные кругляки угловых стоек. У входа на широком бетонированном крыльце бугрился кучей небрунанный ворох коры и курчавой стружки, припудренный снегом. Вчера женщины-соседки помогали убирать, оштукатурили одну из стен. Плотники закончили крышу, и сразу дом принял вид цельности, от него так и веяло величием.

Белая луна, походившая на отшлифованный череп, выбралась из порыхлевшего облака на гребень крыши, крытой шифером, и дымный свет чётче обрисовал высокий фронтон с окошком. Голова кружилась от одного взгляда на выстраданное чудо.

...Находясь в отпуске без содержания, Андрей по-прежнему не знал отдыха и всё что-то продолжал тащить во двор. А как раз в центре города рушили старинные особняки, и столько добра там пропадало... Однажды ему посчастливилось выволочь плиту газовую, четырёхконфорочную, вполне пригодную. Кроме неё, сумел раздобыть и многое другое: электрошнуры, железо уголковое, утеплили, слегка повреждённые медные канделябры и всячину всякую. Конечно, всё добытое радовало скупую Настю, но Андрею показалось недостаточно одного её восхищения, в его характере как никогда проявилась настойчивость, было желание удивить жену чем-то таким, чтобы она ахнула и потом сохла бы по нём. Но присушить Настю всё как-то не удавалось, хотя и старался. Будто замороженная, она привыкла к тому, что муж смекалистый добытчик, да и только. Правда, после удачных вылазок следовало вознаграждение, жена делалась снисходительнее, охотнее подпускала его к себе в постели. Но эта скоротечная близость являлась утешением только отчасти, как для отравленного гарью – глоток свежего воздуха. Огорчённый Андрей понимал, что сердечной привязанности не добьётся...

Ко двору однажды и совсем неожиданно подкатил на лимузине Яков Хухрин. Посигналил, ухмыльнулся, вылез из новой, шикарной машины в длинном модном пальто, в какие рядятся «новые русские» Постучав по забору, окликнул хозяина, пожал ему руку:

– Наверное, и не догадываешься, с чем я прибыл? Ладно, не буду утомлять, не меньше тебя занят... короче, нужна горничная! Парфёныч всё к тебе посылает, говорит, что вы нуждаетесь в деньгах. Настя ещё не устроилась на работу?

– Пока нет...

– Ты поговори с нею. Андрюха, Я попозже подъеду за ответом, неделю даю срок на размышление. Скажи, что буду платить зелёненькими... В общем, решайтесь!

Чокин был обескуражен великодушием Якова и не нашёл, что ответить. Как изменился Хухрин, прифрантился... Определённо ясно – он другой, крутой!

10.

Дни выдались несносные, и стоило ветру усилить дуновение со стороны масложиркомбината, как тотчас посёлок окутывало едко-горелой душной вонью маргарина и мыла. Этот отвратительный запах дурно действовал на Настю, и она, испытывая тошноту и головную боль, не находила себе места. Таблетки не помогали. Обычно, едва подует западный ветер, напрочь закрывала форточки, и всё равно эти запахи проникали в дом, и присутствие их сказывалось в первую очередь на настроении. Хозяйка никак не хотела...

Раскисшая мартовская земля, черневшая за окнами в палисадничке, заваленном строительным мусором, тоже не меньше нагоняла уныние на Настю. От недавнего пышного снега и следа не осталось, всего за одну ночь истаял от внезапного потепления, и весна вновь ожила, торжествуя...

Вторые сутки подряд шумит неторопливый дождичек, на дворе тепло и сыро. А вскоре перестало сыпать, посветлело, и Настя, схватив сумку, отважилась смотаться в центр города: решила поискать по хозяйственным магазинам кое-что из кухонной посуды. Но в спешке забыла кошелек. Что только не пережила Настя, пока трамваем добиралась до своей окраины, боясь появления контролёра, и как облегченно вздохнула, наконец попав на родное подворье.

Она прошла в тёмные сени, скинула туфли, заляпанные грязью, сняла с головы бордовую шляпку и, отбросив зонт на диван, присела у стола. Оглядела сырые, недавно оштукатуренные стены комнаты. Страх всё ещё не покидал её. Мысль о деньгах была в эти дни постоянной: пора расплачиваться с плотниками. Лишь половину им выплатили...

Выпила таблетку, чтобы заглушить в себе тревогу, села за швейную машинку. Но и тут её постигла неудача: челнок барахлил, обрывал нитку, и строчка получалась рваная. Думала, что пустячок, всё дело в смазке. Рассчитывала быстро управиться с неполадкой, но провозилась до ночи, так ничего и

не добившись. Время, потраченное впустую, нагнало тоску не меньше, чем безденежье. И раздражение овладело ею...

Андрей домой явился чуть ли не под утро, как всегда озабоченный, пропахший потом, голодный, придерживая велосипед с доставленным тяжеленным грузом. Тревожно выкликнул жену лёгким свистом, и та, зябко поеживаясь, кутаясь в мужнину куртку, показалась на крыльце с недовольным видом.

Сбросили в яму под сарай мешок цемента, а увесистый свёрток, в котором находились плитки тротуарные, осторожно отнесли под навес. Второпях отряхиваясь, Андрей шёл следом за женой в зал, привычно перекидывая голову с плеча на плечо, подбодренный тем, что не напрасно полуночишал, рыская по городу. Он и по дому прокрадывался с необыкновенною осмотрительностью, также бесшумно передвигался, как и в тех местах, где брал то, что плохо лежит. Тихо торжествующий от удачной вылазки, натаптывая пол, который днём жена тщательно выскабливала, он не стал подсаживаться к столу, рукой полез в кастрюлю, вынув холодные пирожки с горохом, принялся жевать. Не включая свет, с трудом стащил с ног взопревшие резиновые сапоги, пополоскал руки над тазом в прихожей и, направился к жене. Осторожно улегся на диван к ней под бочок, стараясь отдышаться, разминал ступни окоченевших ног. Настя, ворчнув, отвернулась к нему спиной. Холодок отчуждённости огорчил Андрея, ведь он рисковал собою, надрывал здоровье, чтобы достать плитки. Но жене хотелось спать, и она, досадливо отдернула плечо, к которому муж приложил шершавую и натруженную до мозолей ладонь.

В эту стылую от холода предрассветную пору кого-то люто облаивали собаки в переулке у водоразборной колонки. Вроде бы и тихо там, не слышно никого, а собачню черти мордуют...

Снова, оттолкнув его руку, Настя едва удерживала себя, чтобы не наругать. Потом спохватилась, сознавая свою неправоту. Как бы ни был безразличен ей муж, а он столько сделал для дома, себя не жалел. Превозмогая неприязнь, нехотя повернулась к нему и, обречённо вздохнув, придвинулась ближе.

...Подышав друг на друга, размягчённые близостью, они шепотком заговорили, кто о чём. Настя о челноке долдонила, мол, рвёт строчку, а Андрей бубнил своё, в какие переделки попадал. Наконец шёпот прервался, Настя, зевнув, отвернулась к стене и вмиг погрузилась в сон. Слушая ровное дыхание жены, Андрей вскоре тоже захрапел...

Подхватилась Настя на зорьке, накинула на плечи халат и, поморгав глазами, обратила внимание на спящего мужа. На бледном осунувшемся лице застыло такое благодное выражение, точно ему улыбнулось счастье, и он, ублажившись, тихо умер.

Настя открыла форточку. Андрей очнулся от стука, потянулся, зевая, и тотчас, сунув голову под подушку, уснул заново. Теперь и не поднимешь его! Настя рассердилась, собираясь его растолкать. Но оказывается, не потребовалось будить мужа – минуты не прошло, как он вдруг откинул от себя одеяло и, виновато покашливая, стал почёсываться. Тем временем Настя накручивала волосы, цепляла бигуди, держа губами шпильки, из окна обозревая двор. Через открытую форточку пахло дождём. Вокруг дома грязно, лужи... как надоело видеть это! И вспомнила: тротуарные плитки имеются, вот и пусть муженёк ими вымостит дорожку до летней кухоньки, чтобы не по грязи шлепать. А как подсохнет, можно будет и огородом заняться, вскопать под картошку. Соседи уже посадили...

Около девяти сели пить чай, повздорили из-за чего-то незначительного, и примирение выходило вялое, оба, не уступая друг другу, молчком поглядывали на красную зарю, на медленный и прекрасный восход солнца. Багровый раскалённый шар становился всё ослепительнее, золотистее. Светило, казалось, посмеивалось над непримиримыми и неуступчивыми супругами.

– Как до тебя не доходит, что плотники замучат нас, если не расплатимся до конца месяца! Я тебе одно, ты мне другое... какой же ты противный! – вздохнув, Настя поставила чашечку с недопитым чаем и, не выдержав яркости солнечного света, отвела глаза, осматривая с тяжёлым вздохом потолок и стены, ещё не высохшие после побелки, пахнущие известью. И вдруг в упор уставилась на Андрея, требуя, словно на допросе вразумительного ответа: – Ну... чо молчишь?!

Андрей почесал плечо, скривился:

– Плохо дело, если не раздобудем денег. Могут навредить... сожгут дом, а свернут на дядьку Ваньку. Строители не забыли, как он грозился керосином облить...

– Плетёшь ерунду! – фыркнула Настя. – Короче, думай, где достать... попроси у Яшки! Ты говорил, он бар открыл...

– Не даст! Ты же отказалась у него горничной поработать на дому... – Передернувшись, Андрей почесал лоб. – Между прочим, подъезжал Яша вчера на лимузине, спрашивал за тебя...

– Ну?! – насторожилась жена.

– Да всё то же! Горничная ему срочно нужна... Если в течение недели ты не надумаешь – возьмёт с улицы. К нему многие просятся...

– Пошёл он вон, бабник! – взорвалась Настя. – Пусть и не мечтает, выкусит! Не собираюсь идти в прислугу, чтобы какой-то дуралей об меня ноги вытирал...

– Я так и сказал, что ты отказываешься. Мол, обойдёмся...

– А чо это ты не в своё дело влазишь! – вскипела вдруг Настя. – Гляди, адвокат какой нашёлся! Вот возьму и пойду служанкой, тебе назло! – Настя встала, грохнула стулом. Андрей оторопел, а после, когда она успокоилась, намекнул ей, что Рыжов получил небольшие электромоторы, которые лежат на складе, и если бы выкрасть хотя бы парочку, то сбить их проблемы нет. Вот и хватило бы денег рассчитаться с плотниками. Покупатели из рук вырвут, если отнести на толкучку...

Что-то ещё он ей говорил, как хитро стал действовать, сделался неуловимым, пусть не беспокоится. Но Настя, будто оглохнув, стояла у окна смотрела куда-то вдаль, даже и не глянула на немытую посуду. Стала переодеваться. Принарядилась у зеркала, нахмурилась, сказала мужу, что сходит к Якову, узнает, стоит ли овчинка выделки, если к нему наниматься горничной...

11.

Случайно Андрей увидел жену и Якова Хухрина у входа в рынок, где торговали рыбой. Его они не видели, стояли под деревом и о чём-то увлечённо беседовали, никого вокруг не замечая. Вернее, Настя выслушивала то, в чём он её убеждал, и было странно, что на лице жены Андрей не обнаруживал никаких следов раздражения. Наоборот, вела себя спокойно, дослушала до конца. Придерживая Настю за локоть, Хухрин не отпускал её, похуже, дожидаясь окончательного ответа, уговаривал, а прийти к взаимному согласию не удавалось.

Отвергнув предложение, Настя уходила от него гордая и повеселевшая, точно радовалась, что оставила в дураках крутого Яшу. Будто помолодела, голову держала высоко, на встречах не обращала внимания, видела только небо и прислушивалась к взволнованно бьющемуся сердцу. Но едва свернула за угол мясного павильона, плавно и бесшумно подкатил лимузин. Приоткрылась дверца, из машины выглянул ухмылявшийся Яков. Подмигнув, предложил подвезти Настю к самому дому. Женщина смутилась и засмеялась, оглядевшись по сторонам, так ей понравилось, что богатенькому наследнику приходится её уговаривать. Однако и на этот раз не уступила, покачала головой. Яков и не стал настаивать, что-то сказал ей вдогонку. Настя обернулась, и он помахал ей рукой, улыбаясь. И как ветром сдуло его прекрасную иномарку...

Андрей, настигавший жену, вдруг передумал догонять. Ему стало интересно: заговорит ли Настя с ним об этой встрече с Яковом на базарной площади? Будет ли жена откровенной?

И нарочно припоздал, пришёл домой часом позже. Сделал вид, что ничего не знает, думал, сама заведёт разговор о Якове. Но та ни словом так и не обмолвилась о встрече, и лишь за ужином невзначай сорвалось, мол, решила, поработать у Яши. С завтрашнего дня и приступит...

То, что Настя скрыла встречу с Яковом, насторожило Андрея. Он почувствовал ненадёжность своего положения, а также непрочность супружеских отношений с женой. А она, как нарочно, в этот день подмечала в нём одни неуклюжести, выводившие её из равновесия, и, нервничая, делала крикливые замечания.

...Доллары, заработанные за неделю, преобразили Настю, подняли ей настроение. Её как будто лихорадило, глаза неестественно блестели. Купила шляпку и приталенное шёлковое платье, с жадностью интересовалась покупками, которыми хвастались соседки.

Огрызалась, если Андрей о чём-то её расспрашивал, даже и не пыталась вникнуть в суть того, что он говорил. В эти минуты муж казался ей скучнейшей серой личностью...

Сегодня Настя поднялась раньше обычного, собралась бежать к Якову, торопливо подрумянивала скулы, чернила ресницы. Бестолково объяснила мужу, что должны нагрянуть какие-то предприниматели, в честь их банкет организовывается, потому и спешит пораньше явиться, чтобы помочь хозяину накрыть столы. И, сама того не замечая, то и дело гляделась в зеркало, любуясь собою, и, как бы между прочим, слегка оглаживала под кофточкой упругие, небольшие груди. До сей поры Андрей не испытывал какой-либо ревности, а тут с ним произошло нечто невероятное, он вдруг затревожился и почувствовал тоску. Наблюдая за женой, смотрел, как она локтями пошевеливает, опять подправила лифчик, плечом повела, глаза не отводит от своего отражения. Одно движение незначительное: то, как она разминает напмаженные красные губы, неожиданно пробудило в нём безумную ревность. Андрею Чокину вдруг показалось, что жена принарядилась вовсе не для гостей-предпринимателей, а старается понравиться Якову Хухрину, и в эту минуту он позавидовал бармену и почувствовал, как кровь приливает к голове. В нём ворохнулась обида, стало ясно, что Настя им пренебрегает, а Яшку зауважала. Поморщившись, засуетился, не находя себе места.

– Что-то твоё... попрохладнело, печку затопить пора бы, что ли. Дует откуда-то, – срывающимся голосом пожаловался жене, и серые, свинцом налитые горестные глаза его лихорадочно заблестели. – Может это... – натянато улыбнулся и, недолго думая, незаметно, по-воровски, крадучись подступился к Насе, спешившей уходить, и рукой вразгребку ухватил пониже талии, пытаясь повалить на диван.

– Да ты... Чумовой! Ополоумел?! Убери лапы, убери, сказала! – оттолкнула его от себя, но он не отпустил, ещё злее вцепился, и тогда Настя испуганно подхватила, резко отпрянула от него, отбиваясь, как от чужого. И закричала истерично: – Юбку помял! Гладила-гладила... Уйди, паразит! Или спятил? Вон калитка стукнула, плотники, наверное, за расчётом явились...

Андрей, пыхтя, выпрямился и устыдился своего порыва. Выдавил усмешку и отпустил жену, от которой пахло жарким потом и духами. Разбрыкалась, точно лошадь, обожжённая плетью. Взворошив курчавые волосы на впалой груди, с сердцем, бьющимся толчками, ненавидя себя, какой-то помятый и жалкий, Андрей потащился к порогу, враз обессилив.

Но никаких плотников и в помине не было – обманула Настя. Выйдя за ним следом, она оправила юбку, поправила причёску и, заметив сухонькое, недоброе лицо мужа, попыталась смягчить обстановку:

– Слушай, если придут плотники и будут шуметь, скажи, что на следующей неделе отдадим деньги! Яша обещал аккуратно выплачивать, я доллары обменяю...

– Ничего я не буду говорить, обойдусь и без Яшкиных долларов! Сам достану и отдам людям... – Андрей направился к сараю. Выкатил велосипед, подкачнул переднее и заднее колеса, пока то да сё – солнце уже зарылось в гущину белесой мути, а с запада облака напоздали устрашающей массой, и от ясной погоды не осталось и следа. Андрей решил немножко переждать непогоду, да и торопиться на работу не хотелось. Наколлот дровишек для растопки, надеясь, что эта хмарь рассеется и засветится солнце, вот тогда и поковыляет на двухколёсном транспорте. Но что-то слишком похолодало, разрозненно двигавшиеся по небу тучки сомкнулись, потемнели.

Андрей не помнит, как и доехал до проходной. Пока добирался до арматурного цеха, чувствовал себя неудобно. Лицо омрачилось, когда вдруг понял, что не рад построенному дому.

12.

...Чокин не успел подтащить электромотор к выходу, как вдруг появился Рыжов, едва не заставший врасплох своего подчинённого, шуршащего в потёмках. Рыжов не видел Чокина, но то и скверно, что собою загородил дверной проём. Убегать было бессмысленно, и всё же Андрей рискнул. Пока начальник цеха нащупывал на стене выключатель, Чокин неслышно шмыгнул почти у самых его ног, рывком вылетев из склада в тот самый момент, когда загорелся свет. И запетлял по тесным проходам между штабелями бетонных плит, прячась за всякие выступы, не оглядываясь назад.

Чокин растерянно замешкался у ограды и долго не мог сориентироваться, где искать ту дыру, которую он ещё днём приметил. Наконец нашёл, пролез через неё и, выбежав в поле, понял, что погони нет. Не переставала мучить совесть, и он, растревоженный и раздираемый ею, чувствуя сердечную боль, не оглядываясь шёл вперед, громко откашливаясь. Шёл всё быстрее, стараясь ни о чём не думать. Пробирался по железнодорожному пути, по той самой насыпи, по которой катил велосипед, увозя когда-то телеграфный столб. Вроде бы и бойко удалялся, слегка лишь поёживался, а дороги перед собой не различал, точно вслепую влекло его к какому-то неведомому пристанищу, где перестала бы терзаться душа. И как нарочно, взвыл ветрюган.

Чокин, задрвав повыше воротник брезентовой куртки, с обречённым видом продолжал двигаться, с горечью думая о том, что нет нигде ему счастья. Он всё больше погружался в невесёлые думки и не слышал, как сзади без освещения тихо подбирался товарняк, движение которого заглушалось свистом ветра. Гудка не было, наверняка машинист тепловоза зазевался, не заметил в полумраке слабо передвигавшуюся по шпалам неустойчивую фигурку. А после, даже если и спохватился, было уже поздно что-то предпринять: не смог затормозить на полном ходу махину.

Чокина ударило, потом швырнуло, и он, спотыкаясь о шпалы, оскальзываясь, делал нелепые попытки выскочить из-под колёс. Яркий свет на секунду ослепил его, и потом всё погрузилось во тьму...

АНАТОЛИЙ ИЛЬЯХОВ

г. Краснодар

Уроженец Сочи, писатель Анатолий Гаврилович Ильяхов ныне живёт в Краснодаре. По профессии – строитель с 40-летним стажем, но давнее увлечение историей Древней Греции и Рима неизбежно привело его к литературному творчеству. За четверть века им изданы десятки книг, отличающихся энциклопедичностью, убедительной фактологией и собственным авторским стилем. Для писателя Анатолия Ильяхова Античность – не только даты и события, а живые судьбы удивительных людей, творцов той самой истории, которую они оставили потомкам, чтобы мы, нынешние, могли изучать, удивляться, восхищаться и не делать собственных ошибок. По этой причине написаны романы о македонском царе Филиппе и сыне его Александре, философах Аристотеле, Цицероне и Сенеке, сирийской царице Зенобии...

Отдельная часть творчества Анатолия Ильяхова – этимология как авторская интерпретация происхождения отдельных русских слов. В его тематических словарях, систематически переиздающихся два десятилетия, читатели открывают для себя увлекательный и неведомый мир повседневной жизни античного общества с особой идеологией, культурой, мировоззрением, традициями.

В последние годы писатель заинтересовался личностью скифа Анахарсиса (VI век до н.э.), получившего в своё время признание как «одного из великих мудрецов Греции». Историки до сих пор сомневаются, о подлинном ли человеке идёт речь или он представляет собой обобщённый образ античного мыслителя, легенду. По понятным причинам, письменных свидетельств того времени о нём не существует, хотя авторы поздней Античности упоминают «удивительного скифа» в трудах.

Наверное, загадочность биографии Анахарсиса, тайны скифского бытия, история появления и, главное, исчезновения целого народа из мировой истории привлекли внимание писателя. Сейчас можно сказать, что задуманный пять лет назад роман успешно завершён. Остаётся найти издательство, которое опубликует произведение, определённое автором как «экспериментальный роман-эпос».

Писатель полон творческих планов и большую часть своего времени проводит за рабочим столом. Редакция журнала сердечно поздравляет Анатолия Гавриловича Ильяхова с юбилеем, желает ему крепкого здоровья и благодарит за новые знания, которые дарят читателям его книги!

КОТЁЛ КОЛАКСАЯ

(из эпоса «Хождение скифа Анахарсиса в Грецию и обратно»)

Для скифов не существовало понятия постоянного дома. Жилище заменяла повозка в виде плетёного короба на дисковых колесах, запряжённая волами. Внутри короба, закрытого от непогоды войлоком, вместе с вещами и посудой помещаются женщины, старики и младенцы. Мужчины ездят вер-

хом на лошадях, наблюдают за скотом. Овцы, коровы, лошади пребывают под их надзором до поры, пока хватает пастбища. Затем домашние животные перегоняются на очередное кочевье; отсюда, естественно, скифы причисляют себя к кочевникам.

На первый взгляд, в помыслах и делах скифы обособлены друг от друга, поступают, как вольная душа требует. Но у них, как у народа, есть царь, который, коли нужда заставит, волен призвать кочевников на войну. Поведёт на врага, кого и когда посчитает нужным.

В необходимости верховной власти скифы не сомневались, поскольку первого вождя Таргитая им дал бог-отец Папай. Таргитай распределил между кочевниками охотничьи угодья, земли для пахоты и выпаса скота, назначил законы, чтобы разрешать споры и судить преступников. Последующие вожди запрашивали у богов совета, как поступать, когда животные летом голодали из-за иссушающей засухи или зимой на пастбище не пробивали копытами обледенелую корку. Вожди понимали, что без скота, погибшего от бескормицы, кочевники обречены на голод и смерть. Поэтому во все времена вожди, затем цари брали на себя ответственность за жизнь соплеменников. Возглавив войско из готовых к любым трудностям бесстрашных всадников, они уводили народ из родной Степи на поиски нового отечества.

Потомок Спаргапифа

Небо наслало на Меотиду (Прибрежные земли современного Азовского моря) убийственную засуху. Погибли выпасы для скота. Шаманы тщетно совершали обряды, способные вызвать спасительную влагу – дождь.

Некто Ишпакай (VII век до н.э.) заявил старейшинам племён, что ему привиделось пророчество: если не покинуть Степь, скифы погибнут. Боги указали, что двигаться нужно в Ассирию (современный Иран), где в изобилии имеются сочные пастбища и леса, полные дичи, на полях круглый год зреет пшеница. Доверившись божественному прорицанию, старейшины объявили по Степи большой сбор кочевникам с семьями, назначив Ишпакаю предводителем войска всадников.

В Ассирии скифы появились в тот момент, когда местный царь уже вёл войну с соседним царством Мидией. Скифы присоединились к мидийцам, нанесли поражение ассирийцам, но Ишпакай погиб. Его заменил вождь Партатай, который предложил царю Ассирии заключить мирное соглашение, закрепив обязательством отдать в жёны собственную дочь.

Мир состоялся, после чего Партатай передал предводительство сыну Мадью, который увёл скифское войско в Сирию. Разграбив местное население, скифы ушли в Палестину, затем бродили по землям Восточного Средиземноморья, нацелившись на богатый Египет.

Обеспокоенный нашествием скифских племён, могущественный египетский царь Псамметих отправил к Мадью послов. Решив нагнать страху, потребовал признать его власть и выплатить дань «за нарушение покоя». Исполнив, оставить подвластные Египту земли.

Мадий ответил с присущей кочевнику дерзостью: «Ваш царь глуп, если требует покорности от скифа, у которого кроме коня, вола и повозки нет имущества. Для скифа свобода выше неволи. Пойдёт царь войной на скифов – сам погибнет!».

Псамметих разгневался, собрал внушительное войско и уже назначил срок, чтобы выступить. Мадий не стал ожидать, вместо бегства двинул скифов на Египет. В первом сражении египтяне, в основном пешие воины, вооружённые копьями, не выдержали стремительных наскоков всадников с дальнобойными луками и меткими стрелами. Египтяне бежали, бросив богатый царский обоз, – только это обстоятельство задержало вступление скифского войска непосредственно в Египет.

Вынужденный откупиться огромной контрибуцией, Псамметих избежал позорного разгрома собственной армии и пленения. Мадий, в ответ, развернул скифов в обратную сторону. Но не повёл через разорённые ими области, а двинулся в новые, богатейшие страны Малой Азии, где скифы продолжили грабежи и убийства. При этом сознательно надолго не задерживались. В большие сражения не вступали, заставляли противника врасплох. Появлялись словно ниоткуда, на скаку осыпали стрелами из дальнобойных луков и врассыпную поворачивали назад. Исчезали раньше, чем враг мог опомниться и предпринять что-либо против них. Побеждали, как бы силён и многочислен ни казался враг, чтобы потом грабить покорённые города и обращать население в рабов, убивать непокорных, взимать дань с оставшихся в живых.

* * *

Многие десятилетия бродило скифское войско по Ближнему Востоку, пока не оказалось в Мидии (современный Запад Ирана). Царь Киаксар, утраченный «подвигами» скифов, предложил гостеприимство. Просил не бесчинствовать, а в качестве дружественного шага попросил предводителя скифов обучить двух юных сыновей искусству владения знаменитым двурогим скифским луком. Совершен-

нее этого лука не было оружия, ибо он склеивался из разных пород дерева, а концы изготавливались из рогов животных.

Соглашение действовало длительное время, скифы вели себя пристойно, жили охотой, не грабежами. Киаксар использовал всадников в своих интересах против врагов, за что военачальники скифов получали доли в добыче, приглашались на царские пиршества. Но однажды случилось непредвиденное: Киаксар выделил союзникам недостаточно денег, отказавшись выслушать недовольных. И тогда военачальники тайно умертвили одного из сыновей мидийского царя. Разрубили тело на куски и отдали дворцовому повару, как добытого на охоте зверя.

Царь отведал жаркого, а когда узнал о злодеянии скифов, сделал вид, будто не знает. Пригласил военачальников на пирушку, напоил до бесчувствия и приказал убить.

Оставленное без предводителей скифское воинство впало в панику. Часть всадников оставила Мидию, запросив убежища в царстве Сарды (современная Турция). Остальные отдельными группами укрывались в лесах, голодали. Для скифов наступили труднейшие времена...

Объявился Спаргапиф, дальний родственник Ишпакая. Боги указали ему путь, как вернуть скифов на родину, в Степь. Собрал оставшееся войско и повёл за собой.

Шли на север, к Понту (Чёрное море). Вступив на Кавказ, передвигались вдоль берега, не вступая в схватки с горцами. Когда скифов не пропускали, перевали брала с боем. Через несколько лет увидели Меотиду, приграничную с землями прежнего обитания.

Обнаружилось, что Степь занята кочевыми племенами киммерийцев. Скифы приготовились к сражению, но киммерийцы, узнав о появлении прежних хозяев земли, оставили обжитые места. После их бегства Спаргапиф объявил себя царём Скифии, подчинив кочевников окрестных племён от Тирас (Приднестровье) до Гипаниса (река Кубань). Спаргапиф называл себя и сородичей «царскими скифами», «сколотами». Остальные скифы – землепашцы, пастухи и кочевники – находились в подчинении у сколотов, «их жизни принадлежат царю».

Для управления областями Скифии Спаргапиф назначил военных предводителей со знаками отличия: топор с головой животного или птицы на обушке. Жизнь любого скифа принадлежала царю, поэтому каждый воин приносил клятву, обещая умереть за него, если понадобится.

Пусть будет Анахарсис

Сын Спаргапифа царь Лик имел троих сыновей. Перед смертью Лик объявил тридцатилетнего Гнура наследником. Приняв власть над скифами, Гнур вступил в брак с молодой мачехой, вдовой, второй женой отца, совершив древний обряд...

Скифы уважали удачливых царей, каким был Гнур. Сорок лет он приучал скифов уживаться с соседями на западе, на востоке и на юге. Препятствовал вражде с переселенцами из греческих колоний. Слово Гнур держал, обид не прощал, сокрушал всякого, кто сомневался в его власти и могуществе Скифии.

* * *

Когда жена Гнура забеременела, он пожелал узнать – родится мальчик или девочка? По обычаю, проткнул в обгоревшей бараньей лопатке дырку, продел верёвку и подвесил к повозке, куда уложил жену. Велел вознице ехать по степи, пока не встретится человек. Если мужчина – родится мальчик. Вернувшись, возница сообщил, что увидел всадника.

Первенец появился зимой. Роды принимала повитуха. Отец вынес голого ребёнка на мороз и окунул в купель у шатра. Затем, повернув лицом на восток, поднял высоко, показав Степи. Не задерживаясь, вернул матери.

У изголовья роженицы возвышалось деревянное изображение богини-матери Апи. Рядом колыбель из липы с белым войлоком, под который отец уложил стрелу с золотым наконечником – «оберег воина». На шею сыну надел цепочку с золотым соколом – «от падучей болезни и дурного глаза». Жене подарил ожерелье из зёрен рубина, похожих на капли крови, – «для восполнения жизненной энергии».

После родов здоровье жены ослабло. Молоко скоро иссякло, ребёнок недоедал. В поисках кормилицы царь разослал гонцов по ближайшим кочевьям. Пока поили кобыльим молоком, от которого у младенца болел желудок. По царским делам Гнур оказался в Ольвии, греческом поселении в устье реки Борисфена (река Славутич). По соседству с домом, где заночевал, жила молодая женщина по имени Каллиопа. Вдова недавно утонувшего рыбака, с грудным ребёнком. Гнур уговорил Каллиопу перебраться с младенцем в царскую резиденцию, в скифское Городище.

После рождения сына отец назвал его Спарга («Наследник»), как принято у скифов – «домашнее имя», для общения с близкими, «чтобы ввести в заблуждение злых духов, обмануть болезни и напасти». Над вторым именем задуматься было некогда, как предложила кормилица Каллиопа:

- Сегодня во сне мне явился Геракл, сын Зевса. У вас, скифов, он Таргитай. Бог сказал, чтобы сыну твоему дали греческое имя.
- Зачем наследнику царя скифов иметь греческое имя? – удивился Гнур.
- Бог сказал: «Скифия окажется тесной сыну царя. Путь в Греции услышат это имя».
- Геракл сказал имя?
- Я услышала: «Пусть будет Анахарсис, с греческого – Неранимый».
- Пусть будет Анахарсис, – согласился Гнур.

* * *

К четырём годам Анахарсис остался без матери. Гнур привёл в дом вторую жену, девушку из знатного рода. Но заботы о малыше продолжила кормилица. Когда же у царя родился второй сын, молодая мачеха вовсе потеряла интерес к пасынку.

Кормилица воспитывала малыша как родного сына. Оберегала от неприятностей в играх и забавах. Он с восторгом слушал легендарные сказания о жизни греческих богов и героях. Общаясь с кормилицей и греками, работающими на отца, Анахарсис с успехом овладевал чужим языком и знаниями о быте и культуре Греции.

Дождавшись семилетнего возраста наследника, Гнур постарался оградить его «от женского влияния», заполнив досуг преимущественно мужскими занятиями. В десять лет Анахарсис порадовал отца, усмирив подаренного им жеребца. Кормилица, наблюдавшая за любимцем, была счастлива!

Через три года Анахарсис со сверстниками проходил обязательную для молодых скифов процедуру взросления, инициацию. Попал в «стаю волчат», члены которой за время инициации постепенно превращались во взрослых «волков» – добытчиков пищи, безжалостных убийц. С этой целью «волчата» уходят далеко от обустроенного жилья, без запасов еды и воды. Кормятся охотой, совершают набеги на стойбища, грабят и, случается, убивают пастухов.

Гнур напутствовал Анахарсиса:

– Не забывай, что ты – сын царя! Не проявляй слабости духа, не оступайся, не пьйся перед преградой, а думай, как её преодолеть.

Время испытания выпало на осень, когда пастухи отгоняли скот на зимние пастбища. Анахарсис окунулся в неизведанное состояние нового жизненного этапа. Постелью им служила земля, по ночам твёрдая, гулая, к утру – с изморозью. Покрывалом – звёздный океан с небожителями над головой. Добыча огня возлагалась на каждого по очереди – долго и с усилием тереть твёрдой деревянной палочкой по коре сухого дерева: скапливался порошок, который нагревался, тлел и долгожданно загорался, стоило на него подуть. Ночь у костра, зажжённого таким образом, представлялась великим счастьем.

Не голодали. Добывали зайцев в степи, бегая за ними до тех пор, пока зверьки не обессиливали. Ловили руками, откручивали и отрывали головы. Так подростки доказывали ловкость и бесстрашие. «Не может зайца поймать», – говорили о человеке, недостойном уважения скифов.

Приходилось пить из луж, с голода жевать мох. Охотились на кабана – крайне осторожного, сильного и опасного зверя. Подкараулить его и убить копьём или стрелами из лука брался не каждый опытный охотник. Поэтому наставник ребят позволял готовить ловушки для поимки зверя живым. Вначале нужно было найти тропу зверя, места кормёжки, изготовить и установить особым способом петлю-удавку, чтобы кабан угодил головой или задними ногами. И, главное, когда кабан пойман, защищаясь, он представлял собой смертельную опасность.

Через два полнолуния предводитель распорядился надеть «волчатам» звериные шкуры и разжечь большой костёр. Им было позволено выпить напиток, «снимающий сомнения и придающий жесточечку», приготовленный из перебродившего мёда, настоянного на особых травах и грибах. Вокруг костра совершались экстатические танцы, после чего ребята вскочили на коней и скрытно направились к кочевью, где пастухи стерегли чужие стада. Облачение в шкуру обязывало юношу стать воином, охваченным неистовой яростью в бою.

Под утро вернулись оживлённые, с добычей – похитили несколько овец. Одного из ребят настигла стрела пастуха: рана кровоточила, но к ней приложили травяную примочку.

Предводитель разрешил «волчатам» покрыть тела татуировками звериного содержания, означавшее конец испытания. Анахарсис вместе с остальными «из стаи» стал тоже «волком».

Молодых «волков» дома встречали как воинов, одержавших победу над силами природы. Шаман позволил всем побрить головы, освободив от «детских» волос. В каждой семье отцы как сакральный дар вручали сыновьям оружие – лук, позолоченную чашу, боевой топор и нарекали юношей новыми именами или прозвищами, как символ нового рождения. Анахарсис получил ещё одно имя – Акаса («Невредимый») – в память о том, что остался жив после нападения кабана. С этого дня ему и его сверстникам позволялось совершать набеги на соседей, вселяя в них страх и ужас.

Созерцание мира

Царь Гнур отметил в наследнике изменения – он физически окреп, обрёл уверенность в силах. Но что удивляло, он требовал всему объяснений и пускался в рассуждения – исключительное для скифа качество. Однажды отец спросил:

– Ты должен знать, вороны и совы не дружат. При случае, одна убивает другую. Можешь сказать, как это произойдёт?

Ответ порадовал Гнура:

– Сова ослепляется светом. Ворона убьёт её днём. Ночью сова убьёт ворону. Пусть скифский воин днём будет вороной, ночью – совой!

Царь Гнур, наблюдая за взрослением Анахарсиса, понимал о необходимости преемственности власти.

– Боги сначала сотворили кочевников, затем соединили их в народ, – говорил отец. – За судьбу народа отвечают цари. Ты будешь царём, если усвоишь умение властвовать над собственными страстями и народом.

Последние слова Гнур произнёс без особой радости:

– Скифы полны страха перед случайностями и чудесами, что не делает нас лучшим народом. Тебе предстоит совершить невозможное – избавить скифов от беспомощности, не обращаться к богам, когда возможно исполнять что-либо самим. Тебе предстоит сделаться лучшим среди скифов, а затем совершить то же самое со своим народом.

Сердце Анахарсиса всколыхнулось в ожидании неведомого:

– Я готов следовать твоим наставлениям, отец!

– Скифы учатся жизни у природы, зову которой следуют. Ты же изучай науки, указывающие, к чему стремиться и как достичь желаемого. Учиться придётся у греков, и нет постыдного в том, чтобы выпрашивать и выведывать у тех, кто обладает нужными тебе знаниями.

– Не предам ли я обычаи предков?

– Представь себя летящей стрелой, выпущенной из лука. Стрела воина повергает врагов к его ногам, стрела знаний заставит врагов уважать скифов. Натягивай лук, целясь в стену, за которой сокрыта Истина. Дерзай знаний, и для меня высшей похвалой будут слова людей: «До чего велики деяния отца, если ему дарован такой сын!».

Скрывая нахлынувшие чувства, отец приобнял сына за плечи.

* * *

После памятного разговора Гнур, посетив Ольвию, привёз в Городище первого для Анахарсиса учителя – грамматика, знакомившего царского сына со стихами и прозой греческих авторов. Вторым появился ритор, преподавший красноречие, позже – арифметик. Грек-диалектик учил методам аргументации в полемике.

Царский жрец, узнав о решении Гнура, пришёл в изумление:

– Зачем правнуку Спаргапифа учиться у чужеземцев? Пусть шире откроет глаза и прочистит уши – что нужно, увидит и услышит в Степи.

Гнур обронил:

– Только об умудрённом знаниями можно сказать, что он имеет глаза. У многих вместо глаз бельмо.

Анахарсис осваивал науки, доступные лишь свободнорождённому греку. Помогало знание языка. Со временем он заказывал греческим торговцам привозить из Афин папирусы с текстами, вчитывался, пытался разобраться, вникал в суть, извлекая пользу. Чем больше накапливалось в его библиотеке рукописей, тем меньше времени оставалось на праздный отдых, развлечения. Но с годами культура Эллады стала доступна его пониманию, близка смыслами.

Окружение царя не одобряло занятий его сына с чужеземцами. Возражали жрецы, готовые обвинить в измене духу предков. Гнур объяснял учёбу сына намерением на равных общаться с чужеземцами.

Успехи Анахарсиса радовали отца, хвалил за осведомлённость:

– Слушай мудрецов и запоминай. Накапливай знания.

– Это невозможно, отец! – удивил сын ответом. – Знаний в мире столько, что один человек накопить их в себе не способен.

– Почему?

– Появится кто-то, кого люди признают умнее предыдущего. А после появится другой, ещё умнее предыдущих; после него умнейшим назовут ещё и ещё, – до бесконечности!

– Ты хочешь сказать, что твоя учёба бесполезна? – в растерянности произнёс Гнур.

– Нет, учёба полезна тем, что мои знания складываются из совокупности узнанных истинных вещей. При этом сама Истина в познании постепенно отдаляется.

– Тогда скажи отцу, какой мудрости от греков ты уже достиг?

– Я обнаружил, что из живых существ только человеку доступна способность рассуждать. Оттого человеку следует не повиноваться животным побуждениям, а поступать разумно.

– Что из этого следует?

– Для меня пока загадка, почему в одном человеке одновременно существует несовместимое состояние добродетели и порока? Почему уживается нежелание быть рабом, а других обращать в рабство? Как уживаются друг с другом свобода и рабство?

Последовало молчание отца, затем он с подозрением спросил:

– Как тебя понимать, сын царя?

– Труд никакой не позорен – позорна одна только праздность.

Переполненный сомнениями в поисках Истины, Анахарсис удивлялся, почему скифы приносят дары богам, если они насылают бедствия.

– Не лучше ли отказаться от богов?

– Ты отрицаешь богов? – возмутился Гнур.

– Пока нет оснований. Но об этом пишут в папирусах учёные греки. Говорят, божеств порождает сам человек, его образ мыслей!

В какой-то день Анахарсис сказал отцу:

– Ты не станешь возражать, война несёт горе и разруху по обе стороны вражды? Не лучше ли, отбросив немирные помыслы, сообща приступить к делам, которые позволят скифам безопасно жить на своей земле и с большим доверием относиться к соседям?

Гнур скривил недовольную улыбку:

– То, что большинство людей называет миром, есть только название. На самом деле природой определено, что существует вечная непримиримая вражда между семьями, племенами, родами и целыми народами. Каждая сторона знает, если не сокрушить противника, твои блага, земля, имущество достанутся победителю.

Он протяжно вздохнул и добавил:

– Знай главный секрет царской власти – делать, чего хочет твой народ. Народ хочет хорошо жить всегда, для чего царь должен водить всадников в набеги, побеждать. Предводитель обязан доставлять скифам возможно большее благополучие, иначе он негоден. Вот почему во время мира царь думает о войне и стремится к миру во время войны. Со временем ты поймёшь слова отца и не осудишь его.

Изделие мастера

Царь Гнур любил посещать занятия сына с учителями. Садился в сторонке, наблюдал и слушал. Однажды грек, рассказывая о пирамидах в Египте, с восторгом заявил:

– Это каменное чудо сотворили боги!

– Нашёл, чем восхищаться! – нарушил молчание Гнур. – Ты не слышал о Котле Колаксия. Вот настоящее Чудо!

* * *

Кто из скифов не слышал о Колаксии, сыне Таргитая? Когда умер отец, между братьями зашёл спор, кому быть царём. Бог Папай сбросил на землю золотые знаки: плуг с ярмом, топор и чашу со словами: «Кто поднимет, тот царь!» Как ни тужились старшие братья, не вышло. Поднял младший Колаксай и сказал:

– Плуг, топор и чаша воплощают пахарей, воинов и жрецов. Мне царствовать над всеми!

Назначенный богами царь Колаксай пожелал узнать, сколько в Степи живёт скифов. Призвал вождей от кочевых племён, чтобы сообщить волю:

– Пусть все мужчины, способные натянуть тетиву собственного лука, пришлют мне по наконечнику стрелы. Так узнаю, сколь велико у меня войско.

В ставку Колаксия прибывали повозки с горами бронзовых наконечников стрел. Вскоре у юрты Колаксия выросла огромная «бронзовая гора»! Чтобы пересчитать, понадобились умельцы; когда справились, наконечников оказалось триста тысяч! Так царь Колаксай узнал, сколько всадников будет в царском войске.

На следующий день Колаксай задумал, куда девать гору бронзы. Приказал изготовить котёл, но такого размера, чтобы сваренного в нём мяса хватило накормить войско. Осталось найти бронзовых дел мастера.

Несмотря на царское вознаграждение, желающие не объявлялись. Слишком необычным выглядел заказ. Когда же крайний срок вышел, явился человек – с виду неказистый.

– Кем будешь? – спросил царь.

— Подростком помогал отцу в кузне. Люди зовут меня Лид («Повелитель металла»). Узнал от греков про город Коринф, где кузнецы владеют секретами выплавки бронзы. Был у них подмастерьем, теперь сам мастер. Сделаю твой котёл, царь!

Лид показал на свои натруженные руки и седую голову:

— Вот мои доказательства!

Колаксай недоверчиво спросил:

– Помимо бронзы, тебе ещё что-либо понадобится?

Лид загадочно улыбнулся:

– Это мой секрет. Однако тебе скажу. Тогда выйдет сплав, называемый греками «коринфская бронза». С ним изделие надолго сохранит не тускнеющий блеск.

* * *

В Скифии не нашли месторождений металлосодержащих руд. Завозили с Рипейских гор (Урал) и Гриваказа (Кавказ). Для литья использовались обычные горны и плавильные печи, применялся древесный уголь. Разливали по глиняным формам и получали слитки.

Мастер нашёл специальную глину, очистил от бесполезных примесей. Добываясь от массы совершенной пластичности, помощники тщательно размешивали и разминали её. Затем Лид вылепил подобие котла нужного размера, нанёс выплавляемый в печи воск определённой толщины с обратными рельефными изображениями зверей, птиц и растений. Поверх накрыл ещё одним глиняным слоем. В верхней части готовой формы проделал отверстие, куда предполагалось вливать расплавленную бронзовую смесь.

Вокруг будущего изделия развели гигантские костры, обожгли, как обычную керамику. При этом внутренний восковой слой плавился и вытекал, уступая место жидкой бронзе.

Перед началом всей работы пришлось решать нетипичную задачу. Чтобы добиться единовременного выпуска расплавленного металла требуемого объёма, бронзовый лом загрузили в три вертикальные печи, сложенные из кирпичей для этой цели рядом друг с другом. Мастер следил за огнём, заставляя помощников поддерживать непрерывный жар бессчётным количеством дров. Когда расплав показался готовым, его стали разом сливать через медные желоба-кокилы в форму и дали постепенно охладиться.

Позвали Колаксай, и при нём мастер разбил топором запёкшуюся от жара форму. Перед восхищёнными взорами очевидцев предстал... величественного вида Царь-Котёл! Небо вмиг очистилось от застрявших с утра облаков, заставив людей зажмуриться от солнечных бликов, отражённых от золотистой поверхности бронзы.

Особенный восторг вызвала ёмкость Котла Колаксай, так как в нём свободно разместился бы всадник с конём. Так неизвестный скиф показал значительное превосходство над знаменитыми бронзолитейщиками из Коринфа на все времена.

Накормить войско

Гнур подростком впервые узнал о Котле Колаксай от родного отца, которому о нём рассказал его отец, царь Спаргапиф. Сам же Спаргапиф слышал необыкновенную историю от стариков, а они, в далёком прошлом, – ещё от кого-то. Состоялось ли угощение войска приготовленным в Котле содержимым, история умалчивает, но впоследствии изделие мастера Лиды несколько раз использовалось странным образом – ударяли дубовой колотушкой, чтобы призвать скифов на сборы. Густой низкий гул разносился по Степи далеко и долго держался.

Потом о Котле Колаксай, как о Чуде, говорили всё меньше и меньше, и пришло время, когда о нём не вспоминали. Говорили иногда, будто он – не более чем красивая легенда.

* * *

Царь Гнур услышал от торговца из Ольвии загадочную историю. Грек утверждал, что однажды, разъезжая по своим делам по Скифии заметил странный предмет. Похожий на котёл невиданного размера, просевший глубоко в землю. Рядом виднелись прогнившие деревянные остатки явно скифского поселения. Местные пастухи, встреченные неподалёку, сказали, что в таком состоянии «котёл» лежит очень давно.

Гнур подробно расспросил у торговца приметы местности, после чего заявил старейшинам, что намерен найти подозрительный предмет, похожий на легендарный Котёл Колаксай, и, если так, доставить в Городище.

– Как потомок Колаксай, я обязан это исполнить.

Царь с отрядом отбыл в указанном торговцем направлении. Когда нашли, определили, что это был Котёл. С огромнейшим трудом откопали, перевернули на «повозку», поставленную на брёвна, смазанные жиром. Катили, переставляя наперёд, и с великим усердием доставили священную реликвию до царской резиденции в Городище.

Гнур сказал скифам:

– Царь-Котёл с нами, что представилось божественным знаком! При Колаксае, моём предке, кочевники стали народом, а Скифия – царством.

Скифы гадали, что скажет дальше Гнур. Он спросил старейшин:

– Ответьте, мудрейшие, что для скифа дороже золота?

Старики отвечали по-разному – конь, лук, свобода.

– Традиции! – объявил царь. – Хранение и исполнение традиций – обязанность скифа. Колаксай обещал накормить воинов мясом из Котла! Я продолжу традицию.

Гнур разослал по Степи гонцов по кочевьям с приглашением отличившихся в сражениях ветеранов.

Тысячи воинов явились к резиденции царя. Очистили Котёл от вековой грязи, почистили, отмыли до прежнего сияющего блеска. Для пиршества Гнур выделил десять упитанных быков, которых бескровно убили удавками; снятые шкуры постелили на землю воинам. Кости освободили от мяса, кровь жертвовали богине-покровительнице Табити. Вместо обычных дров обложили Котёл со всех сторон костями, обмазанными жиром. Когда наполняли водой, вместились шестьсот амфор!

Перед тем как возжечь «дрова», понадобилось очищение Котла священным Огнём. Призвали шамана древнего вида. Закрыв глаза и сотрясая бубен, он стал выкрикивать заклинания. Топтался на месте, крутился вокруг себя и сразу устал. Отдышавшись, открыл глаза и произнёс:

– Дух разрешил взять частицу Огня. Мне нужно приготовить место.

Рядом с Котлом подобрал с земли веточки, травинки и камешки. Отбросил в сторону и со словами: «Пишу Огня на землю не кладут», на очищенное место положил кусок материи. Настрогал ножом берёзовых щепок, подложил сухую траву, поверх – сухие ветки берёзы. Сказал негромко:

– Если злые духи захотят помешать, берёза прогонит.

Вытащил из-за пазухи мешочек с припасённой смесью, высыпал на берёзовую заготовку – «угощение Духу Огня», и вновь извлёк «прозрачный камень, похожий на диск». Шаман глянул на небо, заметил, где находится солнце, направил на него диск.

Из диска пробился тонкий лучик, упал на сухостой. Огонь на некоторое время задумался, принимать жертвенный дар или отказаться... Задымилось, вспыхнуло пламя.

Шаман сунул горящие щепки под Котёл, и люди с облегчением вздохнули.

Шаман возликовал:

– Вижу сошествие Небесного Огня! Огня Солнца, дающего жизнь Котлу божественного Колак-сая!

Облитые жиром кости разгорелись, унося дурманящие богов запахи к Небу.

Обряд предполагал отдельное жертвоприношение Табити. Младший шаман привёл на привязи украшенного цветами ягнёнка с чёрной шкуркой. Жертва не сопротивлялась, позволив шаману полоснуть ножом по шее и объявить:

– Уснул, счастливый тем, что передал свою жизнь богине!

Закипела вода. Дождавшись готовности мяса, воины приступили к трапезе. Вместе с ними пировали царь Гнур с наследником.

* * *

Во время обряда Анахарсис заметил, что из головы шамана будто вылетают едва различимые искорки... После трапезы с осторожностью задал вопрос, не показалось ли ему видение.

Старик внимательно посмотрел в глаза и, поразмыслив, ответил с почтением:

– Только шаман мог увидеть внутренний огонь, исходящий из тела другого шамана. Ты заметил, как он соединился с Небесным Огнём. Ты – Посвящённый, посланник богов, направляющий ладью жизни на гребень волны Океана Знаний. Не страшись неудач, перед стихией не отступай.

ОЛЬГА НЕМЫКИНА

г. Тихорецк

Немыкина Ольга Владимировна, родилась 18 февраля 1962 года в селе Заплавном Волгоградской области. С 1964 года проживает в г. Тихорецке Краснодарского края. После окончания школы № 34 работала на заводе «Красный молот» учеником токаря, затем получила второй и третий разряды. Поступила в Тихорецкий техникум железнодорожного транспорта (ТТЖТ). После его окончания отала на том же заводе по специальности техник-механик.

Стихи стали появляться с 10 лет. Большую роль в становлении Ольги Владимировны как автора сыграла судьбоносная встреча с поэтом Вадимом Неподобой, приехавшем в 1984 году на их завод читать для рабочих цехов свои стихи. Он одобрил показанные ему стихотворения, чем вдохновил начинающего автора. С 2005 года она стала неизменным участником работы литературного объединения «Родник», которым руководил член СП России Генрих Николаевич Ужегов, давший ей хорошую школу поэтического мастерства. Со временем пришло увлечение прозой. В этот период три года посещала ежемесячные семинары, проводимые Ростовским отделением СП России, в результате в 2014 году стала членом Союза писателей России. В 2018 году стала на учёт в Краснодарской краевой писательской организации. После смерти Г.Н. Ужегова в октябре 2022 года Ольга Владимировна возглавила литературное объединение севера Кубани «Родник».

Её работы публиковались в журналах «Мозаика Юга», «Дон и Кубань», «Дон новый», «Краснодар литературный», «Литера» (г. Гомель), в газетах «Кубанский Писатель», «Донской писатель», «Тихорецкие вести», «Голос Кубани» (газета ЛиТО «Родник»).

ЕСТЬ РАДОСТЬ ЖИЗНИ В КАЖДОМ ДНЕ

Венок вольных сонетов

1.
Есть радость жизни в каждом дне.
Она порой едва заметна:
как добрый знак в хорошем сне,
ко мне приходит всерассветно,

бодрит сердца влюблённых пар,
зовёт бродить по сонным крышам.
Доставить радость – это дар,
что людям был посланьем свыше.

Одни считали – это куш,
который выпал им для счастья.
Другим важней слиянье душ
и в этой радости участие!

Кто глубоко так мысли впустит?
Есть в каждом дне частица грусти.

2.
Есть в каждом дне частица грусти.
Что до причин – их миллион.
Хоть руки ты ломай до хруста,
хоть истерзай свой телефон,

чтоб в нём тотчас найти ответы:
а можно ль вовсе без неё?
Бывает, грустью мы согреты.
Порою жжёт она огнём.

Зачем, судьба, глаза мне застишь
и грусти яд испить даёшь?
Ведь не в твоей, поверь мне, власти
сломить мой дух. Попробуй, что ж!

В прожитом мною каждым дне
есть свет, мерцающий в окне.

3.

Есть свет, мерцающий в окне.
Для света надобно немного:
сверчка услышать в тишине,
увидеть ровную дорогу

к судьбе, не ведомой пока.
Не исчезают пусть надежды,
да надо мною облака
пусть не сгущаются, как прежде.

Не перестанет солнце греть.
Зерно взрастёт на пашне щедро.
Но людям трудно отогреть
сердца, остуженные ветром.

А без огня в окне так пусто.
Есть блёклость окон захолустья.

4.

Есть блёклость окон захолустья.
Светиться будут ли они?
Когда ты видишь жизни устье,
к её истокам поверни.

Туда ведёт тебя дорога,
где стать счастливой суждено.
Там всё в руках надёжных Бога,
и там горит твоё окно.

Пусть распахнутся души настезь!
Пусть побежит по жилам ток!
Пусть в каждом дне прибудет счастья,
хотя бы маленький глоток!

Но что вещает нам эфир?
Не в каждом дне бывает пир.

5.

Не в каждом дне бывает пир,
любви великой постоянство.
Ты сбережёшь свой добрый мир,
коль освежит души пространство

великий ветер перемен,
а с ним огонь в крови не гаснет.
День заберёт сердца в свой плен
безмерной радости и страсти.

Ни пререканья, ни сует
и ни смирения в юдоли,
ни круга грешных дел, ни бед
на свой алтарь, ни адской боли

он не возьмёт – а лишь угаснет.
Кому нужны и зло, и распри?

6.

Кому нужны и зло, и распри?
Не просто жизнью управлять.
Ведь что-то людям разум застит
и заставляет честь ронять.

Во многих ханжество засело,
желанье больше всех урвать.
И, распалившись до предела,
бунтует праведников рать.

Снимает тяжкие оковы
с тревожных душ, с уставших тел
ценой страдания и крови.
Народ заметно здоровел.

Непониманья таял лёд.
Душа в мольбе – наш мир цветёт.

7.

Душа в мольбе – наш мир цветёт.
Я в нём, как будто в колыбели.
И с галактических высот
с любовью звёзды вниз глядели

на мир, что ими был согрет.
И в нём живительная сила
росла, и сотни тысяч лет
тот свет любви в себе копила,

чтоб в нужный срок его дарить
всему живому на планете.
А смог бы ты вот так любить,
как любят звёзды, души, дети?

Но почему повсюду распри?
Душа во зле – наш мир угаснет.

8.

Душа во зле – наш мир угаснет.
Угаснет следом и любовь.
Тут хоть стихи пиши, хоть басни,
не подобрать мне нужных слов.

Как не поддаться словоблудью?
А этим многие грешат.
И вот стою я на распутье
и не решаюсь сделать шаг.

В любви нуждается планета!
Веками шёл об этом спор.
Сомненья гложут: так ли это?
Но след войны – всему укор.

О том я людям брошу клич,
как лада нам в душе достичь!

9.

Как лада нам в душе достичь,
чтоб в мыслях было совершенство?
Кого-то скосит паралич,
вернётся снова кто-то в детство.

Где ясность светлого ума?
Синдром не дремлет Паркинсона.
Кому – тюрьма, кому – сума,
кому-то статус VIP-персоны.

Не нужно голову ломать,
какое к жизни выбрать действие.
Одним нужна всего лишь стать,
другим – в страну иную бегство.

Достигнет кто-нибудь при этом
во всём гармонии и света?

10.
Во всём – гармонии и света!
Отныне мой девиз таков!
И эта мысль была воспета:
освободиться от оков

моей душе бы поскорее!
Тогда-то вольный дух степей
на сердце свежестью повеет,
и станешь ты стократ сильнее,

чтоб всё исправить в тёмном мире.
Да вспыхнут звёзды в небесах!
Но вряд ли станут мыслить шире
те, кто не сделал к свету шаг.

Свет не мешало б им постичь,
чтоб и в округе, и опричь.

11.
Чтоб и в округе, и опричь
меня всё так же волновали:
зола горячая кострищ,
провинциальные вокзалы

и запах кёдровых лесов,
зари внезапной жаркий всполох
и берегов речных песок,
и в чаще леса санный волок.

А чтоб романтика души
ни на мгновение не гасла,
я, как никто, спешила жить,
да так, чтоб не было напрасно.

Чтоб для меня зимой и летом
ярилась красками планета.

12.
Ярилась красками планета,
невестой в космосе плыла.
Я вместе с ней в лучах рассвета
растила новые крыла.

И у неё всегда училась
любви вселенской, неземной.
Она же всем дарила милость,
и тем, кто крал её покой.

А что до нас? Доколе будем
старушку войнами терзать?
Хочу сказать: – Эх, люди, люди!
Она всему живому Мать!

Любовь, идущая извне,
как солнца луч в моём окне.

13.
Как солнца луч в моём окне,
ты – чувств нежнейших пробужденье,
игра на тоненькой струне,
весны и душ прикосновенье.

И в зачарованный полёт,
в прозрачный мир далёкой дали
нас вдохновение зовёт,
чтоб мы одной душою стали

и в этой жизни, и потом –
одной, вовек неразделимой.

Вселенной будем же хранимы,
где обретём наш вечный дом!

Как солнца луч в моём окне –
жизнь отражается во мне!

14.
Жизнь отражается во мне.
Ну, как же ей не отразиться?
В глубинах глаз, на самом дне
моей души она искрится.

То озорным забьёт ключом,
то ясной зорькой заалееет,
а то вдруг вырвется лучом,
собой озябших отогреет.

Она чертовски хороша!
Люблю её самозабвенно!
И пусть в ней ширится душа
до самых ярких звёзд Вселенной.

Она вполне подходит мне!
Есть радость жизни в каждом дне!

15.
Есть радость жизни в каждом дне.
Есть в каждом дне частица грусти.
Есть свет, мерцающий в окне.
Есть блёклость окон захолустья.

Не в каждом дне бывает пир –
кому нужны и зло, и распри?
Душа в мольбе – цветёт наш мир.
Душа во зле – и мир наш гаснет.

Ну как же мира нам достичь,
во всём гармонии и света,
чтоб и в округе, и опричь
сияла красками планета?

Как солнца луч в моём окне,
жизнь отражается во мне.

ВЛАДИМИР РОМАНОВ

г. Краснодар

Краснодарский поэт и прозаик Владимир Васильевич Романов родился в 1953 году в посёлке Павловский Очёрского района Пермской области. Юность провёл в городе Моздоке Северной Осетии, окончив там среднюю школу. Выпускник факультета механизации Ставропольского сельскохозяйственного института (1977). Писать начал в детстве, лет в десять, но постоянно – с конца 2004 года, после прихода в Тихорецкое литературное объединение «Родник».

В январе 2006 года на Ставрополье вышла первая книжка стихов «Мелодия души». В 2007 году в Таганроге в издательстве «Нюанс» вышла вторая книга «Решает миг, но предрекает час...». Затем были ещё книги стихов: «Ступени к самому себе» (2008), «Возьми мои книги» и «Читая японские танка, или поэзия ассоциаций» (2009), «Вся жизнь – торги?» (2010), «Однажды» (2011), «Кто я?» и «Фигляр» (2021).

Изданы книги прозы: «Флэшка» (2012), «Осколки памяти или Витюшкины истории» (2013); выпущены в цифровом варианте: первая книга романа «То, что живёт в нас» (2019) и документальная книга-диалогия «Былое и память. Портреты на фоне эпохи» (2022). В работе находится ещё несколько книг, в том числе «Записки непрофессионала», «Зарафшанский сериал», а также двухтомная документальная книга об истории Павловского завода, что на родине автора, заложенного и построенного волей графини Софьи Владимировны Строгановой в 1816 году (книга приурочена к 210-летию со дня создания предприятия).

Член Союза писателей России, член правления Краснодарского регионального отделения СПР.

ДЕМОНИЧЕСКОЕ**Отболело – и ладно**

*Валентине Курмакаевой**

Ты в ракушку свернулась,
я вот тоже – в ракушку...
Так мне что-то взгрустнулось –
где ж ведунья-кукушка?

И кому это надо –
наши рваные души?
Мне б стихи, как гранату,
кинуть в чьи-нибудь уши!

Чтоб граната взорвалась...
Только вот что досадно –
их почти не осталось...
Отболело – и ладно!

* Поэтесса из г. Ростова-на-Дону, моя уральская землячка

Демоническое

Стихов столбец, как будто штык,
ворвался в мозг, пронзая череп,
и там, где угли тихо тлели,
вдруг зажурчал ручьём арык.

Внезапно хлынула вода –
взрывая по пути плотину,
и, увлекая мусор, тину,
легла вдоль мозга борозда.

Я чувствовал: внутри борьба
шла между Адом и Эдемом,
и только врубелевский Демон
мне пот времён стирал со лба...

Моя Вселенная

Где таится моя Вселенная –
в подсознании, в голове?
Что влияет на тело брренное,
заставляя лежать в траве?

Если это лежанье радует,
то кого или, может, что?
Сквозь небесное решето
дождь, пройдя, обернётся радугой...

Что-то вечное и нетленное
излучается в синеву –
так клубится во мне Вселенная,
подтверждая, что я живу.

Они и ты

Они основы разрывали,
идя во власти наугад,
да правду с кривою мешали,
и следовал за ними ад...

Но ад отнюдь не в голове.
он каждому извне навязан,
и тропок предлагают две.
а выбрать ты одну обязан.

Неоднозначность бытия
ведёт. ввы. к шизофрении.
а святость собственного «Я»
не означает путь мессии...

Конечно, можно созерцать,
не отрицая, не приемля,
как властный будет обирать
страну твою и эту землю.

А ты, стеной отгородясь,
перекрестишься троеперстно,
но кто тогда отмоем грязь
с живущих не по лжи, а честно?

Белое

Одеться так хочется в разное:
зелёное, жёлтое, красное,
а мы наряжаемся в чёрное
и прячемся в тело покорное.

Душе не смеётся, не плачется,
а как в этой жизни иначе-то?
Становишься чёрствым сухариком,
никчёмным потухшим фонариком.
Однажды наступит прозрение,
вот только в каком поколении?
Мы что-то полезное сделаем,
тогда и оденемся в белое...

Не знаем, чего просим...

Господь как-то грустно о нас сказал:
– Не знаете, чего просите!*

Ах, если бы каждый да вовремя знал,
что вредно питаться досыта!

Ах, если бы каждый по совести жил,
не занимаясь рвачеством,
и годы, им прожитые, ценил
не по количеству – качеству.

Но мы так привыкли почти всегда
уподобляться стаду,
а годы сквозь пальцы текут, как вода:
глядишь, уже каяться надо...

* Но Иисус сказал им: не знаете, чего просите. Мк. 10, 38.

Путь по прямой

Из начала в конец по прямой –
путь, казалось бы, самый разумный,
но петляем мы долго, бездумно
как нетрезвый, бредущий домой.

Натыкаясь в пути на углы,
обретая любимые шишки,
мы пеняем Всевышнему: «Слишком
много нам достаётся хулы!».

Где-то рядом идёт Люцифер
и с тропинки Судьбы нас сбивает,
но и он, как и Бог, обладает
суммой знаний космических сфер.

И вот так, через Темень и Зло,
мы Добро познаём, ценность Света,
иногда получая ответы,
коих смысл осознать тяжело.

Наступает прозрения миг:
смысл жизни есть к Богу причастье!
Слишком лёгкое было бы счастье –
меж двух точек пройти напрямик...

* * *

Бог, нам погостом время очертив,
лишь указал возможные границы:
внутри очерченного круга лица,
снаружи – душ невидимый актив.

Как осознать, что сущее внутри
Творцом не зря очерченного круга –
не место проведения досуга,
а тяжкий путь от двери до двери...

* * *

На растерзанной планете
прозябаем как пришельцы:
ни в накладе, ни в ответе –
собственных страстей терпелцы.

Любопытным всё неймётся
отыскать сверхчеловеков:
кто-нибудь, глядишь, найдётся
в радиусе ста парсеков.

Проще к ним переселиться
в новый дом под тёплой крышей,
на чужом повеселиться
вопреки заветам свыше...

И лишь единицам странны
встремленья эти очень:
в душах их зияют раны –
жаль, они не мироточат...

Не Рождественское

Как-то Бродский сказал: «...Рождество
защищает от сжатия сердца...»*,
только всякого ли страстотерпца
защищает волхвов колдовство?

Слишком много с тех пор уплыло
трупов в водах подземного Стикса,
слишком много тех, кто не проникся,
оттолкнуло Харона весло.

Столько дел под прикрытием слов,
что пути к покаянию нету!
По инерции кружит планета
унося на себе седоков.

Там, в космической звёздной пыли,
где весомо лишь Божие Слово,
превращаются в первооснову
страсти жителей грешной Земли...

* И. Бродский, «На отъезд гостя» (1964)

* * *

Бумага? Нет, редактор, как вода –
стучим всё больше по клавиатуре,
а на компьютерах в ущерб культуре,
путь мысли исчезает без следа...

Из сложного – святую простоту:
отсечь всё лишнее, оставив наготу,
в два слова обозначить только правду –
из пишущих лишь единицы жаждут.

Куда как проще два ведра воды
налить и ей, пустой, сюжет разбавить,
томами полки пыльные заставить
и любоваться на свои труды...

* * *

Аптека, улица, фонарь
и... ты уже за поворотом,
вошёл в раскрытые ворота
и встал, листая календарь.

А там, в воротах, Некто ждёт,
зрит с неевклидовым прищуром,
и ты под этим взглядом хмурым
постигнешь времени полёт.

Ты осознаешь кривизну
Пространства а'ля Лобачевский:
прямая – не проспект, не Невский...
Упс, ты в троллейбусе заснул!..

Опять всё тот же календарь
и та же дата, часом позже,
и пред тобой опять всё то же:
аптека... улица... фонарь...

Двуликий Янус

Как отрицанье отрицанья
на «Нет» у нас найдётся «Да»,
взамен покоя созерцанья –
«Всегда» и тут же «Никогда».

Глухая тьма пронзится светом –
ничто без Бога Сатана,
а чтоб уравновесить это,
Любовь Создателем дана.

Нам воспарить бы с ней, как птицам,
пока весна бурлит в крови,
но вот уж Ненависть гнездится
в двуликом Янусе Любви...

Поймём мы поздно или рано,
всю горечь зла испив до дна:
Любовь – она двуликий Янус,
но тем дороже нам она.

Не бережно...

Было время, казалось мне,
впереди – сотня лет,
годы – малою малостью:
напролом, а не вслед.

Не откладывал загодя
на день чёрный рубли,
не берёгся с отвагою
от суммы да петли.

Сколько мне там отмерено –
явно, что не парсек.
Всё равно я не бережно
свой расходую век...

* * *

«И год, как день, и день, как миг»*,
а месяц длится лишь минуту...
Но только то, чего достиг,
не успокоит почему-то.

Летят, как птицы, времена,
спешат, торопятся куда-то,
врезая в память имена,
событий значимые даты.

Остановись передохнуть
и оглянись на то, что было...
Но впереди петляет путь,
и манит чья-то тень двукрыло.

Наверно, счастье в этом есть –
судьба начертана такая:
всю жизнь спешить, настырно лезть,
лететь, пока не видно края...

* Фраза из стихотворения Леонида Филатова.

* * *

Когда меня уже не станет,
я чистым эхом отзовусь
в кристальных водах Мирозданья –
туда я каплею вольюсь.

Взойдёт, когда меня не станет,
сияньем солнце над волной,
обласкивая сонной ранью
зари восторгом край родной.

Когда меня не станет, что же –
сверкнёт искра взамен меня
и пробудиться вам поможет
в величье солнечного дня.

Так будет, коль меня не станет:
моя бессмертная душа
вернётся к вам другим созданием
или шуршаньем камыша...

ИРИНА ВЕРИНА-МИХАЛКИНА

г. Москва

Ирина Верина-Михалкина (Михалкина Ирина Владимировна) – член Союза писателей России, действительный член Славянской литературной и художественной академии, лауреат и дипломант литературных конкурсов, филолог-русист, доктор педагогических наук, академик Международной академии наук педагогического образования.

Живёт и работает в Москве. Занимается теоретическими и практическими вопросами преподавания русского языка как средства профессионального общения. Является автором более 200 опубликованных работ, среди которых учебные пособия и учебники, изданные в России, Германии, Польше, Болгарии, Чехии, Словакии, Испании, США и Японии.

Автор поэтических сборников «Ради любви возвращаются ...», «Встречи с Вечным», «Перечитывая "Кармен"», «Офицерские жёны» и многочисленных стихотворных публикаций в СМИ. С 2021 года читает свои стихи о вечных ценностях человеческой жизни, разных судьбах и характерах на авторском поэтическом канале.

ПО ВОЛНАМ МОЕЙ ПАМЯТИ

Поэтический цикл

1. Золотые дали Кубани

Вас, может, тоже вдохновляли
Кубани золотые дали?
Набитый зрелый колос туго,
Стерня, стоящая упруго...

А вереницы тополей
Вдоль ровно убранных полей?
Степной размах, табун коней,
Горячий зноя суховей...

И солнца в полдень
 диск застывший.
Над степью сокол воспаривший.
Посадок тень – глоток прохлады:
В зной нет желаннее награды!

Перед закатом облака...
Творца умелая рука
 дарует поднебесья краски
И в мир уносит доброй сказки.

Вот мама с папой.
 Детство. Лето.
Казачьих песен сколько спето!
А сколько шуток
 с детским смехом!
И счастье степь разносит эхом...

2. Вдохновению

С тобою могу я сидеть до утра,
Будто впервые встречая рассвет.
Столько потерь, столько утрат...
Но Свыше Любви
 нам даруется свет.

Не покидай! Я прошу. Подожди!
Не сомневайся, не бойся, поверь...
Если слезливо польются дожди,
В сердце моём не закроется дверь.

Тлей угольком
 в неостывшем камине.
Но только дождись:
 будет светел огонь!

Нелёгкие дни...
 Ох, нелёгкие ныне
Судьба положила
 нам всем на ладонь.

3. Памяти воинов Великой Отечественной войны

Изверги рушат память –
Память о собственных дедах.
И продолжают хаять
То, что добыто в победах

Над злою фашистской силой.
А мы – неподвластные мгле –
Склонимся над братской могилой,
Почувствуем в Вечном огне
Пламя любви к Отчизне
Тех, кто её спасал,
Кто подарил нам жизни
И кто своих не бросал.
«Зов крови» для нас не важен.
Был каждый в бою солдат.
Был каждый надёжен, отважен –
Русский, еврей, бурят...
Всех их война побратала,
Не глядя на адреса.
И жизни у них отнимала
Безжалостно смерти коса.
Всех мы помянем с поклоном,
Память мы свято чтим.
И колокольным звоном
Дань подвигу их воздадим.

4. Штормило...

Штормило... Выносило мусор,
И море пенилось в волненье.
Солёно-горьким, терпким вкусом
Металось шторма настроенье.

Казалось, что навеки смыло
Сусальность тёплого песка,
Что не вернутся облака,
Как раньше – нежно-белокрыло.

Уныло. Серо и тоскливо...
Как человек к себе жесток!
Надумал, будто одинок,
И замер в думах молчаливо.

И брёл, ступая боязливо,
Ведь шторм смыкает даже след...
Забыл, что просто терпеливо
Дождаться нужно солнца свет!

5. По волнам моей памяти

По волнам моей памяти
Возвращаюсь назад,
Где в чугунном орнаменте
Страж эпох – Ленинград.
Город строгий и ласковый.
Верный, старый мой друг.
Он не ходит под масками.
В нём не правил испуг
В дни блокадного голода.
Всех сплотил он в семью.
И спасал всех от холода,
Веря в душу свою.
Возвращаюсь с волнением
На полвека назад.
Мне б обнять с нетерпением
Свой родной Ленинград!

Вдоль Невы полной грудью
Свежесть ветра вдохнуть.
В полдень с залпом орудий
В глубь веков заглянуть.
Город, щедрый на счастье,
На раздумья и грёзы.
Он в любые ненастья
Видит каждого слёзы.
Их смахнёт незаметно,
По-отцовски обнимет.
И с мечтою заветной
Никого не отринет.
Знаю, Питер мой милый,
Как всегда, ты мне рад!
Возвращаюсь за силой
В свой родной Ленинград.

6. Нарисуй мне зиму!

Взрослым сыновьям

Мальчик синеглазый! Нарисуй мне зиму!
Нарисуй поляну, что ходили мимо.
Помнишь, были ели – выше всех небес?
Нарисуй мне, мальчик, наш любимый лес.
Нарисуй мне горку. Ветер. Свист в ушах.
Звездочки-снежинки,

что так склон пушат.

Нарисуй братишку – розовые щечки.
Не забудь манишку разукрасить точно
На груди боксёра – друга детских лет.
Нарисуй от санок чуть заметный след.
И мальчишек дружных нарисуй гурьбу.
На окошке зимнем – узоров ворожбу.
Нарисуй кормушку, где снегирь сидит.
Зимнюю избушку, где огонь горит.
Печку, у которой валенки стоят.
Кочергу, а рядом – угольки блестят
Красным, синим, желтым...

Нарисуй метель.

Сказку нарисуй мне. Только сам поверь.
Мне с тобою, мальчик,

в зиму – словно в рай.

Нарисуй мне солнце. Ну, хотя бы край...

7. Милый август

Август милый... Август звёздный...
И темнеет ещё поздно.
А луна – тепла, янтарна.
Как блестит, и как пожарна
Сочно-твёрдая калина!
Дымной струйки от камина
Вечерами не видать:
Для тепла хватает шали.
Август – Божья благодать!

Спас медовый – сладость лета,
В сотах солнечный нектар.
Яблоку Спас приходит следом,
А за ним – и хлебный дар.

Хлебный Спас – орехи спелы!
Колокольный звон небес...
И прохладой неумело
Ветер чуть колышет лес...
Август звёздный, август милый,
Ты даёшь такие силы!
Можно сутками не спать...
Август – Божья благодать!

8. Родителям-фронтовикам

Дорогие наши! Сколько лет
Пролетело с майской той Победы...
Народились правнуки на свет,
Дети ваши – бабушки и деды.

Снова вас собрал в одном строю
Полк Бессмертный, победивший лихо.
Лес. Весна. Наш отчий дом... В раю
Так бывает радостно и тихо.

Заходите! Стол накрыт. Споём!
Помним ваши песни фронтовые!
Папа, мама! Вы всегда вдвоём.
Рядом с нами.

И всегда живые!

9. В прощёное воскресенье

Простите! Если словом или делом
По легкомыслию,
по глупости или в спешке,
Я неуклюже вашу боль задела...
Простите за молчание, усмешки.
За недосказанность

в любви и в дружбе.
И за забывчивость, и за забвенье,
За ожиданье блага в услуженье...
Прости и ты, немое вдохновенье,
Когда в московских пробках
отмахнулась.

Простите за рассеянность в беседах,
За то, что я в ответ не улыбнулась,
Не часто навещала домоседов...
Простите!

Вас – я с лёгкостью прощаю!
Сегодня – день прощения обид.
Как щедро солнце светом угощает!
Пусть Бог нас всех,
по милости, простит!

10. Илья-Пророк

Илья-Пророк намёком дал понять,
Что осень наготове нас обнять.
Стоит ещё горячий летний день,
Но вот уже чуть-чуть длиннее тень,

И рожь подёрнута сусальной позолотой.
Грибная начинается охота.
А утро дышит в шею сентябрём.
И вдоль дороги жёлтым фонарём
Ещё качает пижма рядом с «кашкой».
По стеблю одуванчика букашка
Ползёт лениво, разомлев под солнцем.
В лесу за ставнями прозрачные оконца,
Но кое-где – оттенок янтаря,
Как знак о разноцветье сентября.
И островки надежды – васильки
Глазами синими пьют воду у реки.
В воде прохлады появилась в срок:
Реки коснулся сам Илья-Пророк.

11. Небо

Небо! Небо! Дай ответ!
Сколько зим и сколько лет
На измученной планете
Как мишени будут дети?

Подскажи нам всем молитвы
От кровавой вечной битвы!
Будут матери не спать,
По Земле – по всей! – читать.

Небо! Слышишь ты набат?
Так отчаянно стучат
Материнские сердца.
Просят мира, войн конца!

12. Забытые храмы

Ушедшей эпохи забытые храмы...
Забиты, заброшены русские храмы.
Остова куполов... Безголосо и больно
Стоят без крестов, глядя ввысь, колокольни.
Здесь были крестины, венчанья, обеты.
Звучали в молитвах Христовы заветы.
Спешили на службы, на исповедь шли.
И ладана дух источали угли
В кадилах на звонких блестящих цепях.
Всё было... А ныне развеянный прах –
Судьба деревенского старого храма.
Столетье прошло. Позабитая драма...
Но помнят о святости солнце и небо!
Под куполом храма – как к Господу Треба –
Деревья растут. Светят ночью им звёзды.
И каждой весной птицы выют свои гнёзда.

АЛЕКСАНДР ИЛЬИН

г. Краснодар

Александр Николаевич Ильин родился в Великом Новгороде, окончил биолого-почвенный факультет Ленинградского государственного университета, стал кандидатом биологических наук, но очень скоро проявился его литературный талант.

С 1993 года писатель живёт в Краснодаре. Пишет и для взрослых, и для детей. Александр Николаевич – автор сборников рассказов «Неучтённый вариант», «Осколки времени», «А вот у меня случай был», «Сказки про Ляпа и Симу» и многих других произведений.

НИКОГДА НЕ ГОВОРИ «НИКОГДА»

Рассказ

У каждого бывали в жизни моменты, когда, оценивая ситуацию, человека, ту или иную перспективу, мы приходили к быстрым, однозначным и окончательным выводам: «нет, я никогда этого не сделаю, мне это никогда не подойдёт, я это никогда не полюблю...». Но проходило какое-то время, что-то менялось в жизни, и вот уже категорическое отрицание оборачивалось неуверенным «а почему бы и нет?». Бывают случаи, когда, волею судеб, это «никогда» превращается в «навсегда», в «на всю оставшуюся жизнь!». И это не редкость. В подтверждение могу привести примеры из собственного опыта.

Выбор профессии

То, что я буду учиться в Ленинградском государственном университете, нынешнем СПбГУ, я знал класса с пятого. И поступать туда собирался с единственной целью – изучать жизнь хищников. Я в них, благодаря телепередачам «В мире животных» и «Клуб кинопутешественников», влюбился. А значит, была мне прямая дорога на кафедру «Зоологии позвоночных» ЛГУ.

Мечты сбываются. Окончил школу, с первого раза поступил в университет. Приступил к учёбе. Учили нас основательно. На первом курсе: зоология беспозвоночных, ботаника низших, эмбриология, генетика... Это не считая математики, физики, химии, истории КПСС и основ атеизма. А учителя!.. Юрий Полянский, Борис Токин, Алексей Заварзин, Сергей Инге-Вечтомов...

Кроме основных занятий, я исправно посещал вожделенную кафедру «Зоологии позвоночных», где постигал основы таксидермии, любовался экспонатами богатого кафедрального музея, общался с преподавателями и студентами старших курсов. И постепенно начала вырисовываться забавная картина. Оказалось, между фильмами и сюжетами о животных, и тем, чем по большей части заняты профессиональные зоологи – дистанция огромного размера. Короче говоря, начали у меня появляться некоторые сомнения относительно будущей профессии. Пусть впереди почти пять лет учёбы, но ведь потом на работу надо устраиваться и сталкиваться с прозой жизни: где работать? Кем работать? А зарплата? А жильё? Ну, и так далее. А ещё быстро выяснилось, что большую часть информации о хищниках учёные получают, исследуя их помёт (по-простому – какашки зверей), либо погадки птиц – спрессованные, непереваренные остатки пищи, которые те, пардон, регулярно отрыгивают.

И стал у меня интерес к этой теме мало-помалу затихать. А тут ещё лекции по эмбриологии! Читал их заведующий кафедрой Борис Петрович Токин – человек, сделавший многое для отечественной науки. Одно открытие фитонцидов растений чего стоит. Его лекции было безумно интересно слушать, но совершенно невозможно записывать... И вот, в ходе очередной лекции, Папа Токин, как любя называли между собой профессора студенты, поведал нам в числе прочего о митогенетических лучах Гурвича. Также он сообщил, что в круг интересов вверенной ему кафедры входят исследования в области слабых биологических полей, наличие которых предстоит доказать или опровергнуть. И если кто-то из универсантов – Борис Петрович ценил это звание выше общепринятого «студент» – проявит к данной теме интерес, он будет рад принять такого в свой коллектив.

Учитывая мой тогдашний интерес к научной фантастике (а здесь и биологические лучи, и таинственные поля...), я моментально проявил интерес, о чём не замедлил сообщить Папе Токину. Следующие три месяца я прожил в статусе будущего студента кафедры эмбриологии. Почему только три? Ощувив себя накрепко связавшим свою жизнь с этим направлением науки, я стал задумываться, не упускаю ли перспективу? Эмбриология – наука устоявшаяся и даже немного консервативная, думал я. А «лучи» и «поля» сегодня входят в круг интересов кафедры, но кто знает, не выпадут ли они из него завтра?

На тот момент бурными темпами начала развиваться молекулярная генетика. И вот, мысленно я уже начинающий генетик. Прибился к кафедре. Пару раз мыл там лабораторную посуду, вдыхая ароматы питательных сред и отгоняя назойливых мушек дрозофил. Довольно быстро я осознал, что не хочу связывать свою жизнь с этими крылатыми наборами генов.

Потом настала очередь кафедры микробиологии. Там планировали начать работу по теме воздействия радиоволн на микроорганизмы. Перебрался туда. Научился работать в стерильных условиях шкафов-ламинаров, готовить питательные среды для бактерий, крутить ватно-марлевые пробки для пробирок... Но и здесь за всем этим стояло постоянное мытьё лабораторной посуды. Девиз микробиологов: «"Микроба" – она тварь нежная, она чистоту любит!» я усвоил навсегда, но окончательно пришёл к выводу, что не связываю своё будущее с разглядыванием дна колб и пробирок. Так что после летней практики, проведённой на Белом море, я твёрдо решил стать гидробиологом. Была у нас на факультете кафедра гидробиологии, сокращённо – КГБ. Имелась, правда, и «конкурирующая фирма» в лице кафедры геоботаники – тоже ведь КГБ... Целый месяц я числил себя исследователем морских обитателей и был очень рад, что наконец-то определился с выбором специальности. Но через месяц мои приятели-третьекурсники поведали, чем они у себя на кафедре биофизики занимаются. Это был шок! Оказывается, у них уже было оборудование, которое позволяло фиксировать и делать снимки ауры листьев растений! А ещё они могли дистанционно снимать показания пульса человека, уровень давления и чуть ли не его кардиограмму. Опять поля! И мои радары уверенно развернулись в сторону кафедры биофизики.

На нашем биолого-почвенном факультете было три отделения: биологии, физиологии и, соответственно, почвоведения и агрохимии. Мои бесконечные метания в поисках себя ограничивались рамками первых двух. Что касается третьего направления, здесь всё было ясно. Я был абсолютно уверен, что ни почвоведом, ни агрохимиком я никогда не стану. Даже мысли такой не возникало. Почва, гумус, удобрения... Это уже где-то совсем на границе с сельским хозяйством. А это точно не моё!

К третьему курсу мы все должны были окончательно определиться со специализацией, так что время поджимало. И вот однажды девчонки из деканата попросили передать какие-то бумаги на кафедру физиологии и биохимии растений (сокращённо, по-нашему, по-факультетски – ФБР). Я согласился помочь. Пока искал нужного человека, мельком рассмотрел кафедру изнутри. И она мне жутко не понравилась.

В первую очередь – запах. Там пахло какой-то химией, что не удивительно: кафедра-то не только физиологии, но и биохимии. Из сушильного шкафа тянуло не то сеном, не то вялеными корнями.

Девы в белых халатах носили металлические лотки, покрытые белёсой щетиной проростков кукурузы.

Кто-то взвешивал пучки сохлой травы...

Тоска!!!

«Нет! – сказал я себе, – вот уж где-где, а здесь я никогда учиться не смогу!».

Передав бумаги по назначению, я покинул кафедру и с облегчением вышел на свежий воздух галереи здания двенадцати коллегий.

По окончании второго курса, к концу летних каникул, я написал четыре главы повести (естественно, научно-фантастической) о муравьях и серьёзно подумывал о бесповоротном выборе в пользу кафедры энтомологии.

А потом была лекция по физиологии и биохимии растений, которую нам читал профессор, «главный ФБРовец», Всеволод Владимирович Полевой. Среди проблем, к решению которых, на его взгляд, биологическая наука должна была немедленно приступить, он выделил проблему искусственного фотосинтеза. Порадовал нас информацией, что первые шаги в этом направлении делаются, и что в Институте Фотосинтеза, что в академгородке Пущино-на-Оке, уже создаются первые модельные системы.

Мой внутренний мир перевернулся. Вот! Вот чем я должен заниматься! Это будущее науки, и это будущее человечества. После окончания лекции я подошёл к Полевому и с полной уверенностью заявил, что готов взяться за решение этой фундаментальной задачи. Но! Есть проблема: кафедра ФБР относится к отделению физиологии, а я, «будучи энтомологом», уже приписан к биологическому. Видимо, мой напор и неподдельный энтузиазм произвели на заведующего кафедрой должное впечатление. Вопрос с переводом был улажен в считанные дни.

Так я оказался на кафедре, на которой, как ещё совсем недавно был готов поклясться, учиться никогда не смогу!

Эта история имела продолжение, явившееся ещё одним доказательством справедливости утверждения «никогда не говори "никогда"».

С молодецким задором и необузданным энтузиазмом я бросился на поиск подходов к решению проблемы «искусственного фотосинтеза». Я выискивал статьи в советских и доступных иностранных журналах, штудировал книги о фотосинтезе, биоэнергетике и фотохимии. На зимних и летних каникулах, когда все нормальные люди отдыхали, я проводил время в Пушино-на-Оке, где практиковался в лаборатории модельных систем института Фотосинтеза. Так прошло два года. Всё это время я находился, что называется, в свободном поиске. То, чем я занимался, не вписывалось ни в одну из тем кафедр. Кафедральный народ с интересом наблюдал за научной авантюрой, в которую я из любви к фантастике ввязался. Фантастических успехов никто от меня не ждал, скорее, ожидали фантастического фиаско. В их числе и любимый шеф – профессор Полевой.

К концу четвёртого курса надо было определяться с темой дипломной работы. Да и распределение было уже не за горами, и вопрос из детского стишка «... где работать мне тогда, чем заниматься?» вставал в полный рост.

За два года поисков я пришёл к определённым умозаключениям. Я понял, что в ближайшие годы и даже десятилетия системы на основе растительных пигментов вроде хлорофилла и каротиноидов не составят конкуренции солнечным батареям ввиду своей малой технологичности и нестабильности. Копировать, а тем более пытаться улучшать биохимические процессы, на создание которых у природы ушли миллионы лет – это было по меньшей мере самонадеянно. И, если уж подходить к решению задачи по усвоению солнечной энергии с помощью разного рода пигментов, то идти надо не со стороны биологии, а со стороны науки фотохимии. При обсуждении темы диплома я поделился этими соображениями со своим научным руководителем. Профессор Полевой внимательно меня выслушал, но от прямого ответа на вопрос «что делать?» ушёл, сообщив лишь, что «отрицательный результат в науке – тоже результат...».

И тогда я понял, что выплывать мне придётся самому.

Решил посоветоваться со своим университетским другом Колей Стороженко. Он часто давал мне очень дельные советы. Колька учился на три курса старше, на кафедре агрохимии. На тот момент он уже университет закончил и работал в московском институте ЦИНАО. ЦИНАО – это Центральный научно-исследовательский институт агрохимического обслуживания сельского хозяйства. Николай возглавлял там территориальный отдел в Калужской области.

Позвонил. Описал ситуацию. Стороженко быстро уловил суть проблемы и сказал:

– Так, молодой, бросай это наукоблудие, иначе пролетишь, как фанера над Парижем. У вас там на кафедре, как я помню, минеральным питанием растений занимаются.

– Да, – коротко подтвердил я.

– Короче, приглашение на преддипломную практику институт тебе пришлёт. Тема... Тема будет звучать примерно так... – Николай на миг задумался и объявил: – «Влияние рельефа полей на минеральное питание посевов ячменя». У меня в отделе данных, что там твой диплом – на пять кандидатских хватит!

Я невольно хмыкнул:

– Опять поля!

– Ладно, студент, не выпендривайся. Если надо, тему мы с тобой подредактируем.

На кафедре мой крутой разворот восприняли с пониманием и даже с некоторым облегчением. Правда, у некоторых осадочек остался. Ведь где фундаментальная университетская наука, а где посевы ячменя...

И я поехал в Калужскую область, и написал диплом, и защитился. Вы помните, что в процессе своих метаний по кафедрам и отделениям нашего факультета единственным, где я не отметился, было отделение почвоведения и агрохимии. После окончания университета я распределился на Калужскую станцию химизации сельского хозяйства. Угадайте, на какую должность. Я работал там старшим инженером-агрохимиком! И успешно руководил группой полевых опытов. А всё потому, что в Ленинградском университете нас в первую очередь учили учиться. И учили хорошо.

А что касается моего романа с «искусственным фотосинтезом», который оказался романом-утопией... Знаете, я благодарен судьбе, и Всеволоду Владимировичу Полевому в частности, за ту его первую лекцию, где он поймал меня на крючок «технологий будущего». Иначе я бы никогда не учился на кафедре ФБР биолого-почвенного факультета ЛГУ, а моя жизнь сложилась бы по-другому. Ведь я вовсе не собирался связывать её с сельским хозяйством, а вот поди ж ты, занимаюсь им уже сорок пять лет, причём, с большим удовольствием...

Вторая половинка

Первого октября одна тысяча девятьсот восьмидесятого года я получил трудовую книжку. Первая запись в ней гласила: «Принят на должность старшего инженера-агрохимика», что и было заверено печатью Калужской областной станции химизации сельского хозяйства.

Жалование мне положили сто шестьдесят пять рублей в месяц, о чём в те времена большинство выпускников университета могло только мечтать. А если к этому добавить «полевые» в размере девятности рублей, которые мы получали в течение сезона, длившегося шесть месяцев в году... В общем, финансово я был обеспечен, а по работе ещё и относительно независим: руководство сидело в Калуге, а моя группа полевых опытов – на полста вёрст ближе к Москве, в посёлке Детчино, он же станция Суходрев. Так что я легко мог позволить себе пару раз в месяц мотаться в Питер на выходные. Уезжал в пятницу вечером, возвращался во вторник утром. Почему не в понедельник? По понедельникам два раза в месяц в старом здании Ленинградского дома писателей Борис Натанович Стругацкий вёл семинар, в котором я имел честь участвовать с третьего курса. Ну и, конечно же, друзья-приятели с младших курсов, с кем было приятно встретиться и у кого можно было заночевать в общежитии.

Кто в общежитии жил, знает, что вечера там частенько заканчивались посиделками с чаепитием (праздники не в счёт). Компании ребят и девчонок собирались у кого-то в комнате пообщаться, похохмить и просто отключиться от «трудностей» студенческой жизни.

Мои друзья биологи и почвоведы дружили с девушками с факультета журналистики. Я и сам на пятом курсе жил в том же общежитии и многих ребят с журфака знал: целый год вместе в футбол по субботам играли. Ну, и девчонки знакомые тоже были. В один из моих заездов в Ленинград попал я на такую «чайную вечерю». Сидим, пьём чай, хи-хи, ха-ха... Я, вернувшись в родную атмосферу общаги, отдыхаю душой, участвую в разговоре, а сам сижу и мысленно прикидываю: «Двадцать три года уже. Пора бы и о женитьбе подумать. В студенчестве вопрос не возникал, на работе нынешней всё не то или, скорее, не те... где жену искать? А главное – как?

«Где? " да "Как? " – оборвал я себя, – да прямо здесь и сейчас! Ну, хотя бы попробуй!». И я начал отбор «кандидатов», точнее – «кандидаток». Отбор не прошёл никто. Дольше всех я смотрел на Людю Константинову. Мы были немного знакомы с тех пор, когда я ещё учился на пятом курсе. Вращались мы в разных компаниях, общались на уровне «привет-привет...», но я, как потом выяснилось, вызывал у неё личную антипатию.

И вот, смотрю я на Людмилу и думаю: «Симпатичная? Да. Весёлая? Да. Но! Вот на ней бы я точно никогда не женился...». Подумал и забыл. Уехал обратно в свою калужскую ссылку.

Где-то через месяц-полтора я опять был в Питере. У студентов напряжённое время – зимняя сессия, но чаепития никто не отменял. У меня дежавю: сидим в той же комнате, практически тем же составом, и пьём чай. Я свой стакан выпил быстро, но добавки попросить не то, чтобы постеснялся... «Пусть, – думаю, – кто-нибудь попросит, а я поддержу».

Тут стук в дверь. Девчонки кричат:

– Да-да! Кто там? Входите.

Заходит Алик Деревянко – губастый, носатый парень, их однокурсник.

– О, Алик! Садись. Давай чаю с нами!

– Да нет, девчонки, экзамен завтра. Так что спасибо, но в другой раз. Мне бы конспекты хоть на часок...

Кто-то из девчат отвечает:

– Конспекты дадим, но сначала чай! Мы сегодня всем, кто заходит, чаю наливаем.

Ну, я решил немного «приколоться» и говорю:

– А можно я в коридор выйду и снова зайду?

Хотя смысл шутки лежал на поверхности, все присутствующие посмотрели на меня с недоумением. И только Людя Константинова засмеялась, сказала: «Ой, извини!» и налила мне полный стакан чая. Я посмотрел на неё другими глазами. Широко открытыми! А в голове мысль: «Она меня понимает!». Кто-то усмехнулся, кто-то пожал плечами. А для меня это было, как, знаете, после длительных поисков, сквозь шум и треск радиоэфира наткнуться наконец на волну чёткого, чистого звука!

Людмила мне потом призналась, что в тот момент я даже в лице изменился. Она ещё подумала: «что это он на меня так смотрит?». А я частенько потом говорил, что нас стакан чая поженил. Во всяком случае, сильно к этому подтолкнул.

Так или иначе, в тот раз я уезжал из Питера немного другим человеком. Пока добрался до своего Детчино, не один раз вспоминал фразу из фильма «Доживём до понедельника»: «Счастье – это когда тебя понимают!». Именно тогда моя холостяцкая жизнь дала сильную трещину. Во всяком случае, мысли о женитьбе стали посещать меня регулярно.

Всё решилось в мой следующий приезд в Ленинград.

В каждом общежитии всегда проживало некоторое количество семейных пар. Наше не было исключением. А раз были семьи, значит, были и дети. С учётом большого количества студентов и аспирантов из других стран, детишки случались разные. Была среди них настоящая звезда по имени Лала. Её родители приехали к нам на учёбу откуда-то из Африки. Года полтора-два от роду, эта очаровательная негрятяночка пленяла всех, кто её видел. Как, впрочем, и другие общежитские малыши, Лала частенько кочевала по комнатам и этажам в заботливых руках женской части общежития номер одиннадцать.

Так совпало, что я был в комнате (уже вполне целенаправленно, чтобы видеть Люду), когда туда попутным ветром занесло Лалу. Кто-то из сокурсниц принёс её, заглянув то ли по делу, то ли повеселить подружек.

Все девчата по очереди брали чёрненькую очаровашку на руки, мысленно представляя себя кто в роли будущей мамы, кто в роли этакой мадонны с ребёнком. И вот, когда очередь дошла до Людмилы, и она взяла на ручки негритянскую девочку, меня окончательно накрыло. Они так органично смотрелись вместе, что хоть картину «Мать и дитя» с них пиши. «Всё ясно! – воскликнул я про себя, – Желю! Лучшую маму для детей найти невозможно!».

Нет, я не бросился к Людмиле с немедленным предложением руки и сердца. Вряд ли из этого в тот момент что-нибудь бы получилось. Я коварно затаился и отложил признание до более подходящей ситуации.

А потом были мои письма, которые, как потом она сама призналась, сыграли большую роль в перемене её взглядов на вашего покорного слугу. И в августе восемьдесят первого года Люда приехала ко мне в Детчино. Мы встретились двадцать девятого числа, а через три дня решили пожениться! Нам показалось, что мы уже сто лет знаем друг друга. А раз так, чего тянуть-то? И это было правильно, и это было мудро.

Когда Людушка-голубушка улетела в Нальчик морально готовить родителей к переменам в её и их жизни, я поехал к своим в Новгород. Первой сказал о своём решении сестре Галке. Она спросила:

– Так, а какая она, расскажи...

– Умная, – ответил я одним словом.

И оказался прав. И продолжаю убеждаться в этом уже сорок с лишним лет!

Вот. А начиналась-то эта история с чего?

– Да я! Да никогда! Ну, вы помните...

Любимый город

Первый раз я побывал в Краснодаре с кратким визитом ещё в прошлом веке: году этак в восемьдесят третьем. Собственно, даже не в самом городе, а в его аэропорту.

Были в СССР такие экзотические по нынешним временам рейсы как Нальчик – Новгород. Пусть не прямые, с одной-двумя посадками, но были. Ну вот, благодаря дозаправке самолёта, я в Краснодар и залетел. Из самолёта вышел, прошагал по кубанской земле пару сотен метров, чтобы войти в здание аэровокзала через парадный вход. В ожидании посадки на свой рейс проследовал в местное кафе и сам дозаправился ста граммами коньяка, после чего благополучно продолжил полёт в пункт назначения. Так что впечатлений о самом Краснодаре составить тогда не смог.

Второй раз я въехал в стольный град Кубани на автобусе «Икарус», следовавшем по маршруту Нальчик – Анапа. И было это в одна тысяча девятьсот восемьдесят восьмом году. Мы ехали «на море». В посёлке Гай-Кодзор, что под Анапой, у Людмилы живёт двоюродная сестра. Вот туда мы и направлялись все вчетвером. Нашей Катюше было шесть, Саньке – три годика. Дорога тогда занимала ни много ни мало тринадцать часов. Хорошо, что рейс был ночной, и немалый кусок пути дети просто проспали.

В Краснодар мы въезжали рано – часов в пять утра. Август. Где-то у горизонта уже вставало солнце, но за домами улицы имени Карла Либкнехта (теперь Ставропольская), его ещё не было видно. Параллельным курсом по рельсам стучал трамвай технического обслуживания. Ветер гнал пыль, обрывки бумаг и какие-то мятые пакеты. Наш «Икарус» временами взрыкивал и портил воздух чёрным выхлопом. В общем, картина «Краснодар на рассвете» выглядела серо и уныло. То ли от этого, то ли от недосыпа моё настроение было «на нуле», я выдал своё очередное «никогда». «Нет, – решил я, – жить в таком городе? Да ни в жизнь...».

И что вы думаете? С девяносто второго года я стал регулярно приезжать в Краснодар по делам. А в девяносто третьем меня и вовсе перевели сюда по работе.

И вот я живу в Краснодаре уже дольше, чем прожил в других городах и странах, куда меня забрасывала судьба: считай, больше половины своей сознательной жизни. И хочу публично объясниться в любви к ставшему родным городу. За эти годы он заметно похорошел и во многих отношениях помолодел, я постарел, но, смею надеяться, стал чуточку мудрее.

А ведь тоже начиналось с чего? «Да я, да в этом городе, да никогда!».

И знаете, что я вам скажу, ребята? Как же всё-таки бывает здорово ошибиться в своих первых впечатлениях! Особенно в случаях, когда по стечению обстоятельств или по воле Всевышнего ты вовремя исправляешь ошибку, и это дарит тебе счастье на всю оставшуюся жизнь!

ЕЛЕНА ЛУКАНКИНА

г. Санкт-Петербург

Елена Луканкина – начинающий прозаик из Санкт-Петербурга. Участвовала в двух сборниках на базе издательства «Ridero». Её рассказы также были опубликованы в газете «Завалинка».

«Я пишу о простых людях, о добре и любви, о многогранности жизни и ценности каждого её момента», – признаётся автор. Елена мечтает, чтобы её рассказы тронули душу читателя, вызвали добрую улыбку и светлые воспоминания.

УЛЫБКА КЛОУНА

Рассказ

В большом светлом холле больницы со сверкающими окнами и стоящими на подоконнике тёмно-зелёными, словно пластиковыми, фикусами, слышен звонкий смех и радостные детские голоса. Двое мужчин в ярких клоунских костюмах устанавливают небольшую сцену у стены и украшают её атрибутами праздника. Тот, что пониже и покрепче, с живыми карими глазами и ямочками на щеках, деловито разматывает гирлянду и развешивает блестящие воздушные шарiki; второй – высокий, в рыжем парике, с внимательным взглядом больших серых глаз, тонкими, артистичными пальцами поправляет микрофон, убирает длинные извивающиеся провода и прячет под яркой накидкой ящик с реквизитом. Они негромко переговариваются между собой и кажутся диковинными героями чудесной сказки среди стерильной чистоты и ледяного холода белоснежных стен. Несколько минут, и всё готово к представлению.

Как грибы после дождя, ребята высыпали перед импровизированным подиумом со своими стульчиками. Они сидят, покачиваясь от нетерпения и любопытства.

– Здравствуй, Бим!

– Привет, Бом!

– А что ты нам сегодня поведаешь?

– А вот что!

Детские широко открытые ясные глазёнки следят за каждым жестом, боясь пропустить момент волшебства. Серые, почти прозрачные личики в один миг расцветают счастливыми, чистыми улыбками.

Кудрявый парик чуть съехал с головы высокого клоуна и открыл прядь седых волос. Ловким, едва заметным движением он возвращает его на место. Делает ещё один взмах рукой.

И – хоп! Перед сидящей напротив девочкой появляется роза. Маленькая, хрупкая и нежная, как сама малышка.

– Это мне?

– Тебе!

Тонкая ручка осторожно берёт невесомый цветок, который заботливо обвязан атласной лентой.

– Спасибо!

– Убери её, а то нам опять попадёт, – одними губами шепчет клоун и с трепетом целует коротко стриженую макушку. Девчушка прикрывает ладошками драгоценный подарок и радостно бежит к себе в палату. Мужчина провожает взглядом худенькую фигурку в старой линялой пижаме и прячет за

блестевшие глаза в отливающих медью завитках. Он оборачивается к остальным детям и, как ни в чём ни бывало, продолжает начатую историю:

– Ну-ка, кто догадается, что дальше было?

Весёлый гомон постепенно стихает. Холл пустеет. Только медицинские сёстры хлопочут за стойкой, подготавливая всё для вечерних процедур. В небольшой комнате, где пахнет свежим бельём и лекарствами, ярким чужеродным пятном лежат аккуратно сложенные костюмы. Вместе с ними скинуты и весёлые маски. Мужчины тщательно снимают грим с усталых лиц. Теперь, без слоя белил, видно, что у Бориса острые, словно вырезанные из камня скулы и горькая складка у рта, а у его коренастого напарника воспалённые от жары и духоты глаза и по-детски оттопыренные уши.

– Боря, ну что? Опять?

– Что опять?

– Роза! Ты будешь каждый раз дарить?

– Буду! Ты же знаешь, что больше некому. Да и сколько ей осталось-то...

Оба замолкают, слышно только, как тихонько шуршат салфетки и захлопываются крышечки с краской.

– Ты на машине? – нарушает тишину Борис.

– Да. Подбросить домой?

– Хорошо бы.

Полчаса пути по вечернему городу кажутся вырванными из другой жизни. Негромкая музыка, тонкий аромат лаванды и яблока так контрастируют с запахом лекарств и многоголосым шумом больницы, где смешались смех и слёзы. И даже тишина давит, заставляя чаще биться сердце.

Машина останавливается у большого дома, почти скрытого от глаз в зелени деревьев.

– Боря, приехали!

– Вижу.

– Твоя-то где? Что-то темно у вас.

Мужчина грустно отмахивается и, не глядя в окно, коротко бросает:

– Дома. Покурим?

– Нет. Прости. Меня уже заждались. Бывай!

– Бывай!

Хлопает дверь, машина трогается и через мгновение скрывается за поворотом.

Нервными пальцами Борис достаёт сигарету и закуривает. Вспыхнувший огонёк освещает ещё молодое, но осунувшееся лицо. Долгий немигающий взгляд устремлён куда-то вдаль. Он стоит, как натянутая струна, и не решается сделать шаг в сгущающуюся темноту.

Где-то совсем рядом заливается невидимая птица. Белоствольная берёзка низко склоняет кудрявые ветви и шелестит молодой листвой. С тёмного неба, изрезанного золотыми лучами заката, стремительно падает звезда. Недокуренная сигарета летит в сторону. Она брызжет на прощанье фейерверком маленьких искр и исчезает во тьме. Мужчина закрывает глаза, что-то шепчет сам себе и решительно шагает в чёрное нутро дома.

Несколько пролётов вверх по лестнице и Борис перед своей дверью. Он замирает на мгновение. Глубоко вдохнув, поворачивает ключ в замке и делает быстрый шаг вперёд.

– Рита! Я пришёл!

В квартире темно и тихо. Только часы мерно тикают, да пробивается сквозь лёгкие шторы лунный свет.

– Рита!

Мужчина бросает куртку на комод в прихожей и торопится в комнату. Там на диване, обхватив колени руками, сидит женщина. Тонкая, хрупкая, с небрежно рассыпавшимися по опущенным плечам густыми каштановыми локонами, в неверном лунном свете она кажется сотканной из сумрака, заполнившего всё пространство вокруг.

– Ты снова ничего не ела?

– Я не хочу.

Борис включает лампу с большим абажуром цвета молочной карамели и блестящими шёлковыми кистями. Мягкий тёплый свет разливается по комнате и выгоняет густую полутьму из углов. Мужчина

садится рядом и бережно укрывает пушистой шалью дрожащие плечи женщины. Она вздрагивает и отодвигается.

– Да ты продрогла совсем. Пойдём хоть чаю попьём.

Женщина съёживается ещё больше и чуть слышно роняет:

– Как ты можешь...

– Что?

– Как ты можешь там бывать. После всего.

Отрывистые, резкие слова летят, словно камни с горы, и с глухим стуком падают в тишину комнаты.

– Рита, это же дети. И они ни в чём не виноваты.

Его взгляд устремлён в одну точку. Туда же, куда, не отрываясь, смотрит женщина. На фотографию улыбающейся девочки в нарядном платьице. На едва мерцающую лампадку и чёрную ленту на сусальной позолоте рамочки. В тёмных глазах жены застыло не просто обжигающее горе, а холодное и глухое, беспросветное отчаяние. Не в силах выдержать этот взгляд, Борис отворачивается, быстрым движением руки смахивает набежавшую слезу и со щемящей болью повторяет:

– Это такие же дети...

Он пожимает ледяные пальцы жены и стремительно выходит из комнаты.

Вскоре с кухни доносится шум закипающего чайника, лёгкий хлопок дверцы холодильника и звон посуды. По квартире разносится аромат поджаренного хлеба. Борис возвращается, оставляет на столике поднос с румяными тостами и душистым чаем.

– Поешь! Надо, родная.

Он аккуратно прикрывает за собой дверь и скрывается в соседней комнате.

Без сил опускается в мягкие уютные объятия дивана, точно в детскую колыбель. Прячет лицо в ярких разноцветных подушках, которые ещё хранят запахи беззаботного счастья. Забирается с головой под плед, сворачивается в клубок и закрывает глаза.

Сквозь полудрёму слышит, как на кухне ходит жена. Позвякивают тарелки, бежит вода, поскрипывают дверцы шкафчиков. Такие знакомые, родные звуки успокаивают и убаюкивают. Борис устраивается поудобнее и незаметно погружается в сон.

– Ты спишь? – женская рука мягко касается плеча и поправляет сползший плед.

Мужчина ловит пальцы любимой и прижимает к губам мягкую ладошку.

– Уже нет.

Он притягивает жену к себе. Нежно обнимает, боясь спугнуть силой и настойчивостью. Зарывается лицом в волосы и шепчет слова любви и утешения.

Осторожно, чтобы не обидеть, женщина высвобождается из сладкого плена.

– Я за тобой пришла. Пойдём ужинать. Я картошку пожарила, как ты любишь.

– Пойдём. Обожаю твою картошку!

Вместе они идут на кухню. Рита останавливается в дверях прихожей. Берёт сумку, насквозь пропахшую больницей. Достает и надевает рыжий парик.

– Знаешь, нашей девочке понравился бы такой клоун.

Она кокетливо тянет длинные кудряшки, которые прыгают, как весёлые пружинки. В этот миг в ней просыпается что-то от прежней Риты, озорной, весёлой и открытой женщины, чей звонкий смех разливался по всей квартире. Она ловит своё отражение в зеркале. По лицу пробегает тёплая, почти забытая искра. Рита бережно расправляет спутанные пряди.

– Я возьму его у тебя ненадолго. Надо привести в порядок. А то дети скоро пугаться начнут.

ИГОРЬ ЯСИНСКИЙ

г. Краснодар

Ясинский Игорь Эдуардович родился 7 августа 1954 года в Краснодаре. В 1971 году окончил СШ № 34. С 1972 года – грузчик мясокомбината. После окончания срочной службы в армии в 1974 году прошёл курсы офицеров запаса.

Окончил рабфак, затем была учёба в Кубанском сельскохозяйственном институте, после окончания которого с 1980 года занимался научно-преподавательской деятельностью на факультете защиты растений. Далее – инженер, затем младший научный сотрудник и научный сотрудник Краснодарского филиала ГосНИИ Гражданской авиации. В дальнейшем – главный агроном госпредприятия «Аверс», заместитель директора по науке в агрофирме «Гумус». В настоящее время фермер.

В декабре 2001 года был участником совещания молодых писателей России в Москве, где был принят в члены Союза Российских писателей.

Публиковался в различных краевых и городских газетах. Изданы повести «Тугая петля», «Найти отца своего», «Связующее звено» и многочисленные рассказы.

БРОСКУ В КОСМОС – 65 ЛЕТ!

Очерк

Чем запомнится потомкам недавно закончившийся XX век? Явно – мощным, обширным и всеохватным научно-техническим прогрессом, двумя мировыми войнами, да ещё и с ядерной начинкой последней. Проникновением в тайны атома и клетки, созданием Теории Относительности. А ещё осознанием бесконечности Вселенной и возникновением вопроса, одни ли мы в этой самой Вселенной – в середине 50-х годов XX века именно мировая фантастика несомненно и однозначно находилась на пике бешеной популярности. Но было ещё кое-что.

В СССР на тот момент сформировалась сильная когорта не фантастов, а учёных-реалистов во главе с академиком Королёвым, которые по заветам Циолковского стремились в космос конкретно и целенаправленно. Именно поэтому запуск первого в мире космического спутника Земли у нас и произошёл в 1957 году. Чуть позже была произведена фотосъёмка, ни много ни мало (! обратной стороны нашей такой родной и знакомой, особенно касательно влюблённых, старушки Луны.

Дела стремительно разворачивались. И, как будто некий победный салют, рванула по стране информация о блистательном полёте двух наших братьев меньших, а если точнее, то «сестричек», среднерослых и вроде ничем не примечательных Белки и Стрелки. Как вся страна, взрослые и мы, на тот момент детвора сопливая, которая ещё и в школу не пошла, радовались успеху наших четвероногих соратников! Радио только о них и говорило, портреты собачек красовались практически во всех газетах и мелькали в киножурналах перед просмотрами фильмов в кинотеатрах. Весомой популярностью среди пацанвы пользовались облатки от сигаретной пачки «Лайка», где красовалась эта самая Лайка тоже после полёта в космос. Такую запасную картинку, что принёс дядя Миша – офицер, попавший под массовое «хрущёвское» сокращение, шестилетнему автору данного материала довелось обменять, ни много ни мало, на рыболовный крючок! А вся наша страна в те дни будто замерла, ожидая вскорости чего-то явно грандиозного. И – да! Воплотилось!

Это правда, что порой моменты, запечатлённые в самом раннем детстве, остаются с человеком яркими и так же волнующими на всю жизнь. Итак, апрель 1961 года, среднеобразовательная школа № 48, что напротив скверика, где позже был установлен памятник Екатерине Великой. День солнечный, настроение хорошее, ибо мы, первоклашки, уже наученные маленько читать, писать и считать, прекрасно знали, что скоро наступят летние каникулы, и в школу не надо будет вообще ходить целых три месяца! Это ж почти вечность! А пока наша классная руководительница Клавдия Петровна Ильенко вела очередной урок, как бы не второй или даже третий. Потом она, ничего не говоря, вышла из класса, впрочем, быстро вернулась, что-то с собой принесла и включила. Как выяснилось, это был компактный радиоприёмник. Мы это осознали, когда классручка, которую мы искренне любили, но за строгость и побаивались, доходчиво призвала нас к тишине. И послышался, как позже тоже выяснилось, голос самого Левитана.

... В дальнейшем мне не раз доводилось слышать эту передачу, где наш всесоюзный диктор, который так же чётко и размеренно, будто в мае 1945-го, явно официально, но в то же время твёрдо и торжественно, озвучил через все радиостанции страны, что в настоящий момент, 12 апреля 1961 года, совершает космический полёт гражданин Союза Советских Социалистических Республик, старший лейтенант Юрий Алексеевич Гагарин. Полёт проходит успешно. (Вообще-то, на тот момент полёт как раз уже успешно завершился).

Может, кто не поверит, но мы, детвора неоперённая, вдруг сразу, всем классом, и – не дам себе соврать – единым коллективом мгновенно *всё* поняли. Не договариваясь, мы, как один, повыпрыгивали с мест и дружно закричали. Да во весь голос! Мы явно чувствовали себя на своём, естественно, детском уровне, стопроцентно причастными к чему-то монументальному, гигантски важному, всеобъемлющему и объединяющему. Успокоиться не могли, да нас никто и не утихомиривал. Потом с коридора начали доноситься тоже шумы подобного свойства. Мы, естественно, тоже устремились туда. Произошло братание с конкурентами-соседями, а у нас первых классов тогда было три.

А вот Юры ни в одном не нашлось. Но ничего. Старший брат нашего Вити Шишкина, как раз Юра, тоже в нашей школе учился. Рванули на верхний этаж, к третьеклашкам. Отловили Юру. Я тогда несказанно удивился, почему это его одноклассники сами не догадались, что тёзку космонавта, вообще-то, можно и нужно сейчас качать. В процессе воплощения Юрочка – тёзка космонавта, был красный как рак, и улыбку до ушей хоть и старался, загасить не смог.

Люди же рукоплескали не только в СССР. Самый выдающийся на тот момент человек в истории Земли был везде желанным гостем. Улыбки и радостные глаза жителей всех континентов на плёнках и записях сегодня тоже говорят сами за себя. У нас же новорождённых Юр в народе весьма в те времена поприбавилось. И девушки тоже обозначили отклик – в моде появилась причёска под названием... «Полюби меня, Гагарин». Вот только в чём здесь гвоздь – тогда не схватил, хоть название и слышал со стороны медицинского института, что на пересечении улиц имени Седина и Пушкина, где проживала наша семья. Студентки часто хвастались новшествами, да и мои юные тётки, на тот момент старшеклассницы, причёску тоже пытались воплощать на себе. Впрочем, сердца красавиц сами знаете склонны к чему, ибо после второго у нас космического полёта появилась новая причёска под названием теперь уже «Разлюби меня, Гагарин. Полюби меня, Титов». Тут, впрочем, довелось докопаться – в районе верхней части лба у девицы должен был наличествовать взбитый кок. Бесспорно, и Герман Титов тоже весьма внешне недурён, а как говорил когда-то замечательный артист Олег Янковский, симпатия и любовь – хорошие чувства, особенно если они индуцируются на расстоянии. Короче, знай наших космонавтов!

Потом было много чего: выход человека в космос, первая женщина-космонавт, луноход, непосредственно полёт человека на Луну. В отношении Гагарина хочется добавить, что шанс на его успешный полёт, как уже сегодня трактуют некоторые космоинженеры и конструкторы, был всё же выше пятидесятипроцентного рубежа, но к практически абсолютной безопасности величины даже близко не приближался. О причине или же причинах гибели Юрия Гага-

рина в 1968 году стопроцентного согласия в выдвигаемых версиях и на сегодняшний день нет.

Стратосфера и космические дали вообще никогда не будут для человека в плане освоения «мягкими и пушистыми». Вспомним наших космонавтов Комарова, а ещё Добровольского, Волкова и Пацаева. У первого при посадке не сработал парашют. У тройки – произошла утечка воздушной смеси тоже уже после завершения полёта, на посадке. И в первом, и во втором случаях в стране был всенародный, всеохватывающий и искренний траур в масштабах целого многонационального государства. Можно к трагическим потерям добавить и сгоревший американский «Челленджер».

Касательно «Челленджера» хочется озвучить момент, как автор материала одним из первых узнал о трагедии.

Работая в нашем краснодарском ПАНХе («Применение авиации в народном хозяйстве») молодым специалистом, он с несколькими тоже юными сотрудниками во время страды 1986 года был направлен в колхоз «Кубанская степь» в качестве помощника комбайнёра. И вот, после весьма нелегкого трудового дня он где-то ближе к 23.00 выслушивал свой «Альпинист» (который и сейчас ещё работает). Шла на русском языке прямая трансляция с американского полигона. Предстартовая ситуация, старт, ну, и вроде как счастливого пути. Был грех, позавидовал и собрался было выключить транзистор. И тут сообщается тако-о-ое!!! Голос у диктора срывается. Диктор захлёбывается... Заскакиваю в барак, где отдыхают наши, как и я, «МНСники» (младшие научные сотрудники). Не постеснялся всех поднять. Все сразу и поднялись. Репортаж рвался, но и так было всё понятно. Так вот, к чему это всё? Да, американцы нам друзьями не были, но никто из нас не только не злорадствовал, а как-то мы вместе сразу ощутили горечь и трагизм произошедшего. Сидим понурые, вставляем фразы. Жалко. Ещё как жалко!! Заснуть не могли долго. Сегодня, при встречах – Миша Самусь, Игорь Коптев, Сережа Уманцев и другие помнят этот вечер все. А город и край тогда о трагедии узнал только на следующий день...

В космонавтике, причём прямо-таки с первых основополагающих моментов, имели место и сломанные судьбы. Кому что-нибудь что-либо говорит фамилия Нелюбов? А вот уже несколько лет эта фамилия в телепередачах начала упоминаться. Так вот, как всем известно, кандидатами в первый космический полёт были старшие лейтенанты Гагарин и Титов. Последнего подвело имя Герман – в СССР малораспространённое, вроде как несколько «чужаковатое», (вообще-то весьма красивое – ведь правда?). Так вот, был еще и третий кандидат, капитан Нелюбов, Григорий. Последний некоторое время рассматривался – (да!) – как кандидат № 1. Статный, обаятельный, душа любой компании, прекрасный исполнитель песен, очень даже неглуп. Физподготовка, как и у всех, на «отлично». Но почему не он первым полетел? Дело в том, что соответствующая комиссия во главе с Королёвым тщательнейшим образом проанализировала личностные качества тройцы со всех сторон и, понимая, что в случае успешного полёта на героя-воплотителя нахлынет такой безумный вал всенародной, всемирной и всемерной любви, ещё и почитания такого, что не каждый человек и его психика смогут выдержать подобный натиск. И было решение – капитана Нелюбова передвинуть с номера первого на третий и отправить в полёт позже. Кстати, в автобусе, который вёз первую космическую тройцу на Байконур 12 апреля, Нелюбов тоже весьма неплохо просматривается – но не в скафандре, как Гагарин с Титовым, а в военной форме. Он тогда числился как дублер № 2.

К тому, что не он первый, Герман Титов отнёсся спокойно. А вот Григорий Нелюбов не выдержал испытания славой. Чужой. Он стал крепко пить, чем, вообще-то, и раньше грешил. Однажды учинил активные пререкания с военным патрулём на вокзале, после чего его перевели на новое место службы, где он продолжал «дружить» с ней, проклятой. Водкой, то есть... Как-то в один из выходных несчастная супруга с утра заперла его дома, обещая, что вечером, после работы, сама ему вроде как нальёт. Она со слезами уговаривала, чтоб он не пытался сбежать. Но он как раз и сбежал по простыням с верхнего этажа. Где носило Григория, которого, кто знает его историю, и сейчас искренне жаль, только обнаружили его у же-

лезнодорожного полотна без признаков жизни... Так что, говоря о полётах в космос, ещё раз повторим, что водка – порой вещь опасная даже для таких крепких ребят.

А сейчас пара слов о более масштабных вопросах. Например, есть ли, так сказать, жизнь на Марсе? С максимально большой долей вероятности можно сказать, что её как раз на Марсе и нет. Но бесспорно, что жизнь в подходящих условиях – очень даже вероятная стадия эволюции материи в других звёздных системах. Огромное число планет подразумевает множественность обитаемых миров, ибо во Вселенной действуют ОДНИ И ТЕ ЖЕ ЗАКОНЫ.

Какими же окажутся наши братья по разуму, если произойдёт с ними контакт? Давайте чуть-чуть окунёмся в историю. Сколько было обрубков в эволюции человека – дриопитек, гигантопитек, австралопитек, презинджантроп, зинджантроп, питекантроп, синантроп... Наконец остались неандерталец и появившийся позже кроманьонец. А затем и неандерталец исчез в небытие, не выдержав конкуренции с нами. Наверху же пирамиды остались мы, любимые. В общем, есть все основания предполагать, что в силу одного лишь этого примера мыслящие существа Вселенной принципиально будут ПОДОБНЫ НАМ – коль мы радостно шли к своей пятипалости путём сначала ложноножек, далее – плавников, копыт и лап; и мозг, трансформировавшийся из нервного узла, тренировали, не ленись. Вот и выросли такими очаровашками. Так что уповать на разумных пауков, грибы или плесень касательно братьев по разуму явно не стоит. Да и расстояния на сегодняшний момент для нас непреодолимы. Если честно, человеческий разум даже абстрактно не может ощутить всю масштабность вопроса.

Однако с подачи старика Эйнштейна и его знаменитой теории относительности кое-то из учёных в последнее время начинает уповать на так называемое «подпространство». Вот бы тогда летать друг к другу в гости! Но на настоящий момент о нём имеются лишь очень смутные намёки. Впрочем, а что? А вдруг? Лет так через... не знаю, аж прямо сколько.

Вот на Марсе яблони позже, возможно, и зацветут – под соответствующими прозрачными сверхпрочными куполами. Тем более, что там обнаружены гигантские запасы воды.

Интересный факт касательно золота: этот вожделенный и презренный металл происхождения как раз не земного, а небесного, и является следствием взрывов сверхновых и выбросов «частиц "тельца златого"» в мировое пространство. Тут именно нам повезло (а может, и нет?).

Ряд учёных сегодня прямо с некоей грустью предрекает, что в своё время, где-то вроде через 12-13 млрд. лет, вообще всё закончится – что можно, всё повзрывается, перегорит и материя полностью и навечно перейдёт в состояние поля (тоже, кстати, материи). Им, однако, возражают другие, что когда придёт время, всё опять соберётся в точку – и, по новой, шандарахнет большим взрывом, как давным-давно. И всё опять повторится сначала. Так что не будем унывать.

Доподлинно же известно с большой долей вероятности, что так любимое нами и дающее всему на земле жизнь Солнце через 6-7 млрд. лет превратится в красный гигант: явно хватит детям, внукам и пра...авнукам, лишь бы националисты или (и) религиозные фанатики войну глобальную или (и) ядерную не развязали.

И последнее касательно полёта Гагарина: как озвучила в одном из своих сборников наш выдающийся журналист, книгоиздатель и общественный деятель Татьяна Василевская, *«...первопроходцы, разведчики, пионеры – будь то в области географических открытий, науки, других деяний – навсегда останутся в нашей памяти первыми. Потому что именно они изначально проложили тропу в незнаемое, в будущее. По их следу пошли и ещё пройдут многие, но они будут лишь достойными последователями первых»*. Касательно же выдающихся событий XX века в истории Земли, сюда несомненно относится и первый полёт человека в космос. Это окончательно, однозначно и бесповоротно. Пересмотр же вопроса обсуждению или обжалованию не подлежит.

ЮРИЙ АГАНИН

г. Геленджик

Поэт, прозаик, драматург Юрий Анатольевич Аганин (Халтурин) родился 29.05.1977 в Архангельске. Имеет высшее юридическое образование. Майор внутренней службы в отставке. Ветеран боевых действий на Северном Кавказе в 1999-2000 гг. Член Союза литераторов РФ, член Гильдии драматургов РФ.

Автор шести книг. Победитель и лауреат более 20 международных и всероссийских литературных конкурсов. Публиковался во многих литературных журналах, сборниках и альманахах, в том числе: «Двуречье», «Царицын», «Уральский следопыт», «Литературные знакомства», «Крым», «Словесность», «Заполярье» и др.

ДАВАЙ-ДАВАЙ

Рассказ

– Давай, Серёга, покажи им всем русский характер, – Михалыч похлопал меня по плечу, и я тихоньку поехал ближе к стартовой площадке. Сани вроде бы хорошо скользят, ребята постарались. Сервисмены у нас хорошие – не хуже, чем у норвежцев. А сегодня хорошие сани и качественная смазка – это чуть ли не половина залога победы. Двадцать километров на одних руках поначалу казались невыполнимой задачей, а сейчас, после двух лет тренировок, – плёвое дело.

Так, очередь на старт всё ближе. Спокойно. Всё получится. Поехали. Главное – мысли теперь не расплёскивать. Надо за техникой следить.

– Спокойно, спокойно, – кто-то на трассе меня успокаивает, чтобы я не гнал в самом начале и поберёг силы, – не торопись.

Действительно, куда это я разогнался на первых парах. Так... поворот, надо поаккуратней. Всё, можно немного расслабиться – дорога длинная.

* * *

– Мигель, дроны! – это было последнее, что я услышал в тот злосчастный вечер. Очнулся я уже в госпитале. Это я понял по запаху отдалённо знакомых лекарств. Этот запах растормошил мои воспоминания. Откуда я его знаю? Не помню... Но очень хотелось вспомнить. В голове ощущалась сплошная муть. Где-то вдалеке чувствовалась боль, особенно в ногах. Наверное, накачали обезболом. Глаза открывать совсем не было желания. Страшно... Бог его знает, что я там увижу. А вдруг я не в нашем госпитале? Надо прислушаться. Там хоть и по-русски в основном разговаривают, но нет-нет да и проскакивает украинская мова. Тишина. Я немного пошевелил рукой – вроде не пристёгнут, тихонечко приоткрыл левый глаз и глянул по сторонам. Ну, слава Богу. Свои. На стене красовалась фотография нашего Президента. Так вот для чего в больничных палатах такие фотографии. Ну, по крайней мере, и для этого тоже.

– Очнулся, милоч? – в палату зашла старенькая медсестра. – А мы и не надеялись, очень сильно тебя потрепало.

Как она узнала, что я очнулся? Головой не верчу, ногами не дёргаю. Я полностью открыл глаза и первым делом спросил:

– А Андрюха? Как он? – это точно мой голос? Какой-то чужой, хриплый.

– Какой Андрюха, милоч? – медсестра остановилась и вопросительно уставилась на меня.

– Ну, Андрюха, нас вместе с ним дронами накрыло.

– Не знаю, милоч, тебя одного доставили, может, не задело его даже. Ты поспи ещё, после узнаешь, – медсестра говорила ласково, при этом заправляя шприц каким-то лекарством. Укола я даже не почувствовал.

– Ну да, может и не задело, – прошептал я и вновь провалился в сон.

* * *

– Хорошо, Сергей, молодец, внимательней на спуске, – чей-то голос вывел меня из воспоминаний. Впереди спуск, довольно крутой. Так... Аккуратней... нормально. Работаем дальше.

* * *

Второй раз я проснулся не сам.

– Проснись, боец, – кто-то тормошил меня за плечо. Я открыл глаза и увидел перед собой бородатое лицо врача. Резкая боль прошлась по всему телу, особенно по ногам, – наверное, дозу обезбола стали понемногу снижать. – Просыпайся, – ещё раз повторил бородатый врач, – обход. Как ты себя чувствуешь?

– Нормально, – почему-то ответил я, хотя чувствовал себя совсем не нормально, – только ноги болят.

– Это фантомные боли. А ещё что-нибудь болит? – врач был довольно учтив.

– Да вроде всё понемногу болит, но ноги сильнее.

– Добавьте чуть-чуть обезболивающего, – бородатый обернулся и сказал это куда-то назад, – не надо так резко снижать.

– Хорошо, – услышался звонкий девичий голос из-за спины врача.

– Фантомные боли? – я удивился непонятной формулировке. – Это как?

– Фантомные, значит, несуществующие. Ваш мозг всё ещё помнит, что у вас есть ноги, – доктор немного улыбнулся.

– В смысле, помнит? Я же их чувствую! – я решительно приподнялся на локтях и посмотрел туда, где должны были быть мои ноги, но под больничным синим одеялом была пустота.

Дикий ужас охватил меня, мурашки пробежали с головы до пят, до несуществующих пят. Как без ног-то? Кому я теперь нужен?

– Всё хорошо, отдыхайте, – спокойно сказал бородатый врач и покинул палату вместе с сопровождавшей его медсестрой.

– Ты не переживай, главное, что живой остался, – в палате я, оказывается, был не один. Я снова приподнялся на локтях и увидел лежащего на койке соседа. Сосед расположился прямо под портретом Президента, ему было лет сорок, и он был так же, как и я, короче, чем следовало бы, – безногий, в общем.

Я всё ещё был не в себе от кошмарной новости, но собрался с мыслями и спросил:

– А ты не знаешь, что с Андрюхой? Нас с ним вместе накрыло, – я с надеждой поинтересовался у соседа о судьбе своего кореша.

– Когда тебя сюда определяли, говорили, что ты один выжил, остальные погибли, – сочувственно ответил сосед.

* * *

– Давай, давай! – кричал мне стоящий на краю трассы неизвестный итальянец с диким акцентом. А может, и не итальянец, кто их разберёт. Да, сани сегодня отменные, можно сказать, что сами едут, ха-ха, наши сани едут сами. Не то, что те, на которых я начинал тренировки. Там их вообще сдвинуть с места по перваку было невозможно.

* * *

– Позывной Мигель, подъём! – голос Ларисы был, как всегда, мягок и в то же время твёрд. Лариса – это та медсестричка, которая стояла за спиной бородатого доктора и записывала его рекомендации. Видимо, она всерьёз взяла надо мной шефство. Симпатичная дамочка, хоть и старше меня лет на десять.

– Да не спит он, – Стёпа, мой сосед по палате, ответил за меня.

– Вот и отлично, собирайся, будем учиться ходить, – Лариса улыбалась во весь свой красивый рот.

– А что учиться-то? – настроение моё было далеко не такое, как у Ларисы. – Нацепил протезы – и вперёд.

– Это тебе так кажется. Давай-давай, жду тебя на сестринском посту. Сам ведь залезешь на коляску?

– Залезу, не в первый раз.

* * *

– Молодец, хорошо идёшь, Сергей, минус десять секунд от норвежца, – Елена Петровна, одна из тренеров, доложила мне обстановку.

Это хорошо, что десять секунд минус. Теперь как бы не растерять преимущество. Так... Раз, два... раз, два...

* * *

– Так, раз-два, раз-два. Держи равновесие, – командовала Лариса. – Уже намного лучше.

– Ноги болят, давай отдохнём немного? – я очень устал.

– Отставить разговорчики! – Лариса весело улыбалась, но отдых не разрешала. – Ещё один раз до стены и обратно, и вот тогда отдохнёшь.

Практически из последних сил, можно сказать, на зубах я прошёл ещё метров тридцать и рухнул в изнеможении на кресло-коляску.

– Молодец, так держать, – задорно похвалила Лариса, – через пять минут продолжим.

А я что-то себя совсем молодцом не чувствовал: пот лился ручьями, в горле пересохло, ноги болели неимоверно.

– Слушай, Смирнов, – Лариса лукаво прищурилась, – всё хотела тебя спросить, откуда твой позывной взялся?

– Да прапор один сказал, что я на Мигеля какого-то похож из сериала древнего про рабыню бразильскую.

– Рабыня Изаура, что ли?

– Вроде.

– Ерунда, ничего ты не похож, я смотрела этот сериал, там Мигель толстый, а ты вон какой спортивный.

– Не поверишь, знаешь, какой я толстый был, когда на службу пришёл, не узнала бы меня, если бы встретила, – усталость моя вдруг куда-то улетучилась.

* * *

– Молодец, так держать, осталось пять километров, – кто-то из тренеров гнал меня по трассе. А у меня как будто крылья за спиной выросли. Я мчался по лыжне, совершенно не чувствуя усталости. Ерунда какая – пять километров. Спуски, подъёмы, повороты – всё нипочём. Если выиграю, в госпиталь съезжу, подарю медаль Ларисе. Только благодаря ей я не раскис от потери ног.

* * *

Я стоял у сестринского поста и ждал, когда Лариса освободится из процедурной, чтобы поблагодарить её за всё и попрощаться. На протезах я держался благодаря ей довольно уверенно. Хромота, конечно, чувствовалась, и без трости пока было сложно, но в любом случае я стоял на ногах, пусть и ненастоящих, а не сидел в инвалидном кресле, как многие.

Наконец подошла Лариса.

– Выписывают уже? – деланно удивилась медсестра. Смешно: она, скорей всего, первая узнала о моей выписке. – Ну что, Сергей Смирнов, позывной Мигель, будем прощаться?

Я молча кивнул.

– Держи, – Лариса протянула мне клочок бумаги с номером телефона. – Это номер тренера паралимпийской лыжной команды, ему нужны такие, как ты. Позвони – не пожалеешь.

– Спасибо, – только и смог я из себя выдавить.

Лариса резко развернулась и направилась в процедурную, а я смотрел ей вслед и молчал, хотя столько всего хотелось сказать.

* * *

Вот она, финишная прямая. Двадцати километров – как и не было. Передо мной вроде бы финн какой-то, номер семнадцать на спине, а у меня двадцать один. Между спортсменами на старте по тридцать секунд – это получается, что я его на две минуты опережаю. Действительно, хорошо иду, или это он слабак. На финише надо поднажать – иногда полсекунды стоят победы. Так... раз-два, раз-два.

СЕРГЕЙ СПИРИН

г. Белореченск

Океанолог, ледовый авиационный разведчик первого класса, Почётный полярник, Сергей Спирин начал писать короткие рассказы в 2012 году. Дважды в 2013 году награждался дипломами издательского дома «Периодика Кубани» за участие в конкурсах, организованных издательством. Лауреат многих всероссийских конкурсов. Имеет Почётную памятную медаль участника Всероссийского ежегодного литературного конкурса «Герои Великой Победы – 2024». Лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» в номинации «Экология» за произведение об обитателях Антарктиды.

Первая книга Сергея Спирина увидела свет в 2017 году в издательстве «Звезда» (Туапсе). В настоящее время в его активе три сборника прозы – «Незатейливые полярные рассказы», «Рассказы о полярниках» и «По волнам житейского моря», а также два сборника стихов.

ЛЕДЯНОЙ СТРАННИК

Цикл рассказов

Легенда о метеорологе

Великая Отечественная война была в разгаре, фашистский кованый сапог безжалостно топтал нашу землю. На защиту Родины поднялось всё население страны. И каждый старался внести свой вклад в дело победы над врагом.

В небольшой тихий приморский городок ворвались фашистские танки. Захватчики начали рьяно устанавливать новый порядок. Всех, кто отказывался сотрудничать, немцы жестоко уничтожали – по городу прокатилась волна расстрелов. Не обошли фашисты своим вниманием и местную метеостанцию.

В помещение метео бесцеремонно ввалились немецкие военные. На рабочем месте они увидели хрупкую миловидную женщину-метеоролога. Она была одна – другие сотрудники, не пожелав сотрудничать с оккупантами, покинули город.

– Теперь ты работаешь для нас. Саботаж – расстрел, – рявкнул немецкий офицер, обращаясь к Вере Георгиевне, так звали метеоролога, на ломаном русском языке.

К его изумлению, она улыбнулась в ответ и, ничуть не смутившись, сказала на хорошем немецком:

– Господа, если б вы знали, как долго я этого ждала...

– Где вы так хорошо выучили немецкий язык? — от изумления, переходя на «Вы», спросил офицер.

– Я долго жила в Берлине ещё до русской революции... Боже, как давно это было, – тихо отозвалась женщина и прикрыла лицо рукой.

С этой минуты началось сотрудничество метеоролога с врагом. Она добросовестно снабжала метеоданными немцев и даже составляла для них краткосрочные прогнозы погоды. Местные жители, узнав об этом, решили покарать предательницу. На неё было совершено несколько покушений. Но фашисты усилили охрану метеостанции, и народные мстители до метеоролога добраться не смогли.

Прошло несколько месяцев. Немецкое командование, развивая успех наступления, решило провести крупную морскую десантную операцию. Для этого в бухте, у метеостанции, было сосредоточено множество барж, кораблей поддержки и снабжения десанта. И вот, когда вся эта армада готова была выйти в море, с окрестных гор на неё обрушился страшный ветер, о котором Вера Георгиевна

немецкое командование и не собиралась предупреждать. Хорошо зная условия возникновения этого опасного природного явления и предвидя его страшные разрушительные последствия, она дала гитлеровцам перед началом десантной операции благоприятный прогноз погоды.

– Ну, вот и пришёл мой час, – тихо выдохнула Вера Георгиевна, увидев, как первые порывы ураганного ветра вспенили водную гладь бухты. И начался кромешный ад: ураган шутя топил катера и баржи, даже большие корабли обледевели от брызг штормовых волн, теряли остойчивость, переворачивались и шли ко дну. На берегу тоже не было спасения от шквалистого ветра, вой которого вызывал у врагов животный ужас. Сильнейшие порывы сдували в море автомобили, переворачивали железнодорожные вагоны, срывали крыши домов, калечили живую силу противника. Ураган, как венником, выметал оккупантов с нашей земли.

Веру Георгиевну фашисты расстреляли рядом с метеоплощадкой у большого белого валуна, а домик метеостанции взорвали.

Много воды утекло с тех пор, завеса времени скрывает факт достоверности описанных нами событий. Давно развалились остатки фундамента метеостанции, заросло деревьями и кустарником то место, где когда-то была метеоплощадка...

Но по-прежнему шумит морской прибой, и каждый год в день Великой Победы 9 мая у большого белого валуна появляются живые цветы.

Ледяной странник

Большущий пятикилометровый айсберг, шумно вздохнув, отделился от ледника и плавно закачался на собственных волнах. Подводное течение медленно развернуло его, увлекая в открытый океан. С кромки ледника сорвался лёгкий ветерок и осыпал на прощание ледяного гиганта снегом, словно конфетти. Искрясь и сверкая на солнце, айсберг гордо начал свой дрейф на просторах Южного океана. Огромный, бескрайний океан ласково подхватил «малыша», увлекая всё дальше и дальше от родного барьера. Два месяца безмятежного плавания изредка омрачались штормами, но молодому и крепкому айсбергу шквальные, порывистые ветры были нипочём. В нём сохранялся тысячелетний Антарктический холод, да и окружающие океанские воды имели минусовую температуру.

Неприятности начались осенью, когда под воздействием крепких юго-восточных ветров, господствующих над прибрежной акваторией Антарктиды, наш айсберг разогнался и встретил на своём пути естественное препятствие в виде островной дуги и подводной гряды между её островами. С разгона врезался он в подводные скалы. Со страшным грохотом развалилась и рухнула в море семидесятиметровая надводная стена айсберга. Содрогнулась и начала крошиться подводная часть, принявшая на себя удар на пятисотметровой глубине. Море вокруг гиганта вспенилось, рождая огромную волну, а из морской пучины на поверхность воды всплыли ледяные обломки и растеклись по поверхности океана на несколько километров. Огромная ледяная гора, весом в миллионы тонн, беспомощно оставалась, застряв на острых подводных скалах архипелага в гордом одиночестве. А через две недели это одиночество было нарушено. Пришелец появился неожиданно из густого тумана и тихо остановился неподалёку. Его стены, покрытые выбоинами и трещинами, хранили память о столкновениях с другими гигантами.

... Пришла зима с суровыми сорокаградусными морозами. Море замёрзло, и на многие километры вокруг установился припай. Полярная ночь приняла в свои объятия студёный Южный материк, окружив его аурой полярного сияния.

Холодную, мрачную и затяжную зиму наш скиталец перенёс прекрасно. Сильнейшие стоковые ветры и подводные течения отполировали его бока до блеска, а сосед по зимовке ни разу не нарушил покой. С первыми робкими лучами солнца, возвестившими о начале полярного дня, поверхность айсберга снова засветилась, заискрилась, и наконец настал тот день, когда крепкий западный ветер навалился своим упругим плечом на отвесную стену гиганта, и он, ломая весенний лёд, вместе с соседом начал медленно двигаться к кромке припая. Несколько дней они шли параллельными курсами, а потом в полярном тумане пути их разошлись, и они потеряли друг друга навсегда.

Как и прошлым летом, порывистые, шквальные ветры айсбергу были нипочём, вот только волнение, вызванное ими, медленно и верно подтачивало его бастионы. А солнечные лучи безжалостно испаряли и нагревали надводную часть, которая с шумом трескалась, выбрасывая из недр ледяной горы куски льда. В такие моменты айсберг походил на гигантский средневековый фрегат, ведущий морской бой с неприятелем. Летние снегопады ослабляли и залечивали солнечные ожоги, но разрушений становилось всё больше и больше, трещины разделили его поверхность на неправильные, многоугольные блоки, и глубина их продолжала увеличиваться. Разгул солнечному беспределу положила осень. Уже мартовские туманы принесли долгожданное облегчение, а в апреле начались затяжные снегопады. К концу мая море снова замёрзло, и айсберг остановился в припае у небольшой береговой научной станции. Наступила полярная ночь, расцвеченная сполохами полярных сияний. Ми-

риады звёзд Млечного пути озарили своим таинственным мерцанием шестой континент, и в самом центре этой завораживающей картины торжественно и величественно зажёлся холодным светом Южный крест. Установились крепкие морозы, и по телу ледяной горы поползла сетка мелких термических трещин. Они медленно, но верно подтачивали здоровье нашего знакомого. Обломки, падающие со стен, образовали вокруг айсберга высокие протяжённые осыпи.

В середине полярной ночи покой айсберга нарушили люди. От берега отделилась крохотная точка – это беспечные полярники весело катили на своём громыхающем вездеходе прямо к хрипло потрескивающему гиганту, совершенно не подозревая, что путь их ведёт к опасности. Не любят шума айсберги, ой не любят. На приливной волне титан зашевелился, и от него навстречу возмутителям спокойствия по льду побежали широкие чёрные трещины. Вездеходик на полном ходу едва не угодил в одну из них. Сообразив, что дальнейшее движение опасно, люди поспешили вернуться на берег и до начала полярного дня не беспокоили гиганта. Весной они снова приехали на своём вездеходе, но приближаться к айсбергу не стали. Разложили на льду приборы и занялись своей привычной работой. Неожиданно произошло явление, которое даже бывалые полярники, стоя на берегу, наблюдают с восторгом, смешанным с первобытным ужасом перед буйством стихии. Те же, кто столкнулся с разгулом природных сил на припае и благополучно пережил его, ещё долго хранят в памяти колебания льда под ногами, рёв разрушающегося айсберга и выброс обломков льда на большую высоту. Предвидеть или прогнозировать такие явления невозможно. Разрушение глетчера может начаться по разным причинам, совершенно не связанным между собой: волнение моря и трещины в припае, резкие понижения и повышения температуры воздуха, обильные снегопады и приливы, тектонические возмущения и подвижки ледников; в меньшей степени – подводные течения, ветер и солнечная радиация. Особенно активны айсберги во время полнолуний и новолуний, когда Солнце, Луна и Земля выстраиваются, как на параде, в одну линию, а приливная волна в океане достигает своего максимума.

Вот и этой весной во время такого парада таинственные силы природы встряхнули спящего гиганта. Он вздрогнул, где-то глубоко в его недрах возник гул, перешедший в страшный рёв, напоминающий работу авиационной турбины. С ужасным грохотом, подобным близкому раскату грома, развалилась надводная часть титана, подняв в воздух массу больших и малых обломков льда. Люди в ужасе бросились к своему вездеходу, и, когда последний из них с трудом втиснулся в тесную кабину, вездеход рванулся к спасительному берегу.

Потеряв значительную часть своей массы, айсберг всплыл, выбросив тонны воды вперемешку с обломками льда на стометровую высоту. Водяные потоки, с шумом стекающие с его стен, оставили на них глубокие и широкие борозды, а новая вершина округлилась и приобрела форму купола, на котором остались крупные обломки льда причудливых форм. Шестисотметровая зона взломанного припая едва не уничтожила приборы, брошенные людьми на льду при спешном бегстве. Ледяная пыль улеглась, и в холодный Антарктический мир вновь вернулись прежняя тишина и покой.

... В скитаниях по океану прошло ещё несколько лет. Ледяной странник сильно уменьшился в размерах, превратившись в небольшую пресную льдину. Ничто в её облике не напоминало того сверкающего гиганта, рождённого на Антарктическом побережье семь лет назад. Ветра и течения уносили льдину всё дальше и дальше на север, и вскоре тёплые северные воды окончательно растопили её.

А в это время далеко-далеко на юге за тысячи морских миль от этого места большущий семикилометровый айсберг, шумно вздохнув, отделился от ледника и плавно закачался на собственных волнах. Подводное течение медленно развернуло его, увлекая в открытый океан, а с кромки ледника сорвался лёгкий ветерок и осыпал на прощание ледяного гиганта снегом, словно конфетти. Искрясь и сверкая на солнце, айсберг гордо начал свой дрейф на просторах Южного океана. Огромный, бескрайний океан ласково подхватил «малыша», увлекая всё дальше и дальше от родного барьера.

«А мы пойдём другим путём!»

Начальник китайской научной станции нервно теребил застёжку-молнию на своём антарктическом комбинезоне. И было от чего волноваться: 16 из 20 человек личного состава станции оказались на припайном льду в 25 километрах от «полярки». Тридцатиградусный мороз и надвигающиеся сумерки не добавляли оптимизма и уверенности в себе лидеру китайцев, а отсутствие собственного исправного вездехода, пригодного для спасения людей, и вовсе повергало его в уныние. И всё же в беседе с начальником российской полярной станции мистер Лего сохранял внешнее спокойствие, и только руки, лихорадочно теребящие замок полярного комбинезона, выдавали его внутреннее состояние.

Андрей Алексеевич не стал выяснять причину, по которой почти весь коллектив китайской станции оказался в бедственном положении на морском льду вдали от родной базы. Он сразу приказал готовить к срочному выезду станционный вездеход и вызвал к себе гидролога с доктором для уточнения деталей предстоящей спасательной операции.

Стараниями Ивана Ивановича, старого полярного вездеходчика, транспортёр ГТТ уже через 15 минут был готов к выезду на лёд, а ещё через 10 минут, приняв на борт гидролога, доктора и лидера китайцев, вездеход фыркнул и покатил в ночь навстречу неизвестности.

Первые 12 километров машина легко пробежала по следу китайцев, петляющему между айсбергами и их обломками. Морских торосов на льду было мало, колея прекрасно видна, единственное, что не нравилось гидрологу – уж больно близко она пролегала от ледяных гигантов.

– Держись подальше от айсбергов, вдоль них могут быть наледи, – прокричал он вездеходчику сквозь грохот мотора.

Иван Иванович согласно кивнул головой. Как никто другой, представлял он опасность этого природного явления, когда во время прилива морская вода сквозь трещины вокруг айсбергов выступает на поверхность льда и, пропитывая снег, образует непроходимую трясину. Пешеход в ней может за просто оставить сапоги, унты или валенки, а техника, не сумевшая быстро выбраться из ловушки, рискует вмёрзнуть в лёд и создать массу хлопот своему хозяину.

На двенадцатом километре машина внезапно осела и остановилась, беспомощно вращая гусеницами в снежно-водяной каше. Днище её плотно сидело на спрессованном снежном основании.

– Влипли!.. – констатировал вездеходчик, выбираясь из кабины.

Почти три часа маленький экипаж машины боролся за её живучесть. Под траки приходилось подкладывать брёвна, которые предусмотрительные вездеходчики всегда возят с собой. Тяжеленные куски дерева позволяли продвигаться вперёд на длину корпуса вездехода за один оборот его гусениц. Двигались очень медленно, наледь казалась бесконечной, люди выбивались из сил, перетаскивая брёвна из-под кормы вездехода к его носу, чтобы снова подложить их под гусеницы. И вот, когда сил почти не осталось, а брёвна были переломаны, словно спички, транспортёр, как живое существо, отжался ото льда и медленно-медленно выполз на сухой и плотный снег.

Первую группу китайцев из трёх человек российские полярники встретили примерно через полтора часа. Замёрзшие люди в демисезонных болоньевых куртках и пластиковых сапогах угрюмо брели по старому вездеходному следу навстречу спасателям. Приняв на борт людей, машина рванулась вперёд, как будто сама понимала, что медлить нельзя. Доктор прямо на ходу занялся оказанием первой помощи пострадавшим – не обошлось без лёгких обморожений. Следующая, самая большая группа из семи человек, была подобрана несколько минут спустя. А ещё через некоторое время в вездеход, поддерживая друг друга, забрались и остальные китайские полярники.

Мистер Лего пересчитал личный состав и облегчённо вздохнул.

До аварийного вездехода добрались без приключений. Он стоял холодный и одинокий среди белого безмолвия, а под ним, словно кровь на снегу, застыла лужа масла из повреждённого маслопровода. Забирать неисправный транспортёр китайцы не стали – решили вернуться к нему позже. Иван Иванович развернул машину на обратный курс и вопросительно посмотрел на гидролога.

– А мы пойдём другим путём, – ответил тот, прокладывая маршрут возвращения на своей карте подальше от зоны айсбергов.

– Не таким путём надо идти, дорогие товарищи, – поддержал его Иван Иванович, и они улыбнулись друг другу.

Как орловский рысак, рванулся ГТТ с места и через три часа ко всеобщему ликованию благополучно прибыл на китайскую полярную станцию.

Нет таких причин...

– Из Черского к нам летит «адмирал ледовой разведки», ты будешь с ним работать в Анадырском заливе на проводке каравана в Анадырь. Готовься... и позвони ему в Черский, может, что-то из карт нужно на борт взять. Зовут его Василий Иванович, – сообщил мне мой начальник.

Тут необходимо сделать маленькое «лирическое» отступление и пояснить, кто такой Василий Иванович, и как он получил почётное прозвище «адмирала ледовой разведки».

Дело было так. Василий Иванович, гидролог-инструктор, занимался проводкой каравана военных кораблей в тяжёлых льдах Чукотского моря. Льда было много, проходов и слабин – мало. Корабли шли под проводкой ледокола от разводья к разводью. Проводка их осуществлялась методом барражирования – это когда «самолёт летит со скоростью, обеспечивающей наибольшую продолжительность полёта у объекта сопровождения с целью оперативного реагирования на изменение ледовых условий и дачи своевременных рекомендаций при выборе безопасного пути следования капитану лидирующего ледокола».

В одном из широких разводий, найденном Василием Ивановичем, военные без видимых причин решили изменить курс следования, игнорируя команды с ледокола.

По этому поводу возник весьма откровенный диалог в эфире, закончившийся словами «краснофлотского» командира:

– Я капитан первого ранга и сам знаю, что нужно делать.

Вот тогда и прозвучал с небес грозный голос Василия Ивановича:

– Капраз, немедленно прекратить перестроения, занять своё место в ордере и прекратить базар в эфире. С вами говорит «адмирал ледовой разведки» Шильников.

В эфире воцарилась тишина, «фрегат» вернулся в строй и до конца проводки был «шёлковый». Так Василий Иванович стал «адмиралом», и все стали относиться к нему с должным почтением.

Был в истории ледовой разведки и свой «полковник», но это совсем другая и менее романтическая история.

Ещё один забавный случай с легендарным «адмиралом», произошедший в одну из навигаций на востоке Арктики. Ненадолго отвлёкшись от переговоров с караваном, он ловко бросил вымпел с калькой ледовой разведки прямо в трубу ледокола.

Ну, кто из профессионалов поверит, что «адмирал» бросает пенал с картой прямо в закопчённую ледокольную трубу? Не адмиральское это дело – вымпелами бросаться. Для этого есть второй гидролог, который упакует карту в этот пенал, штурман, который даст сигнал на сброс, механик, который осуществит сброс по штурманской команде и, наконец, командир всепогодного лайнера Ил-14, который скромно рулит всем процессом из своего командирского кресла. Но легенда есть легенда, и добавить к этому нечего.

Вот с таким человеком-легендой предстояло мне познакомиться и обогатить свой скромный опыт молодого ледового разведчика. Я засуетился: волнительно – «адмирал» всё-таки, да и опыт работы на ледовой разведке у меня был небольшой. Прямо скажем, молод и «зелен» я был тогда. Но обучаем – это тоже было.

Позвонил в Черский. «Адмирал» сказал, что набор необходимых бланковых карт у него есть, и мне ничего с собой брать не надо.

Утром следующего дня мой начальник – Валерий Николаевич Купецкий, сотрудник института Арктики и Антарктики Александр Викторович Дорофеев и я прибыли на борт, прилетевший из Черского. Я был представлен «адмиралу» и не слишком ему понравился.

– Налёт всего 600 часов, к тому же лохматый, как хиппи. Ну как с таким работать, – вероятно, подумал он и слегка скривился, несмотря на заверение Купецкого, что парень я неплохой.

Валерий Николаевич остался в Певеке, а мы полетели навстречу приключениям и неожиданным событиям, которые начались сразу после взлёта. Оказалось, на борту нет бланков карт для ведения разведки.

На вопрос «где карты?» «адмирал» шмыгнул носом и уткнулся в блистер, где под нами проплывали синие сопки Чукотки, а на вопрос «что делать?» только пожал плечами.

Полёт обещал быть приключенческим, я загрустил – положение было чудовищным. Нас ждёт караван, ему нужен вымпел с калькой ледовой разведки, а нам не на чем карту ледовых условий рисовать, чтоб с неё для каравана кальку сделать.

Грусть-печаль мою заметил Саша Дорофеев и мгновенно на неё отреагировал:

– Ты со штурманской карты кальку сними и на ней работай. А для каравана кальку с кальки скопируй – и порядок. Проекция, конечно, не та, но это не беда. Моряки – народ грамотный, разберутся, – посоветовал он. – А причин для невыполнения ледовой разведки не бывает, – добавил Саша.

Работа закипела. К выходу на береговую черту Анадырского залива у меня были готовы эрзац фирменного бланка карты и заготовка кальки для вымпела.

Разведку мы произвели, вымпел сбросили чётко на палубу, палубная команда его приняла, тактичный капитан ледокола ни словом не обмолвился о разнице проекций карты. Хотя, я думаю, был слегка удивлён нашей новацией. Груз в порт назначения доставлен в минимально короткий срок и по максимально безопасному маршруту. Работа была завершена блестяще.

А что же «адмирал»? Как и положено адмиралу, он даже глазом не моргнул. Настоящий адмирал всегда спокоен, как дреднот, уверен в себе и успехе дела, ему порученного.

А я на всю жизнь запомнил Сашины слова: «Нет таких причин, по которым ледовая разведка не может быть выполнена».

Коллеги

Маленький уютный аэропорт колымского посёлка Черский. Под горкой стоит готовый к вылету самолёт ледовой разведки – знаменитый и легендарный Ил-14. Аппарат, как сказал бы паровозный машинист – «под парами», экипаж ждёт прибытия на борт командира и штурмана с подписанными полётными документами. И вот они появились вместе с убелённым сединами пожилым человеком. Командир у лесенки-стремянки сделал пригласительный жест, и гость поднялся в самолёт. Несмотря на почтенный возраст, сделал он это молодецки лихо, вероятно, авиационные трапы, трапики и разного рода стремянки ему были хорошо знакомы. Командир провёл предполётный осмотр самолёта и тоже поднялся на борт.

– Валентин Иванович Аккуратов, известный полярный штурман, летал ещё с Водопьяновым и Черевичным, – представил он гостя.

Валентин Иванович поздоровался со всеми членами экипажа за руку и устроился в предложенном ему кресле у иллюминатора в салоне самолёта рядом с рабочим столом второго гидролога.

– Поближе к карте, – улыбнулся он гидрологу, увидев чистый бланк карты для ледовой разведки.

Старый штурман оказался чрезвычайно деликатным человеком. Он не лез в пилотскую кабину, хотя и не обошёл своим вниманием труд лётчиков. Внимательно следил за взаимодействием штурмана и гидрологов. Ему было очень интересно наблюдать за тем, как в процессе полёта пустой бланк карты оживает, отражая ледовую обстановку по маршруту движения всепогодного воздушного корабля. Лишних вопросов он не задавал. Таинственные гидрологические значки и цифры ему были понятны без слов. Ледовую карту он читал свободно.

– Когда-то и я составлял что-то подобное, – сказал Валентин Иванович гидрологу, наблюдая за его работой.

Шёл четвёртый час полёта. До посадки в заполярном посёлке Тикси оставалось шесть часов полётного времени. Штурман ледового борта Александр Бутыленков работал с картой, когда к нему подошёл ветеран арктических трасс.

Саша – выпускник Ленинградской академии гражданской авиации. Прибыл в Черский в составе небольшой группы выпускников этого прославленного учебного заведения. Сами себя они называли «стаей диких» штурманов. «Дикие» «академики» оказались толковыми ребятами и как-то сразу прижились на ледовой разведке. Дело спорилось в их молодых руках, а светлые головы им в этом помогали. Без преувеличения можно сказать, что не каждый штурман способен выполнять сложную непрерывную работу в течение 10-12 часов с высокой точностью в открытом море, зачастую без береговых ориентиров и с бесконечной сменой галсов. У «дикарей» это получалось блестяще. Полёты в сложных метеоусловиях на малых высотах вблизи высоких берегов оказались им по плечу.

– Ну, а системой условных меридианов вы пользуетесь? – спросил «академика» Аккуратов.

– Нет. Я беру опорный меридиан – например, меридиан аэропорта вылета и от него «танцую» весь полёт – простодушно ответил тот и вернулся к своим штурманским делам.

Старый штурман изменился в лице – было видно, что он обескуражен ответом. Он вернулся на своё место у карты гидролога и до конца полёта не проронил ни слова.

Разгадка резкого изменения настроения Аккуратова заключалась в том, что систему условных меридианов для удобства ориентации в районе Северного полюса (ведь на полюсе любой курс ведёт на юг) придумал и внедрил в штурманскую практику именно он. Условную точку полюса он вынес за пределы земного шара, и меридианы на карте стали параллельны. Так на полюсе появились север, юг, восток и запад, что облегчило самолётовождение в этом районе. Ответ молодого штурмана удивил и расстроил ветерана. Об этом и сообщ-

шил Саше, спустя некоторое время, гидролог, услышавший их разговор. «Академик» слегка смутился, но сильно расстраиваться по этому поводу не стал. Время вносило свои коррективы, и самолётовождение дополнялось новыми методами работы в Арктике.

Разведка продолжалась, смена галсов шла своим чередом и, казалось, она никогда не закончится. Но всё в жизни имеет свои границы. Завершился и этот полёт. Самолёт пробежал по полосе заполярного посёлка Тикси и зарулил на стоянку. «Жучки»-моторы умолкли, винты остановили своё вращение, и настала пора прощаться.

Прощаясь с Валентином Ивановичем, Саша привычно будничным голосом сказал:

– Сегодня мы прибрежную разведку выполняли, вот и не пользовались вашими картами. А вот когда на Северный полюс летаем, конечно, используем вашу систему условных меридианов – это очень удобно.

Глаза ветерана потеплели, и он дружески похлопал коллегу по плечу.

– Ну-ну, – сказал он.

Маленькая хитрость молодого штурмана не осталась незамеченной, и старый авиатор лукаво улыбнулся. Потом, пожав всем руки, пожелал удачи экипажу и вышел из самолета.

Подарок для Луизы

Огромный жёлто-голубой ара, купленный недавно в Уругвае, безраздельно царил в каюте Валентины, и она прислуживала ему, как восточная наложница. Попугай был красив, крылья и спина его отливали бирюзой, а ярко-жёлтое пузо, соперничая с солнцем, разбрасывало вокруг светлые зайчики. И всё это великолепие, дополненное большущим чёрным клювом, сидело на спинке стула, резко кричало и ругалось на пяти языках и семи диалектах, включая речь негритянского городского населения США.

– Сказки рассказывает, – пояснила Валя старпому, заглянувшему в дверь на крик птицы.

Нагловатый ара прищурился, склонил голову набок и продолжил «сказку» на португальском языке, заканчивал он её на языке негритянских кварталов города Нью-Йорка.

Михалыч поморщился и, уходя, буркнул:

– Ты бы его «мама» говорить научила. Внучке везёшь.

Интенсивное обучение птицы русскому языку продолжалось вторую неделю, но строптивая бестия продолжала рассказывать свои «сказки», временами издавая отвратительно-громкие звуки, похожие на скрип старой двери. После каждого неудачного занятия Валентина горестно и устало приговаривала: «Ой, мамочки!». От неудач женщина была в отчаянии, но баловать ару не прекращала и даже выносила его на верхнюю палубу погулять. Прогулки попугай полюбил сразу, а вот возвращение в каюту вызывало у него приступ ярости, погасить который можно было сладкими кукурузными палочками, которые ему очень нравились.

В то утро Вале не удалось унести ару в каюту. Птица шипела, злобно клёкотала и хлопала крыльями. А вместо благодарности за сладкое угощение пыталась ущипнуть Валентину за руку. Рассерженный попугай внезапно взмахнул крыльями и, подхваченный свежим морским ветром, оказался за кормой. Скорость судна и ветерок сделали своё дело, вернуться на палубу грозный ара не смог. Валентина была безутешна и плакала навзрыд, как девочка. Вся команда жалела её.

Маленький тунцелов, уверенно рассекая форштевнем волну, резво бежал по светло-синей равнине океана. На мостике у штурвала, попыхивая трубочкой, стоял его владелец и капитан Хуан Антонио де Барбон. Опытный моряк и судоводитель был доволен собой и своей командой – трюмы его большого судна были забиты рыбой, готовой к продаже. Прямо по курсу среди волн появилась полупритопленная бочка с жёлтым шевелящимся пятном сверху. Капитан поднёс к глазам бинокль и заорал громовым голосом:

– О-о-о!!! Попугай за бортом!

Обессилевшего ару бережно подняли на борт. Усталая, измученная жаждой птица жалобно приговаривала на непонятном языке:

– Ой, мамочки! Ой, мамочки!

«Святая птица. Матерь божью поминает. Хороший подарок для Луизы будет», – подумал старый моряк и улыбнулся, вспомнив о маленькой внучке.

ИГОРЬ ФУРМАН

г. Тихорецк

Я солдат...

Я не белый и пушистый,
А давно поросший мхом.
Я умею бить фашиста
Кулаками и стихом!

Словно дуб, пустил я корень
В землю-матушку свою.
Несгибаем, непокорен,
И за правду я стою!

Знают пусть чужие дяди,
Что хотят сломать меня:
Не отдам Руси ни пяди,
Я на страже, я – броня!

Пусть шипят хоть до истерик,
Не согнуть меня в дугу.
Я в родной вгрызаюсь берег,
Не позволю лезть врагу!

Я России вскормлен грудью,
Напоён её слезой.
Буду бить из всех орудий,
Стану недругу грозой!

ГАПИНА ДОНЦОВА

г. Гулькевичи

Песнярь белорусской земли

*Максиму Богдановичу**

Свои стихи, как воду из криницы,
Он из души доверчивой черпал,
И речи белорусской поклонился,
Которую вознёс на пьедестал.

Былины, сказки, бабушкины песни
Любил он в детстве слушать без конца,
И было чрезвычайно интересно
Ему в библиотеке у отца.

Костёр в ночи, под пеплом пламя веры,
Студёный вечер, женственную статью,
Печаль ткачих и свет звезды Венеры
Мог без конца с любовью воспевать.

Тяжёлый труд, страдания народа
Показывать талантливо умел,
Осваивал сонеты, переводы.
Как жаль, что безнадежно заболел!

Горел, другим дорогу освещая,
Слагая рифмой сказочный узор.
Его любовь к Отечеству большая
Стихами согревает до сих пор.

* Максим Богданович – белорусский поэт.

Генриху Ужегову*

Вот и снова осень в Тихорецке,
Город в золотистой тишине.
Ветерок залётный по-простецки
Волосы приглаживает мне.

И ведёт знакомая дорога
В дом, где вдохновение и уют,
Где друзья порой бывают строги,
Но подсказки верные дают.

Здесь всё так же: стол, диван, икона,
Пианино старое блестит,
Колокольчик мелодичным звоном
Память об учителе хранит.

Сборники на полках – мыслей стая.
И немного грустно от того,
Что всё так же, только не хватает
Взгляда вдохновенного его.

Не хватает доброго совета,
Но не повернётся время вспять.
Были мы его теплом согреты,
Мог он пожурить и подсказать,

Как работать с рифмою и словом,
Как на ритм всегда влияет слог,
То, что простота – стихов основа...
Очень много рассказать он мог.

То, как бороздил просторы моря,
Видел за бортом стихии шквал;
То, как побеждал людские хвори
И стихами души врачевал.

Но безмолвен образ на портрете,
И, смахнув случайную слезу,
Возвращусь я снова в стены эти
И стихи с собою привезу.

* Генрих Николаевич Ужегов –
до своей смерти в октябре 2022 года был
руководителем ЛиТО севера Кубани «Родник»
города Тихорецка.

ЛЮДМИЛА КАРПЕНКО

ЛиТО «Верность», г. Краснодар

Предчувствие

Анне Ахматовой

Упал он со звоном на тёмный паркет,
На тонкой руке расстегнулся браслет,
Блеснул на секунду зелёным глазком,
Знак верной беды ты увидела в том.

Щетинится зверем сукно у кушетки,
Как руки у тополя, чёрные ветки,
Продрогшие, вдруг постучали в окно,
Заныло в груди, и огнём обожгло.

Окна переплёт показался решёткой,
Мелькают картины, так яркие и чётки,
И в сердце как будто вонзили кинжал,
А он в это время в овраге лежал.

Души твоей рыцарь, романтик, поэт,
И пылью забвенья покроется след.
Блуждает по стенам растерянный взгляд,
Они дату смерти его исказят.

Увидела ясно: во мраке ночи
Стоят у обрыва, как тень, палачи.
В окно сиротливо смотрела луна.
Его ты женою когда-то была...

НИКОЛАЙ САБОДАХ

ЛиТО «Верность», г. Краснодар

* * *

Не для войны рождает мать детей,
Желая малышам счастливой доли.
Да молоко её всегда сытней
С любовью нежной на родных приволях.

Оно в час грозный в отпрысках шумит,
Взывая к ним – закрыть собой дом отчий.
И мать, решаясь, их благословит...
А в горле ком... с ним справиться нет мочи.

У глаз ископанный платка батист...
А над калиткой месяц бродит хмурый,
И ветер рвёт с рябин багровый лист,
В бессилье воя пред стальной бурей.

А воины, подняв возмездья меч,
Разят вражину лютого с отвагой,
Чтоб родину и мать своих сберечь
От поруганья шакаля ватагой.

Их знамя – правда. В мыслях – прочный мир.
Не о себе пекутся эти люди.
Прости их волю мать... тихонь, задир.
Победа так и так за ними будет.

Русской женщине

Она всегда торопится куда-то,
В потоке дел за нею дни бегут;
Заложница привычного формата
Уклада жизни, влезшая в хомут,

Тянуть самую выбранную лямку,
Когда под плетью, а когда в цветах,
В речах хвалебных, дорогих подарках –
За труд её... на совесть – не за страх.

Заслуженные почести приятны...
На службе ли, в семье нашла восторг...
Но, счастье замарав, темнеют пятна
на разуме: на самом деле кто

Я:

мать, сестра, жена, служанка, дочка?
Пусть это так, но кто поймёт меня:
Мне б вышагнуть из цепкого рядочка,
Стать просто женщиною, маску сняв.

Спиной мужское чувствовать внимание,
Богиней быть, желанной, дорогой...
И с затаённым, трепетным дыханьем
Услышать голос искренний, родной:

«Любимая, единственная, радость,
Царица дум и сердца моего,
Ты – лучшее, что в жизни мне досталось,
Любовь твоя – бесценный дар богов».

Что может быть любви на свете краше?
Я искренне, с поклоном к вам, земным,
Шлю пожеланье – милые вы наши...
Сияйте ярче солнечной весны!

Уют домашний дорогого стоит...
Спокойствие семейное хранит;
И тянут в дом сильнее, чем магнит,
Тепло души и чистые обои.

Ей незнакома лень в узах скуки,
Хранительнице чудо-очага,
Рассвет она встречает на ногах,
И массу разных дел находят руки;

Разложит, как по полочкам, все темы...
Достойна добрых, истинных похвал,
унять умеет и девятый вал,
Ответ найдя к решению проблемы.

Среди домашних чад, их шума, гама,
Ты устаёшь... но каждый новый день,
Смахнув с лица недосыпания тень,
Ты вновь в работе – труженица, мама.

Дочери России

Да! У войны не женское лицо.
Твердит молва, оберегая их –
Родных, любимых, близких, дорогих...
От тяжких встреч с бушующим свинцом.

Но боли гнев кто б смог остановить,
Когда враг топчет землю у ворот?
И, слёзы вытирая у сирот,
На грозный суд идут... сражаться, мстить.

Блеск подвигов история хранит.
Живых и мёртвых в бронзе имена...
А лиц отвага смертью внедрена
В людскую память, мрамор и гранит.

С огнём ворвётся в дом злодей лихой...
Не счесть в России храбрых героинь...
Они умрут за то, чтоб неба синь
Над Родиной сияла чистотой!

АЛЕКСЕЙ ШУТЁМОВ

ЛиТО «Верность», г. Краснодар

* * *

Продуваемый дом, где не держит седая крыша
Ни дождей небольших,
ни мелких летучих снегов...

Где морозами или жарой хрипло стены дышат,
Где под полом болото хлупает в ритме шагов.

И в палатке мне было теплей, а очаг горячий
Не согреет, вот только

от дыма нельзя вздохнуть.

Но до этого дома на карте путь обозначен,

И не хочется снова

срываться в неведомый путь.

* * *

Здесь я рождён. Но словно чужая планета...
Будто нельзя скафандр тяжёлый снять.
Будто сожжёт глаза нестерпимым светом,
И невозможно вдохнуть злого огня.

Кутаюсь в шубу, за шарфом лицо упрячу,
Резво спешу укрыться от злых ветров.
Мы чужаки на Земле. Простая задача.
Где-то в глубинах Вселенной родимый кров.

ТАТЬЯНА НЕМЧИНОВА*

г. Краснодар

О ГЕРОЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Памяти Оразшо Пояндашоева
(11.03.1948 – 25.03.2026)
посвящается

Воин невидимого фронта – именно так можно охарактеризовать боевой и жизненный путь нашего товарища, отдавшего много сил, знаний, таланта развитию ветеранского движения, Краснодарского краевого отделения "БОЕВОГО БРАТСТВА", кавалера двух орденов и пятидесяти пяти медалей Оразшо Пояндашоевича Пояндашоева. Насколько это был уникальный человек! Настоящий профи внешней разведки, писатель-публицист, востоковед, воин-интернационалист, прослуживший более четверти века в органах госбезопасности СССР, Первого главного управления КГБ СССР, КГБ Таджикской и Узбекской ССР.

Родился Оразшо Пояндашоевич в 1948 году – в неимоверно трудную послевоенную эпоху, однако, вопреки всему, в эпоху великих надежд, небывалого энтузиазма, во времена выдающихся открытий и достижений в области промышленности, науки, образования, литературы и искусства. Воспитывался в многодетной

семье на Памире, в таджикском маленьком горном кишлаке Чартым, судьбоносно находящемся на перекрёстке границ с Афганистаном, Пакистаном, Индией и Китаем.

Из воспоминаний О.П. Пояндашоева: *«У моих родителей было 12 детей, я второй по счёту. С раннего детства был физически вынослив, крепок. Да и как иначе, если школа находилась в 12 километрах от дома, добирались до неё пешком. Зимой нас нередко преследовали волки. И в этой связи мама попросила меня перевестись из третьего класса во второй, в котором учился брат, хотя я был круглым отличником, чтобы вместе ходить в школу – так было безопаснее. Знания мне давались легко – помогали любознательность и цепкая память... Мечтой моего детства было обрести такую профессию, чтобы достойно и преданно служить Родине. После десятого класса поступил на факультет восточных языков Государственного университета имени Ленина в Душанбе.*

В вузе тоже проблем с учёбой не было – хватал всё на лету: арабский и фарси давались легко. Всегда был активистом, старостой, пользовался уважением однокурсников и преподавателей. Не подозревал, что с первого курса за нами наблюдали люди из Комитета госбезопасности. Они часто посещали наши занятия, изучали студентов. Сначала присматривались ко мне как к возможному переводчику с восточных языков, но потом пригласили на должность штатного сотрудника... Безусловно, в первый момент я засомневался – смогу ли? Но преодолел сомнения и дал согласие».

Родители, узнав новость, с тревогой запротестовали: не желали сыну такой профессии, понимая, какую крайне опасную жизненную стезю он выбрал. Из рассказа Оразшо Пояндашоевича: *«Мама надеялась, что после университета я вернусь в кишлак и стану помогать семье. Но мой ответ в выборе профессиональной судьбы был твёрдым и непреклонным. Убедил тем, что смогу поддерживать и в таких условиях. Сбылась моя детская мечта – беззаветно служить Родине. Ребёнком надеялся, что, когда вырасту, смогу защищать слабых, бороться с несправедливостью, которую не терплю в любом виде. Могу пропустить несправедливость по отношению к себе, но к другим – никогда, за что, кстати, мне доставалось часто».*

С уверенностью можно констатировать – многовековой и многотрудный опыт, накопленный нашим российским многонациональным народом, генетически сформировал в этом легендарном чело-

веке важнейшие национальные черты, которые он всю жизнь сохранял в себе, преумножал собственными трудами: стремление к истине, готовность отстаивать высшие ценности, самопожертвование, чувство справедливости, доброту и сострадательность, прямодушие, отзывчивость и широту характера.

Сразу после окончания в 1971-м году университета, Пояндашоев начал службу в Комитете государственной безопасности и в том же году поступил в Высшую Краснознамённую школу КГБ СССР имени Ф.Э. Дзержинского. Далее с отличием окончил Краснознамённый имени Ю.В. Андропова институт КГБ СССР (ныне Академия внешней разведки), получив, таким образом, три высших образования, блестяще овладев при этом восемью иностранными языками: английским, персидским, русским, афганским, таджикским, узбекским, шугнанским и арабским. Будущих разведчиков готовили с максимальной нагрузкой. Круг их знаний и умений был огромен. В том числе скрупулёзная работа с архивами, изучение быта и нравов народонаселения Афганистана, особенности действий местных банд и оперативной обстановки. Для физической выносливости отрабатывали прыжки с парашютом, приёмы рукопашного боя, стрельбу из различных видов оружия и прочее, и прочее...

Через пять лет после выпуска из института КГБ в высшей степени подготовленного сотрудника направили в заграничную командировку. С 1979 года, более 10 лет, Пояндашоев находился в Афганистане. В 34 года ему было присвоено звание полковника и доверено выполнять обязанности советника и старшего советника органов безопасности Афганистана в зоне «Север», военного атташе советского посольства в Кабуле.

«Работа была очень опасной, – вспоминает Оразшо Пояндашоевич, – но я знал, куда шёл. Двадцать два раза я чудом избежал смерти: именно столько раз на меня совершали покушение, а также попадал в засаду или окружение, под многочисленные обстрелы... В те напряжённо суровые годы лично проводил переговоры с девятнадцатью главарями вооружённых формирований и диверсионно-террористических групп о прекращении борьбы против народной власти, в том числе с колоритной личностью Афганистана – Ахмадшахом Масудом, известным по псевдониму "Панджшерский лев". Местные меня тоже очень уважали за то, что я в совершенстве знал их язык, культуру и обычаи».

За дипломатию на высоком уровне, за талантливое умение договариваться с самыми непримиримыми главарями банд, которые в итоге складывали оружие и переходили на сторону законной власти, за то, что мог улаживать конфликты даже между заклятыми врагами, умел посадить за стол переговоров две противоборствующие стороны, Пояндашоев получил от своих коллег меткое прозвище «Переговорщик».

«В Афганистане мы никогда не разделяли друг друга ни по национальности, ни по вероисповеданию, ни по регионам. Мы всегда берегли своих шурави (советских), да и афганцев, как зеницу ока. Более четырнадцати тысяч советских бойцов-героев – сынов всех советских республик – встретили свой смертный час за сотни и сотни километров от Родины, от родных и близких... Русские, белорусы, казахи, таджики, узбеки, украинцы, дагестанцы, чеченцы, адыги и снова братья-славяне... Я помню, друзья мои, о вас, учивших и меня, и десятки таких, как я, – поначалу не обстрелянных в полевых условиях, – тому, как выжить в бою, и, главное, как победить! А потому и жизненное кредо моё суворовское: "Доброе имя должно быть у каждого человека, лично я видел это доброе имя во славе своего Отечества. Мои успехи имели исключительной целью его благоденствие"».

Поэтому особое место среди многочисленных наград Пояндашоева занимают два ордена Красной Звезды и восемь боевых медалей.

В 1989 году завершился вывод Ограниченного контингента советских войск из Афганистана. Возвратившись из долгосрочной командировки на Родину, славный сын России Оразшо Пояндашоевич Пояндашоев продолжил работу в Комитете Таджикистана. Многие годы был начальником контрразведки республики, затем заместителем председателя КГБ Таджикской ССР. В 1990-м году ему присвоили звание «Почётный сотрудник госбезопасности СССР».

В 2009 году, после насыщенной событиями службы, ветеран боевых действий Пояндашоев со своей семьёй переехал в столицу казачьей Кубани город Краснодар, где сразу же включился в общественную работу. Советник 2-го ранга (генерал-лейтенант), обладающий широким спектром знаний – в том числе военных и научных, с компонентами этики, духовности и высокой культуры, колоссальным жизненным опытом, был назначен руководителем антикоррупционной службы Российской Федерации «КОБРА» по Краснодарскому краю, экспертом Общероссийского народного фронта. Вскоре

к ним добавилась и должность в ветеранском движении. Он единогласно был избран заместителем руководителя Краснодарского краевого отделения «БОЕВОГО БРАТСТВА» и сразу крепко и ответственно взялся за дело. Неистовый общественный деятель, ветеран-«афганец» буквально с первых шагов на Кубанской земле зарекомендовал себя как великолепный организатор работы с молодёжью. Обладающий энциклопедическими знаниями, прекрасный оратор, трибун, патриот, он стал хорошо известен в Краснодаре и в крае, вносил огромный вклад в военно-патриотическое воспитание подрастающего поколения.

Традиционные выступления перед студентами вузов и школьниками старших классов – более пятидесяти в год, центральное участие в проведении «круглых столов», международных, межвузовских военно-исторических и научно-практических конференций, выступление в роли эксперта по проблемам борьбы с международным терроризмом и экстремизмом сформировали высокий авторитет Пояндашоева в ветеранских и общественных кругах. При этой нагрузке Оразшо Пояндашоев успевал добросовестно исполнять обязанности члена президиума региональной ассоциации «За солидарность в борьбе с экстремизмом и терроризмом», члена Совета ветеранов УФСБ России по Краснодарскому краю.

Практически сразу после переезда в Краснодар Пояндашоев активно взялся за написание книг. За годы до 2020-го им издано восемь авторских книг, посвящённых Афганистану, проблемам противодействия международному экстремизму и терроризму, обеспечения безопасности государства, вопросам образования и комплексного воспитания молодого поколения, вызвавших большой интерес у широкого круга читателей. Вот названия некоторых из них: «Быт и нравы народов Афганистана», «Проблемы и секреты международного терроризма. Россия и мир», «Стратегия комплексного воспитания молодёжи. За жизнь и счастье грядущих поколений», «Комплексный подход к патриотическому воспитанию молодёжи Кубани». Также за годы своей жизнедеятельности он написал более 100 научных статей.

В 2021 году Пояндашоев был принят в Союз писателей России. Автор этой статьи в рекомендации для вступления Оразшо Пояндашоева в писательский союз отметила: «В своих уникальных литературно-публицистических трудах О.П. Пояндашоев сполна, всесторонне и профессионально способствуя гармонизации межнациональных отношений в современном мире, проявляет себя и как глубоко мыслящий педагог и психолог, политолог и культуролог, выдающийся мыслитель-философ, мужественный, убеждённо стойкий, честный гражданин России, истинный патриот – защитник России. Все труды Оразшо Пояндашоевича Пояндашоева бесценны: актуальны, содержательны, интересны, написаны понятным читателю чистым, художественно зрелым литературным языком, имеют наиважнейшее значение в современном сообществе».

В свою очередь, заместитель председателя Краснодарской городской организации «БОЕВОЕ БРАТСТВО» полковник Максимов Сергей Владимирович рассказывает: «Генерал-лейтенант в отставке Оразшо Пояндашоев прожил яркую и достойную жизнь, служил Родине верой и правдой. Его биография, если бы она была написана, готовый сценарий захватывающего сериала о работе спецслужб и разведчиков. Он был тем человеком, который встречал Ограниченный контингент Советских войск в Афганистане в декабре 1979 года, и тем, кто в феврале 1989 года обеспечивал его вывод из этой страны. В 2015 году им была написана книга «Россия под прицелом», в которой автор с прозорливой точностью предсказал конфликт на Украине со всеми вытекающими в дальнейшем последствиями, вплоть до начала специальной военной операции. Руководитель Краснодарского городского отделения полковник запаса Геннадий Романов, актив правления совместно с полковником в отставке Сергеем Третьяковым приняли решение по увековечиванию памяти Оразшо Пояндашоева в городе Краснодаре, где ушедший из жизни ветеран прожил и работал долгие годы. Также намерены собрать все написанные Оразшо Пояндашоевым книги и материалы и издать собрание его сочинений, организовать проведение ежегодного шахматного турнира его имени».

* Татьяна Павловна Немчинова – член Союза писателей России, член Правления КГО ВООБ «БОЕВОЕ БРАТСТВО»

ЛАРИСА ЕСИНА

г. Краснодар

ОСКОЛКИ ПАМЯТИ НА ТЕАТРАЛЬНЫХ ПОДМОСТКАХ: рецензия на пьесу Юрия Васина «Я помню»

Новая пьеса краснодарского драматурга Юрия Васина «Я помню» – это честный разговор о сегодняшнем дне, где прошлое становится ключом к пониманию настоящего. Приём ретроспективы позволяет автору донести простую, но фундаментальную истину: величие России – в её памяти. Мы – наследники истории, полной как трагических испытаний, так и триумфов. Долг каждого – хранить верность этому наследию, не забывая ни одной страницы летописи страны.

Именно поэтому события развиваются не в хронологическом порядке. Сначала драматург приглашает нас на линию фронта, в компанию бывалых бойцов СВО с позывными Енот, Бабай и Рыбак. Чуть позже появляется главный герой пьесы Кныш – в недавнем мирном прошлом программист Дмитрий Кнышов.

Тот самый дизайнер рекламного агентства, который на баннеры к 9 Мая поместил немецкого солдата в нашивках с фашистской символикой и немецкие танки с крестами. Ситуация не выдуманная. Юрий Васин даже немного приукрасил действительность, наделив рабочих принципиальной избирательностью – по сюжету пьесы, они отказались развешивать это безобразие к Празднику Победы. В реальной жизни, к сожалению, такие баннеры всё-таки появились на улицах небольшого городка в Ростовской области и стали поводом для громкого скандала. Что это? Диверсия или чудовищное невежество поколения зуммеров?

Драматург кидает камешек в огород современного образования:

«Татьяна Павловна: ... Ты в школе вообще не учился? На уроки истории не ходил?»

Дмитрий: Ходил... У меня четвёрка была...».

Но только ли уроки истории в школе виноваты? Поколение 60-х – 70-х выросло на военных фильмах «Батальоны просят огня», «Летят журавли», «В бой идут одни старики», «Семнадцать мгновений весны», «Они сражались за Родину», «А зори здесь тихие»... Каждый фильм – художественно-документальная история, потому что актёры не столько играли, сколько заново проживали свой фронтовой опыт, а сценаристы переносили на бумагу то, что видели собственными глазами. Поэтому мы, как минимум, визуально умели отличить фашиста от воина советской Красной армии. Но современная молодёжь телевизор не смотрит, да и военную классику в сетке вещания увидишь нечасто. В популярных среди диванных бойцов «танчиках» другие знаки отличия на виртуальной технике, а реальной службой в армии мало кто из них может похвастать.

Директор рекламного агентства не просто так сокрушается:

«Татьяна Павловна: О Боже! Зря тебя, Тимочка, мама твоя от армии отмазала! Ох, зря! Нужно тебе в армию. Я бы даже сказала, жизненно необходимо! И чтоб, как при царе-батюшке, в рекруты, лет на двадцать пять! Там бы тебя научили Родину любить!».

Как бы отнеслись сослуживцы Кныша, узнав о его «косяке» в рекламном агентстве? Мягко говоря, точно не одобрили бы. Но они его принимают, потому что перед ними уже не легкомысленный юноша, а человек, для которого фраза «преемственность поколений» не пустой звук:

«Кныш: Прадед мой погиб в этих местах в сорок третьем, освобождая Украину.

Енот: Вопросов больше нет.

Бабай: Срабатываемся».

Драматург не ставит крест на поколении, не знающем историю своей страны: это взрослые виноваты в том, что они такими выросли, не испытывая ни в чём нужды. Эту мысль отражает сюжетная линия непростых взаимоотношений Дмитрия с матерью. Казалось бы, оба друг друга любят, а понимания нет:

«Дмитрий: Чего ты лезешь! Кто тебя просил?

Любовь Сергеевна: Я же мать!

Дмитрий: Как ты уже достала! Ты шага не даёшь ступить! Сколько можно?

Любовь Сергеевна: Я же тебя люблю...

Дмитрий: Хватит врать! Люблю! Ты обвила своей любовью, как удав, и душишь, душишь, душишь!».

Путь к взрослению – умение самостоятельно принимать взвешенные решения и быть там, где в тебе нуждаются больше всего. Образ Дмитрия динамичен: из почти негативного программиста-циника он превращается в юношу с активной гражданской позицией:

«Дмитрий: (...) Год назад, если бы кто-то сказал, что я добровольно возьму в руки оружие и слово «Родина» для меня будет что-то значить, я бы покрутил пальцем у виска, и всё. А сейчас, сейчас я знаю, что должен быть там. И Родина – это не пустой звук, не отметка в паспорте. Понимаешь? Орден деда, его письма, мне трудно объяснить словами...».

Что же столь разительно изменило главного героя? Память! Письмо деда с фронта! То, что почти в каждой семье есть, но хранится где-то далеко, на антресолях. Но это именно то, что нужно, чтобы сейчас одержать Победу над неофашизмом. В раненых бойцах в госпитале Дмитрий видит черты воинов Великой Отечественной войны. Недаром, по задумке драматурга, бойцов СВО и офицеров РККА должны играть те же актёры. Да и задачи и на сцене, и в жизни они решают похожие. Сравним. Эпизод Великой Отечественной войны:

«Лейтенант достаёт карту, разведчики его обступают.

Лейтенант: (...) Где-то в этом районе расположены артиллерийские позиции немцев. Орудия крупнокалиберные, и, если их не уничтожить, много бед они натворят при нашем наступлении. Воздушная разведка их выявить не смогла, поэтому наша задача сегодня, как стемнеет, перейти линию фронта, обойти террикон и оборудовать наблюдательный пост на его восточном склоне...».

Наше время. Перед дроноводом Кнышом, по сути, стоит та же задача, а роль наблюдательного пункта теперь успешно выполняет беспилотник:

«Лейтенант: (...) Сегодня вечером выходим. (...) Задача у нас такая: (Достаёт карту.) Нам нужно доставить товарища Кныша со всеми его побрякушками вот сюда. (...) Он у нас крутой дроновод, пощупает своей птичкой, что там начальству нужно, и всё, домой».

По сюжету пьесы, дед Дмитрия Кнышова не вернулся с задания. Вернётся ли Кныш? Автор не даёт определённого ответа, но приоткрывает завесу тайны в заключительном полилоге погибших Енота, Рыбака и Бабая, для которых «война уже закончилась», и которые «сделали всё, что могли, даже больше»:

«Бабай: Жаль только, Кныша не уберегли.

Рыбак: Ничего, организм молодой, выкарабкается. Да и лейтенант наш – мужик крепкий, должен его до своих дотащить. Осталось-то им самую малость, две лесополки. В госпитале подлатают, и будет как новый».

Драматург оставляет читателю и зрителю призрачную надежду на спасение главного героя, которого очень ждут дома. В монологе Лены, невесты Дмитрия, звучит эхо чувств каждой женщины, чей родной человек сейчас на передовой. Это исповедь, в которой переплелись горечь разлуки и светлая надежда – чувства, знакомые сегодня многим матерям, жёнам, сёстрам, дочерям:

«Лена: Больше месяца от тебя нет никаких известий. (...) Все плохие мысли гоню прочь. Знаю, всё будет хорошо, ничего с тобой не случится. Не должно случиться! Верю, ты обязательно вернёшься».

Именно благодаря невесте изменился Дмитрий. Выполняя её просьбу помочь с презентацией ко Дню Победы, он нашёл и письма с фронта, и орден Красной звезды деда. А вот Лена лишена внутренней динамики, и в этом её сила. Она остаётся верна себе от первого до последнего акта, воплощая собой незыблемый тыл – опору, которая не имеет права на колебания. «Жди меня, и я вернусь» – стихотворение Константина Симонова и в наши дни актуально, как никогда. Ещё одна ассоциативная параллель, раскрывающая грани смысла в названии пьесы «Я помню».

О чём она? На мой взгляд, прежде всего об исторической памяти. История – это не столько то, что было, сколько то, что определяет нас сегодня. Отсекая прошлое, мы добровольно лишаем себя идентичности, становясь лёгкой добычей для любых манипуляций. Забвение прошлого – тихая угроза, обесценивающая подвиги отцов и дедов. Отсекая память, становишься безликим странником, лишённым духовной опоры и чувства сопричастности к великой судьбе предков. Драматург Юрий Васин убеждает в том, как важно однажды сказать себе: «Я помню». Даже если не забывал.

ЛЮБОВЬ СИРОТА-ДМИТРОВА

г. Новороссийск

**«Я СЧАСТЬЕ СТРАДАТЬ И ЛЮБИТЬ
ЗА ЛЁГКУЮ ЖИЗНЬ НЕ ПРОДАМ...»**

О поэзии Лидии Вдовченко

Написать о стихах ейского поэта Лидии Вдовченко мне хотелось давно.

Мне и раньше не раз доводилось писать статьи, заметки, очерки о стихах поэтов, с которыми я была лично знакома. А с кем-то даже дружна. Признаться честно, эта задача поначалу казалась мне трудной: как сохранить объективность, как писать, не проецируя своё личное отношение к автору на оценку его творчества? Но со временем обнаружилось, что эта работа мне по душе! Потому что это ведь радость – говорить о хорошо знакомом и любимом. Стихи друзей и просто добрых знакомых уже вошли в мой собственный «жизненный багаж» – отчего бы не поделиться нажитым богатством с друзьями, с теми, кто оценит то, что ценно для меня?

Что касается объективности – я на неё не претендую. Говоря о том, что мне дорого или просто нравится, я, безусловно, пристрастна. Да и возможна ли вообще полная беспристрастность, если речь идёт о поэзии?

С Лидией Вдовченко и её творчеством я познакомилась давно – сначала «виртуально»: мы нашли друг друга в интернете, на бескрайних просторах портала Стихи.ру. А спустя недолгое время встретились «в реале». Что неудивительно: живём-то в одном крае, хотя и в разных городах. И поныне продолжаем дружески общаться. Главной (хотя и не единственной) темой разговоров остаётся, конечно, поэзия.

Всё это время – почти полтора десятка лет – я с удовольствием наблюдаю за тем, как крепнет, набирает силу и свободу её творчество. За эти годы Лидия Вдовченко (для меня – просто Лида) выросла из талантливого и многообещающего стихотворца в зрелого, яркого поэта.

Прежде всего, хочу сказать о содержании её стихов. Разумеется, единство формы и содержания в поэзии – своего рода аксиома, и в попытке их расчленить изначально присутствует некоторая искусственность. И всё-таки я начну именно с содержания. Потому что, на мой взгляд, сама избираемая автором тематика стихотворений – это неизбежное и явное отражение его личности, его характера, интересов, принципов.

Впрочем, иногда приходится слышать о том или ином поэте: «Он не похож на свои стихи». Да мне и самой известны авторы, чья муза, казалось бы, выбрала не того: в стихах поэт выглядит совсем другим, не похожим на себя – человека. Этому, вероятно, есть объяснение: кто-то скрытен в жизни – и только в стихах раскрепощается и раскрывается; кто-то, напротив, пытается «изобразить из себя» нечто иное, ему не присущее.

Однако это ни в коей мере не относится к Лидии. В своих стихах она, по меткому выражению, как на ладони. Хотите узнать, что она за человек – читайте её стихи. Особенно характерно это проявляется в её гражданской лирике: чёткая позиция, принципиальность, патриотичность – всё не надуманное, не показное. Истинное. Она не спекулирует на «горячих» темах – у неё действительно болит душа. И читатели это, безусловно, чувствуют.

«Не каждому дано писать о войне без лишних соплей, без сюсюканья. Не каждый может донести самую страшную правду, её леденящее дыхание. Сколько надо душевных сил, чтобы сначала переварить это в себе. Чтобы потом эти строки рваными осколками снарядов натовского калибра царапали в кровь нервы и чувства тех, кто этого никогда не видел».

Эта цитата – отклик одного из читателей на стихотворение Лидии Вдовченко «Мариуполь». Отклик далеко не единственный.

«Потрясающей силы стихи».

«Просто мороз по коже от стиха. Благодарю Вас, сударыня, за Ваше дарование, смысл жизни и вдохновение».

И ещё, и ещё... Люди, написавшие эти слова, незнакомы лично с автором, но их «пробрало». Ибо это стихи поэта, думающего и чувствующего в унисон с ними – и сумевшего передать всю силу и искренность этих переживаний.

Это только один пример. Можно было бы привести ещё много... Читателя не обманешь. Люди чувствуют *настоящее*.

Однако это свойство Лидии-поэта, неотъемлемое от характера Лидии-человека, её твёрдость и принципиальность, граничащая иногда с непримиримостью, вовсе не означает «упёртой» категоричности и негибкости. Поэт способен услышать иное мнение, прислушаться к нему, но главные устои, ориентиры, представления о том, «что такое хорошо и что такое плохо», в ней непоколебимы.

Гражданственная лирика – далеко не единственная сторона её творчества. Любовная, пейзажная лирика, баллады, песенные тексты, стихи для детей... Круг её интересов и поэтических пристрастий широк и разнообразен.

Да и с чувством юмора у неё, между прочим, тоже всё в порядке.

И за всем этим – всё тот же неугомонный характер и влюблённость в жизнь.

Приветствую стихии буйство
и совершенство белизны!

Это о снежной буре («Настроение»).

Сердце рвётся из сетей
Рваных туч – ему страстей
Ох, как хочется!

А это – о начале весны («Мартовское»).

Да, вот такая она: страстная, порывистая, жизнелюбивая!

...Что касается формальной стороны её стихов – а иначе говоря, поэтического мастерства – мне тоже есть что сказать. Более того: я могла бы, наверно, написать целый трактат о версификационной технике и стихотворческих приёмах вообще – и чуть ли не каждый пункт этого труда проиллюстрировать цитатами из Лидиных стихов. О чём бы ни зашла речь – о нетривиальных эпитетах, о неожиданных метафорах-находках, о звукописи и неологизмах – всё это найдётся в её поэтическом арсенале. Её образы свежи и небанальны, её поэтический почерк размашист и смел. И эта смелость, иногда даже лихость – тоже проявление её характера.

Тут хочу немного оговориться (чтобы мой текст не превратился в один сплошной панегирик, немного снижу градус восторженности). Порой Лиду «заносит»: та же самая неугомонность и размашистость перехлёстывает через край, рождает образы избыточные – иногда вплоть до нелепости, с точки зрения читателя, не посвящённого в ход её летящей мысли. Но так бывает нечасто. И надо отдать справедливость её чутью: она способна почувствовать, что «переборщила», и осадить норовистого Пегаса.

Она вообще необычайно трудолюбива и готова работать над словом, гранить и шлифовать текст до тех пор, пока все слова и образы не станут на свои – самые верные – места. На мой взгляд, это очень важное умение для поэта. Среди стихотворцев начинающих (а иногда и продолжающих) бытует мнение: стихи, мол, – это то, что «надиктовано свыше», и работать над ними – это значит превращать поэзию в ремесленничество. А на мой взгляд – это и есть искусство. Возможно, и есть такие Божьи избранники, на которых «нисходят» готовые гениальные строки, но мне в это слабо верится. Достаточно вспомнить черновики Пушкина – того самого Пушкина, чей герой утверждал, что «мысль из головы поэта выходит уже вооружённая четырьмя рифмами, размеренная стройными однообразными стопами». Я убеждена, что даже у гениев работа над словом – неизбежный этап, только, может быть, эта работа у них происходит быстро, интуитивно и почти не осознаваемо.

Лида работать умеет и любит. И на одно только «озарение свыше» не полагается. Я знаю, о чём говорю: я видела, как она работает над текстом, доводя его если не до совершенства, то, по крайней мере, до безупречности. А то и до блеска.

Стихи растут, как лес, в долине многословья –
И те, что с кривизной – корчует карандаш.
(«Вдвоём, глаза в глаза...»)

Это сказано о редакторской работе. Но в равной степени это можно отнести и к её кропотливой работе над собственными стихами.

Я перечитываю хорошо знакомые мне стихи Лидии Вдовченко – и испытываю радость, которая сродни удовольствию меломана от хорошей музыки. Некоторые её строки хочется смаковать и цитировать.

Например, вот это:

Сентябрьские лежали яблоки
В подоле ивовой корзины,
Их трутни лапали, как бабники,
Сквозь дыры прутьев и холстины.
(«На ярмарке»)

Или вот это:

Радовался город, изнурённый жаром,
И кричали: «Браво!» – жертвы духоты.
Грели в тучах воду
солнца кочегары,
Чтоб купались кошки, шляпки и зонты.
(«Прогулка под дождём»)

Сквозь щели ставней, будто устрицы,
Соседи сонные глядят.
(«У окна»)

Поэтическая зоркость плюс неожиданность образов, к тому же приправленная несомненной улыбкой – это ли не свидетельство умного таланта?

А чего стоят её словотворчество, её лёгкость и свобода в обращении с богатством родного языка:

Лучше лежать у моря,
Чем ковылять пешком,
Мягкий асфальт узоря
Туфельковым стежком.
(«Жаропонижающее»)

Или такое наблюдение:

...Вороньё двугорлово
терзало тишину – котов коварней.
(«Какое утро!»)

Растения и животные, природные явления, предметы – всё у Лиды живое, одушевлённое.

Было время, когда я упрекала её в том, что она слишком увлекается «любовыми» олицетворениями. Мне не слишком интересна картинка ради картинки, очеловечивание ради очеловечивания, говорила я ей. По мне – это игра в куклы: можно, конечно, наряжать явления природы в одежды, разговаривать за них и т.д. Но это как бы начальный уровень воображения. Это хорошо в стихах для детей. Для «взрослой» поэзии этот путь, на мой взгляд, примитивен. Мне хочется, чтобы в стихотворении было ещё что-то. Может, свежая мысль. Может, параллель с состоянием твоей души.

Сейчас я читаю её более поздние стихи – и радуюсь «повзролению» её музыки. Она не перестала «оживлять» что угодно – но теперь это не примитивное олицетворение, а именно одушевление. Она вдыхает душу в то, о чём пишет. Бывает, что лёгкий штрих, точное наблюдение работают лучше всяких пространственных разглагольствований. Можно, к примеру, живописать засуху так и этак, описывать ужасы её проявлений, – а можно сказать как бы вскользь: «Трещины видны на пятках свёклы». И картинка готова.

Или, например, о ранней весне:

Сад проснулся.
Но почки – в скорлупках пока:
Не окрепли зелёные клювы.

Или о ночном пляже:

Брадобреи-волны, лезвием
Скулы валунам побрив,
Лежаки скребут облезлые,
Пеной брызжут на обрыв.

А до чего хорош, например, «февральский дождь на голубом экране вспотевшего от радости окна». Или это: «Под ногами – кровь и мякоть суицидников-плодов».

Сейчас Лидия – член Союза писателей России, автор четырёх книг, участник многих мероприятий, организуемых и проводимых региональным отделением Союза, редактор рукописей начинающих авторов – участников молодёжных литературных семинаров. Её творческий уровень и профессионализм не вызывают сомнений даже у самых строгих судей.

Напоследок хочется процитировать полностью одно из моих любимых стихотворений Лидии Вдовченко.

Цветущего жасмина водопад
писать всю ночь и не ложиться спать,
что для поэта пылкого нередко,
и видеть ветра майского восторг,
ныряющего в лепестков поток –
летающего к подножию беседки.

А утром, очумев от куража,
усталою рукой тетрадь зажав,
по комнатам разбуженным носиться,
под грудю подушек, простыней
выискивать любимых сыновей
и тормошить их заспанные лица.

Но нет, не знают сыновья мои,
что от природы лишены любви
божественной прелестницы Евтерпы –
и недовольно на меня воззрят,
и не поймут, чего от них хотят,
однако все мои причуды стерпят...

Высокою бурлящею волной
воспрянут ветки за моей спиной,
и белой пеной лепестки осядут
на всю длину дощатого стола
и на тетрадь, которая ждала
моих ночных каракулей осаду.

Впрочем, продолжать цитирование можно бесконечно. Но резоннее – просто посоветовать: читайте стихи Лидии Вдовченко. Вас ждёт немало «открытий чудных».

* * *

Редакция журнала «Краснодар литературный» сердечно поздравляет автора статьи, заслуженного работника культуры Кубани, поэта, члена Союза российских писателей Любовь Евгеньевну Сироту-Дмитрову, отметившую 3 июня 2026 года своё 75-летие.

ВАЛЕРИЯ СМОЛЕНКО*

г. Краснодар

ПОСЛЕДНЕЕ ЖЕЛАНИЕ РЫБЫ

Рассказ

В школе его не замечали. Не били, не дразнили — просто смотрели сквозь, как сквозь стеклянную дверь, за которой никого нет. На уроках он сидел на последней парте, на переменах — на подоконнике. Даже учителя иногда забывали его имя. Не со зла. Просто — незаметно.

Дома было не лучше. Мать возвращалась с работы усталая, падала на диван и включала телевизор. Они разговаривали примерно раз в два дня: «Как школа?» — «Нормально». Отец ушёл полгода назад, обещал звонить, но телефон молчал. Тим давно перестал ждать.

Река была единственным местом, где он чувствовал себя не лишним.

Она текла за городом — там, где кончались дома и начиналось поле. Вода — тёмная, как заваренный чай. Берег — глинистый, скользкий. Местные не купались здесь, не ловили рыбу. «Дно илистое, утонуть можно», — говорили взрослые. Тим думал, что утонуть можно везде, если очень захотеть. А он не хотел. Ему просто нравилось сидеть с удочкой и смотреть, как поплавок покачивается на воде. В такие минуты можно было ни о чём не думать.

В тот день он пришёл позже обычного. Солнце уже клонилось к закату, тени от деревьев вытянулись и стали похожи на пальцы. Тим забросил удочку, поплавок упал и замер. Тишина. Только вода шептала что-то берегу.

Потом поплавок дёрнулся. Не так, как дёргается рыба — резко и сильно. А как будто кто-то медленно тянул его вниз, не отпуская. Тим подсёк. Леска натянулась, удилище согнулось. Он потянул — из воды показалась ложка.

Старая, потемневшая, с вытертым узором на ручке. Тим повертел её в руках. Такие ложки он видел у бабушки в деревне. Она называла их «серебряными», хотя серебра там не было. Просто старые, с историей.

Он хотел выбросить её обратно в реку, но передумал. Сунул в карман. Зачем — не знал.

Поплавок снова дёрнулся. На этот раз по-настоящему.

Тим подсёк — и удочка чуть не вылетела из рук. Рыба была огромной. Чешуя сверкала серебром, но кое-где — тёмная, будто обгоревшая. Глаза мутные, как у слепых стариков. Она не билась, не трепыхалась. Она смотрела.

Тим хотел снять её с крючка, но рука замерла.

Рыба открыла рот.

— Отпусти, — сказала она.

Голос был тихий, скрипучий, как ветка, которую трёт о стекло. Тим не испугался. Удивился — да. Но не испугался. Когда ты так долго один, что удивляться уже почти разучился, говорить начинают даже рыбы.

— Что? — переспросил он.

— Отпусти, — повторила рыба. — Я расскажу тебе историю.

Тим опустил удочку. Рыба лежала в траве, тяжело дышала жабрами. Он наклонился.

— Ты... ты, правда, говоришь?

— Правда, — рыба моргнула. Мутное веко прошло по глазу, как занавеска. — Я старая. Мне двести лет, если считать по-вашему. Я плавала там, где теперь дома и дороги. Я помню всё.

— Что — всё?

— Деревню, — сказала рыба. — Там, под водой, улица. Дома. Люди. Они утонули давно, когда строили плотину. Но имена остались. Я помню имена.

Тим сел на корточки. Травы щекотала колени.

— Зачем мне их знать?

Рыба помолчала. Потом сказала тихо, так тихо, что он едва расслышал:

— Когда имя никто не произносит, человек умирает второй раз. Насовсем. Первый раз он умирает телом, второй — когда его забывают. Я не хочу, чтобы они умирали второй раз. Назови имя. Хотя бы одно. И отпусти меня. Тим смотрел на рыбу. На её мутные глаза, на обгоревшую чешую. Он подумал о своём отце — о том, как он ушёл и забыл позвонить. Может быть, его тоже кто-то ждёт на дне, чтобы назвать имя?

— Не знаю я имён, — сказал он.

— Знаешь, — рыба качнула хвостом. — Одно всегда есть.

Тим закрыл глаза. В голове было пусто. Потом откуда-то из темноты всплыло имя — не его, не мамино, не папино. Чужое. Он никогда не слышал его раньше, но язык произнёс сам:

– Марфа.

Рыба вздрогнула. Вся её старая, обгоревшая чешуя будто засветилась на миг.

– Марфа, – повторила рыба. – Она ткала ковры. Каждый вечер сидела на крыльце, смотрела на реку и пела. У неё был голос – тонкий, как леска. Её имя не называли восемьдесят лет.

Рыба замолчала. Тим снял её с крючка, отнёс к воде и опустил. Рыба качнулась, поплыла, но на полпути остановилась, повернула голову.

– Приходи завтра, – сказала она. – Ещё имена есть.

И ушла в темноту.

Ночью Тим не мог уснуть. Он лежал на кровати, смотрел в потолок и повторял про себя: «Марфа. Марфа, которая ткала ковры и пела на крыльце», – странное имя. Чужое. Но оно грело изнутри, как поток горячего чая.

Он взял тетрадь – старую, в клетку, где раньше решал примеры по математике, – и написал на первой странице:

«Марфа. Ткала ковры. Пела».

Потом добавил дату. И только тогда уснул.

На следующий день он пришёл снова.

Рыба ждала. Она плавала у самого берега, кругами, как собака, которая высматривает хозяина.

– Я думал, ты мне приснилась, – сказал Тим.

– Рыбы не снятся, – ответила рыба. – Рыб ловят или не ловят. Придумал имя?

Тим открыл тетрадь. За ночь он успел записать три имени, которые пришли из ниоткуда – во сне, в шелесте штор, в каплях воды из крана.

– Кузьма, – прочитал он.

– Кузьма, – повторила рыба, и голос её стал мягче. – Староста был. Когда пришла вода, он не захотел уходить. Сказал: «Я тут родился, тут и умру». Он сидел на крыше своего дома и ждал, пока вода поднимется. Его нашли только через неделю. Он улыбался.

Тим записал в тетрадь: «Кузьма. Староста. Не ушёл».

– Ещё? – спросил он.

– Ещё, – кивнула рыба. – Много.

Так начались их встречи.

Каждый день после школы Тим бежал к реке. Садился на берег, опускал ноги в воду – мать ругалась, что промочит обувь, но он уже научился снимать кроссовки заранее – и называл имена. Они приходили из ниоткуда, как будто кто-то нашептывал их из глубины. Или изнутри.

Агафья – та, что растила семерых детей и ни разу не повысила голос.

Еремей – мастер, который делал ложки. Те самые, с узорами. Ложка Тима – та, которую он вытащил в первый день, оказалась его работой.

Пелагея – невеста, что ждала жениха с войны. Он не вернулся. Она так и не вышла замуж, ходила на обрыв и смотрела на дорогу.

Никодим – мальчик семи лет, который утонул за год до большого потопа. Его имя забыли быстрее всех.

Рыба рассказывала о каждом. Коротко, сухо, иногда – в две строчки. А Тим записывал. Тетрадь толстела, имена множились.

Он заметил, что в школе перестали смотреть сквозь. Нет, друзей не появилось. Но изменилось что-то в нём самом. Он больше не сгибался на уроках, не прятал глаза. Даже двойку по физике получил – и не расстроился. Потому что теперь у него была тайна. Целый подводный мир, о котором никто не знал.

Рыба научила его молчать. Не просто не говорить – а хранить.

Через три недели в тетради было сорок три имени.

Тим перечитывал их перед сном, как молитву. Ему казалось, что когда он произносит их вслух, где-то под водой, в темноте, зажигаются маленькие свечи.

Но рыба стала меняться.

Она приплывала всё медленнее. Чешуя её потускнела, глаза побелели совсем. Она почти не шевелилась, лежала на мелководье, тяжело дышала.

– Ты болеешь? – спросил Тим.

– Я устала, – ответила рыба. – Двести лет я помнила. А теперь, когда вы забываете, я умираю вместе с вами. Но не бойся. Это правильно. Никто не должен помнить вечно.

– Но я же помню! – крикнул Тим. – У меня тетрадь! Сорок три имени!

Рыба посмотрела на него. В её мутных глазах блеснуло что-то, похожее на улыбку.

– Ты помнишь их, – тихо сказала она. – Но есть одно имя, которое ты ещё не назвал. Самое важное.

– Какое?

– Ты знаешь.

Рыба развернулась и медленно ушла на глубину. Тим остался на берегу. В руках – тетрадь. В голове – пустота.

Он перечитал все имена. От Марфы до последнего, сорок третьего. Ни одно не отозвалось тем внутренним толчком, который рыба называла «самым важным».

Мать спросила: «Ты чего такой задумчивый?». Он сказал: «Ничего». Мать не поверила, но не стала спрашивать дальше – боялась, наверное, что он заплачет. А он и вправду чуть не заплакал. Потому что понял: самое важное имя – то, которое он боится произнести.

Отец.

Не его имя – он знал, как звали отца. А то, что это имя ни разу за три недели не пришло к нему из глубины. Почему? Потому что отец жив? Или потому, что Тим сам вычеркнул его из памяти? Ведь если человек уходит сам – его не надо спасать? Или надо?

Он не знал ответа.

Утром он снова пришёл к реке.

Рыба ждала. Совсем старая, почти прозрачная. Тим опустился на колени.

– Я не знаю, – сказал он. – Я не знаю, могу ли.

– Можешь, – прошептала рыба. – Ты всегда мог. Просто боялся.

– А если я назову, он вернётся?

– Нет. Имена не возвращают. Они только напоминают, что человек был. И это всё, что мы можем.

Тим закрыл глаза. Губы шевельнулись сами:

– Андрей.

Имя упало в воду, как камень.

Рыба молчала долго. Так долго, что Тим испугался – не умерла ли она. Но потом она сказала:

– Андрей. Твой отец. Он не звонит не потому, что забыл. Он звонит, но набирает твой номер и сбрасывает, потому что боится, что ты скажешь: «Ты нас бросил». Он ждёт твоего звонка. Так же, как ты ждёшь его.

Тим заплакал. Не стыдясь, не вытирая слёзы. Они текли по щекам и падали в реку.

– Зачем ты мне это сказала? – прошептал он.

– Чтобы ты не ждал, – ответила рыба. – Чтобы ты сам позвонил.

Она качнулась и стала погружаться.

– Подожди! – крикнул Тим. – А ты? Я ещё не все имена назвал!

Рыба уже почти скрылась в темноте. Последнее, что он увидел, – её хвост, мелькнувший серебром.

– Есть одно, последнее имя, – донеслось из глубины. – Моё. Я хранила чужие имена двести лет. А своё забыла. Ты назови. Любое. Какое захочешь.

И исчезла.

Тим сидел на берегу до темноты.

Вода шептала, ветер шелестел травой. Он смотрел на свои кроссовки, на тетрадь, на ложку, которая лежала в кармане. Он не знал имени рыбы. И никто не знал. Может быть, у неё его никогда и не было.

Но он поднял голову к небу, где уже зажглись первые звёзды, и сказал громко, чтобы услышали все – и рыба, и отец, и те, кто ждёт на дне:

– Ты – Память.

Звезда упала. Или не звезда – может, просто катер прошёл где-то далеко. Но Тиму показалось, что река вздохнула.

Он взял телефон. Долго смотрел на контакт «Папа». Нажал вызов.

– Алло? – голос отца дрожал.

– Пап, – сказал Тим. – Ты как?

По ту сторону реки зажглись огни. По эту – кто-то плакал. Но теперь это были слёзы облегчения.

Он шёл домой и чувствовал, как за спиной, в тёмной глубине, кто-то улыбается. Рыба без имени. Которая двести лет помнила чужие имена, чтобы однажды – однажды – услышать своё.

Утром Тим проснулся раньше будильника.

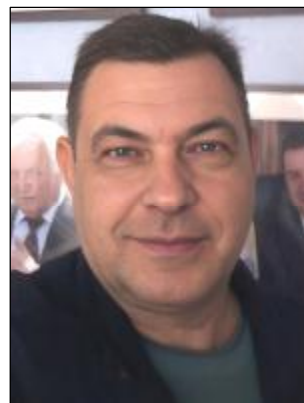
Он открыл тетрадь. Имена смотрели на него с первой страницы до последней. Марфа, Кузьма, Агафья, Еремей... Все сорок три. И одно, самое последнее, написанное дрожащей рукой на обложке:

«Память. Ей двести лет. И она устала».

Тим закрыл тетрадь и улыбнулся.

Сегодня после школы он снова пойдёт к реке. Не с удочкой. С хлебом. И будет сидеть на берегу, смотреть на тёмную воду и просто вспоминать. Потому что иногда это всё, что нужно рыбам и людям.

* Автору, Валерии Смоленко, 16 лет.

АЛЕКСЕЙ САЗОНОВ

г. Новороссийск

Алексей Сазонов в 1994 году окончил факультеты филологии и психологии КубГУ (оба факультета параллельно). В 2003 году окончил юридический факультет того же университета. С 1994 по 1999 год работал пресс-секретарем начальника УВД г. Новороссийска, публиковался в местных газетах, в ведомственных журналах. С 2000 года и по настоящее время работаю адвокатом.

Мысли написать публикуемую в журнале сказку появилась спонтанно: одного из её персонажей Ягошку придумала дочь, которой тогда было лет 7, – она написала малюсенькую сказку про Ягошку, который раньше пакостил детишкам, а потом понял, что это плохо и исправился, став со всеми дружить.

СКАЗКА СТРОГОГО РЕЖИМА
или страсти по яйцу Кощееву
Повесть

*Памяти сестры моей, Елены Сазоновой,
почётного работника прокуратуры РФ,
посвящается*
Автор

Страшные гримасы искажали незнакомые лица. Эти лица, постепенно убыстряясь, кружились в хороводе спёртого воздуха под жуткий ритм невидимых барабанов. Дышать становилось неимоверно трудно. Уродливый хоровод все убыстрялся и убыстрялся, сбивая своим ритмом дыхание... Испуганный Валерка сильно зажмурился.

«Странный сон», – подумал мальчик. Он повернулся на бок и медленно открыл глаза.

За окном плацкартного вагона проплывали летние пейзажи русского леса. Колёса поезда монотонно отстукивали азбуку Морзе: тук-тук-тук, тук-тук, тук-тук. Чайная ложка в такт колёсам билась о край стакана, вставленного в подстаканник. Такие стаканы всегда бывают в поездах, и Валерка их обожал. Лёжа на верхней полке, он смотрел в окно и пытался вспомнить настоящую азбуку Морзе, которой его когда-то учил отец: «Три точки, три тире, три точки... Конечно же! Это SOS – международный сигнал бедствия!». Сейчас колёса отстукивали именно его. И вдруг прежний ритм сбился, тормоза вагонов застонали жутким металлическим скрежетом. Вагоны с грохотом вздрогнули, и поезд, визжа, начал быстро терять скорость, заставляя пассажиров хвататься за всё, что можно. Состав дернулся ещё раз и замер. Замерла и чайная ложка в стакане.

– Что случилось? Авария? – громче всех спросила женщина из соседнего вагонного отсека.

– Неизвестно, – философским тоном ответил ей мужской голос.

В проходе появилась проводница:

– Уважаемые пассажиры, не переживайте! С нашим поездом всё в полном порядке. Просто впереди на путях ремонтные работы. Скоро мы поедem дальше.

– А что за работы, и как долго их будут проводить? – спросил бородатый дядька с нижней полки.

– Как только узнаю, сразу сообщу, – ответила проводница. – Да, ещё хотела сказать, в «титане» нагрелась вода. Кто хочет чаю, милости прошу.

Пассажиры стали оживлённо разговаривать, строя догадки. Кто-то отправился к «титану» за кипятком, кто-то зашуршал пакетом, выкладывая на стол «Краковскую» колбасу. Этот ненавистный чесночный запах Валерка знал с младенчества. Родители всегда брали «Краковскую» в походы и в дальние поездки. Папа каждый раз нахваливал это чудо общепита, приговаривая, что вкус «Краковской» уносит его в счастливое советское детство. А Валерке этот запах всегда не нравился, и эту чёртову колбасу он никогда не ел.

– Уважаемые пассажиры! – в проходе вновь появилась проводница. – Наш поезд будет стоять несколько часов. Впереди проходят работы по замене шпал на путях, и пока их не окончат...

– Я ж на другой поезд опоздаю! У меня пересадка! – возмутился бородатый дядька.

Люди в вагоне принялись галдеть.

– Это безобразие! – крикнул кто-то в конце вагона.

– Можете выйти из вагона, размяться, – пыталась проводница задобрить народ.

Ворчащие пассажиры потянулись к выходу, и неожиданно в вагоне наступила тишина. Валерка опять посмотрел в окно. Какая-то девочка уже собирала лесные цветы на опушке. Несколько мужиков оживлённо жестикулировали, явно обсуждая вынужденную остановку поезда. Кто-то болтал по мобильному. Остальные слонялись без дела.

Валерка достал свой новенький красный айфон, который родители подарили ему недавно, на четырнадцатилетие. Открыл в интернете карты, определяя геолокацию: «Так. Я сейчас здесь, а Старолесное – здесь. Если пойти туда через лес, будет пятнадцать километров. Получается, приду к бабушке часа через три-четыре. И зачем ждать в поезде неизвестно сколько, если к бабушке можно дойти пешком?». Снова глядя в окно, Валерка заметил на лесной опушке широкую тропинку, ведущую как раз в сторону бабушкиной деревни. Это придало ему ещё больше решимости. Он взял свой рюкзак и отправился в путь. Эх, если бы он знал, что его ждёт впереди...

Шла последняя неделя августа, воздух был горячий и сухой. Но, углубившись в чащу, Валерка ощутил запах сырости. Здесь было куда прохладнее, чем у поезда. Тропинка петляла, однако мальчик был спокоен: интернет-карты не врут! Не считая времени, он шагал и шагал: вот бабушка удивится, когда он явится раньше поезда и расскажет про свой поход! Вдруг откуда-то послышалось громкое «мяу» и зашуршали кусты. Валера остановился. Ему наперерез неторопливой мягкой походкой двигался толстый черный кот. «Прогнать его, что ли?», – мелькнуло в голове. Кошек он не любил и считал их бесполезными животными, которые вдобавок ещё и царапаются. Между тем кот вальяжно прошёл мимо, коснувшись Валеркиных ног пушистым боком. «Значит, деревня уже недалеко, – заключил Валера, – раз такие откормленные коты шастают».

Проводив кота взглядом, он продолжил путь. В лесу стало ещё темнее и прохладнее, как будто наступал вечер. Шагая, Валерка вдруг заметил краем глаза, как кусты сбоку шевельнулись. Он остановился и огляделся. Станный холодок пробежал по спине. Кругом никого не было, лишь деревья да кустарники. Померещилось? Валера двинулся было дальше, но не узнал дороги. Заблудился? Он вытянул из кармана рюкзака телефон, чтобы уточнить геолокацию. Но связи не было, карты не работали. Тогда он открыл в телефоне электронный компас. Стрелка на экране бешено вращалась.

– Что за дела? Придётся идти без компаса, – вслух посетовал Валера.

Пройдя в сторону метров двадцать, Валерка заметил тропинку. Она наверняка вела в Старолесное. Как и прежде, мальчик уверенно двинулся вперёд. Но вдруг вдали, за деревьями, промелькнула большая тень. Стараясь отогнать неприятные мысли, Валерка двинулся дальше, но вскоре из-за ближайшего ельника послышался шорох, теперь уже совсем отчётливый. Что за наваждение?

Так повторялось несколько раз: то дальний шорох, то движение веток – или ветерок по лесу гуляет, или кто-то в лесу прячется. В конце концов мальчик пустился по тропинке трусцой, чтобы поскорее покинуть эти странные места.

Неподалёку треснула ветка, как будто кто-то на неё наступил. В такой ситуации испугался бы даже отъявленный смельчак. Вот и Валерке стало не по себе. Надо вернуться к поезду по знакомой дороге! Надев рюкзак, он кинулся бегом в сторону поезда. Он бежал и бежал по тропинке, но лес не кончался. Сердце выпрыгивало из груди. Выбившись из сил, Валерка перешёл на шаг и резко обернулся, пятясь вперед спиной: не бежит ли кто-то следом? Вдруг со всего маху он треснулся головой о дерево. От неожиданности и боли Валерка вскрикнул.

Что происходит? Он ещё раз посмотрел в телефон. Тот по-прежнему не работал.

В стороне опять треснула ветка. Мальчик схватил с земли камень и отчаянно швырнул его в сторону звука. Камень угодил в толстый ствол дерева. Ствол вдруг зашевелился, и Валерка разглядел вместо дерева кого-то поросшего шерстью – то ли человека, то ли чудище. Этот кто-то завыл от боли страшным басом и прижал к лицу шерстяные руки. Мальчишка со всех ног пустился наутёк, уже не разбирая дороги. Тяжёлое и грозное дыхание то слышалось поодаль, то совсем приближалось. Косматое чудище гналось за ним, уже не скрываясь.

Как долго длилась эта погоня в густом лесу, Валерка не понимал, но наконец впереди появился просвет. Кустарники и деревья становились реже, а небо – светлее. Тропа стала шире, а на левой обочине стоял дорожный указатель. На синем фоне белыми буквами было написано: «Муниципальное образование СКАЗОЧНЫЙ ЛЕС». Не обращая на знак внимания, Валера мчался вперёд, на поляну, где виднелась спасительная избушка. Хозяева помогут! Вызовут полицию! Взлетев по деревянным ступенькам, он распахнул скрипучую дверь и заскочил внутрь.

Дрожащими руками Валерка спешно запер дверь на большой деревянный засов. Задышавшись от долгого бега, мальчик пытался прислушаться: что там, снаружи? Ничего не услышав, он осмотрелся. Из единственного маленького окошка едва струился свет. У стены напротив окна чернела старая печь, густо покрытая сажей. В ней уютно потрескивали горящие поленья. Рядом с печкой на лавке спал чёрный кот. «А не этот ли толстый котёнок мне дорогу в лесу перебежал?» – подумал Валера.

– Да, именно он перебежал вам дорогу, молодой человек, – проскрипел чей-то голос. Валерка вздрогнул и посмотрел в дальний угол, откуда прозвучал голос. Глаза немного привыкли к полумраку, и он увидел в тени сухопарую бабульку. Она сидела за неструганым столом, а на её голове была яркая косынка, завязанная впереди. Концы косынки торчали вверх, напоминая маленькие рожки. Перед ста-

рушкой на столе стояло зеркало в бронзовой круглой оправе на длинной ножке. Бабуля в него гляделась, крася губы в ярко красный цвет – такой же, как у её длинного маникюра.

– Ох, неуч ты, халамидник! Откуда ж тебе знать, шо, заведев чёрного кота, да ещё перебежавшего дорожку, нужно-таки обязательно плюнуть себе за левое плечо?! И плевать нужно смачно и цельных три раз! Глядишь, и не заплутал бы в лесу.

Бабуля прищурила перед зеркалом левый глаз и стала аккуратно подкрашивать ресницы на правом глазу.

– А в кого плевать-то? – удивился ещё не успокоившийся от погони Валерка.

– Ой, гляньте ви на это инородное тело в моем доме! Оно тока зашло, но уже-таки начинает тошнить мне на нервы!

С улицы забарабанили в дверь, и раздался грубый бас:

– Тётка Ядвига, открой дверь! Это я, Ягошка!

– Бабулечка, не открывайте, пожалуйста! Это чудище! Оно за мной гналось, – взмолился Валерка.

Не обращая внимания на мольбы, старуха махнула рукой в сторону двери, что-то прошептав, и засов поднялся сам. Дверь со скрипом распахнулась, и в проёме, заслоня тусклый уличный свет, появилось огромное косматое чудище:

– Вот ты и попался!

Валерка бросился в угол и присел, прикрываясь руками. Чудище подскочило к парню, схватило косматой лапой за грудки и приподняло над полом, а второй лапой размахнулось... Валерка от ужаса зажмурился и закрыл руками голову.

– Ягошка! – строго сказала старуха. – Поставь мальчишку, откуда взял.

– Он мне камнем под глаз попал, – с обидой сказал великан и небрежно поставил на пол Валерку, который тотчас забился обратно в угол.

– А ты шо камнями кидаешься? – прищурилась Ядвига, глядя на Валерку.

– Он за мной следил! – по лицу мальчика потекли слезы.

– Не следил, – возразил Ягошка, – а сопровождал в рамках мероприятий по обеспечению безопасности Сказочного Леса.

– Это ты на каком языке сейчас сказал? – вылупила глаза старуха.

– Я сказал политически грамотно, – приосанился Ягошка, довольный собой. – Надо читать журнал «Сказочная политика»! Там про безопасность.

– Тьфу на вас обоих! Гасають по лесу и делают мне головную боль.

Ядвига убрала зеркальце и помаду в ящик буфета, щёлкнула пальцами, и на столе вдруг появилась белая скатерть-самобранка с котелком щей, миской каши и... кружком «Краковской» колбасы. Избушка наполнилась неприятным чесночным запахом.

– Ну, молодые-шебутные, кушать подано, – заскрипела бабулька.

Ягошка, укоризненно поглядывая на Валерку, зашаркал по полу своими лаптями и уселся на лавку. Мальчик, утирая слезы, выбрался из угла:

– А может, на обед что-то другое есть?

– Ви посмотрите на это исчадие прогресса! – покачала головой Ядвига. – Оно уже может-таки говорить, но не может вести себя в гостях!

Неожиданно с улицы раздался рычащий голос:

– Хозяйка! Ты дома?

Белая скатерть вмиг исчезла, а Ядвига вдруг стала услужливой и ласковой:

– Ой, Михельсон Потапыч, ты ли это?! Я вся почти не одетая, обожди!

– Пацана спрячь, – прошептала старуха Ягошке и указала костлявым пальцем на сундук, стоявший у печки.

Валерка сам бросился к сундуку, а Ягошка помог залезть и захлопнул крышку. В передней стенке сундука была деревянная решётка. Сквозь нее виднелись лапти Ягошки и входная дверь.

– Ядвига, ну ты скоро там? – опять зарычали с улицы. Валерка увидел, что губы Бабы Яги теперь ярко на помажены. Один её глаз моргал длинными чёрными ресницами, а на втором не было видно ресниц вообще.

– Шо ты мне имеешь так быстро сказать, шо я успела накрасить только один глаз? – кокетливо сказала Яга и открыла дверь.

Перед домом стоял медведь, запряжённый в телегу, гружёную богатырскими доспехами, волшебными скатертями и другим сказочным скарбом. За телегой, выстроившись по двое, стояли сорок разбойников, облачённых в чалмы и шёлковые шаровары. В руках у них были изогнутые сабли и круглые железные щиты.

– А это шо за стройотряд? – обратилась изумленная Яга к Михельсону, небрежно кивнув на разбойников. – Они ж не из нашего леса.

– Это свита мэрши Шахерезады, из муниципалитета-побратима Восточные Сласти.

– Чур меня! – махнула рукой старуха. – И шо это на них за макинтош? В таком сейчас даже не хоронят.

– Не кипятись, – прорычал медведь. – Мы к тебе с миссией.

Он поднял вверх указательный коготь:

– Наш мэр Кашей издал указ «О незамедлительной сдаче жителями муниципального образования Сказочный Лес всех волшебных предметов». Для хранения в подвалах администрации. До лучших времен.

– Ой, я вся не готовая к сдаче своих личных вещей в неизвестные грязные лапы! Та и дома такой раскардаш, чёрт ногу сломит, – затараторила Яга. – А почему ви Сороку не послали с этой вестью? Я бы таки подготовилась.

– Поэтому и не послали, а то бы ты подготовилась, и где тебя потом искать? Ты ж у нас личность творческая.

– Ну да, ну да! Хочу творю, хочу вытворяю, – хохотнула Яга. – Ожидайте, Михельсон Потапович, сейчас всё вам вынесу.

Она вошла в избушку и затворила дверь.

– Чего им надо? – возмущённым шёпотом спросил Ягошка.

– Хотят отнять самое дорогое! – прошипела Баба Яга.

– Меня???

Яга глянула на Ягошку, но ничего не ответила. Взяв с лавки гусли, лежавшие рядом с котом, она направилась к выходу. Кот по-прежнему лежал на лавке с закрытыми глазами и сладко мурчал. Ядвига открыла дверь и спустилась к медведю, мило улыбаясь:

– Только гусли и смогла найти. Кстати, почему ты не спрашиваешь, как я поживаю?

– И как ты поживаешь, Яга?

– Ой, даже и не спрашивай!

Она плавно провела костлявым пальцем по струнам. Гусли заиграли русскую плясовую, а медведь стал притопывать, не попадая в такт. Плясовая становилась быстрее и громче, заставляя Михельсона хлопать в ладоши и выдавать коленца. Затем он бросил телегу и пустился вприсядку. Разбойники сначала смотрели с любопытством, а потом расхохотались.

– Ой, Ядвига, прекрати! – рычал Михельсон, задыхаясь. – Я тебе штраф выпишу за незаконное волшебство!

– А твои гастарбайтеры почему не пляшут? – кивнула Яга в сторону разбойников.

– Они ж иноземцы, это не их музыка, – из последних сил хрипел медведь.

Баба Яга перестала играть, музыка прекратилась, и медведь, как огромный плюшевый мешок, плюхнулся на землю.

– Ты знаешь, Михельсон Потапыч, я прожила несколько жизней и только сейчас поняла смысл нашей старой одесской шутки: поверни часы с кукушкой к стене и получишь часы с дятлом.

Яга перевернула гусли и на их тыльной стороне начала отстукивать ритм, похожий то ли на лезгинку, то ли на «Танец с саблями» Хачатуряна. Гусли стали подыгрывать ритму. Разбойники побросали оружие и пустились в пляс.

– Не дури, Баба, – проревел Медведь, все ещё задыхаясь. – Кощей непокорным головы рубит! За чем тебе это? Смирись!

– А вот и не смирюсь! – расхохоталась Яга демоническим хохотом.

Пляска ускорялась, разбойники с испуганными глазами уже выделяли сальто и шпагаты. «Поднажми, не стесняйся!» – раззадоривала их Яга, отстукивая бешеный ритм. Неожиданно струна на гусликах взвизгнула и лопнула. Гусли замолчали, и разбойники попадали на землю. Один из них что-то крикнул другим на своем языке, и те, вскочив, плотным полукругом двинулись на Ягу, обнажив свои острые сабли. Попятившись к дому, бабулька хлопнула в ладоши, и в руках у нее появилась метла. Схватив метлу наперевес, она принялась ею размахивать, как заправский самурай, и лупить наступающих. В пылу сражения Яга не заметила, как двое иноземцев подкрались сзади и набросили на неё сеть.

– Отпусти её, бандюга! – завопил басом Ягошка, выскакивая из избушки и размахивая тяжёлой дубовой лавкой. Следом за ним выбежал Валерка, держа перед собой ухват на длинной деревянной ручке. От неожиданности разбойники оторопели, а Ягошка между тем замахнулся лавкой и смёл их в сторону, заставляя лететь и падать. Но один из разбойников, который раньше накинул сеть, бросился на Ягошку с тыла. Он уже замахнулся острой саблей, но тут Валерка со всей силы ткнул разбойника ухватом в бок: «Зашибу!!!». Тот скорчился от боли и упал.

– Помоги Ядвиге выпутаться, и бегите за избу, прячьтесь в терновнике! А я их попридержу! – успел прошептать Ягошка.

– Бежим! – скомандовала Яга, когда Валерка помог сбросить сеть. Разбойники уже приходили в себя, поднимаясь с земли и злобно скалясь. Бабулька с Валеркой кинулись прочь, пока Ягошка прикрывал их своей шерстяной спиной. Валерка обратил внимание, что старушка прихрамывала на одну ногу.

– Зачем ты полез в эту свару?! – на бегу спросила Яга у Валерки, – это ж не твоя война!

– Они же вас хотели схватить... – робко стал оправдываться Валерка.

За домом Яги, у плетня, рос огромный колючий куст терновника. Вернее, даже не куст, а целые заросли, напоминавшие маленький остров. И вход в этот остров был только один – узкий лаз. Как только в лаз пробрались Валерка с Бабой Ягой, из-за угла выскочил Ягошка. Он потянул себя вверх за шерстяной воротник и превратился в большущее дерево, закрывшее собой вход в терновник.

– Как это у него получилось? – удивленно спросил Валерка.

– У него свитер волшебный, маскировочный. Тссс! – Яга приложила к губам палец.

Из-за избушки вылетели разъярённые разбойники. Они стали разглядывать терновник, чтобы найти беглецов, но ветки были такие густые, что ничего не было видно. Тогда разбойники принялись колоть терновый куст копиями и рубить его саблями, но ветки и колючки сомкнулись ещё плотнее, и ничего у разбойников не вышло. С гиканьем они принялись бегать по окрестностям, но не могли никого найти.

– Незаконное волшебство! – ревел Медведь, который уже отдышался. – Далеко не уйдут! Избу опечатать и конфисковать!

Разбойники подскочили к избушке и обмотали её крест-накрест полосатой красно-белой лентой. Дверь заколотили, а саму избушку привязали к телеге за одну куриную ногу. Михельсон снова впрягся в телегу, и весь обоз двинулся с места. Напоследок один из разбойников, обернувшись, выпустил из лука стрелу в сторону терновника. Стрела угодила в дерево, скрывавшее потайной лаз. Оно тихо застонало и немного присело. К счастью, разбойники этого уже не видели.

Как только обоз скрылся из виду, дерево превратилось обратно в Ягошку, который тотчас упал с торчащей в груди стрелой. Яга и Валерка выскочили из укрытия. Старуха стала осматривать рану, а потом села рядом на землю, положила Ягошкину голову себе на колени и стала причитать: «Сокол мой, племяш любимый, не засыпай навсегда!».

Ягошка молчал, глаза его были закрыты.

– Как ему помочь? – встревоженно спросил Валерка.

– Поможет только Живая вода. Но пока мы дойдём до источника, он уже умрёт, – горестно ответила старушка. Потом она встрепенулась. – У меня же в избе есть флакон с этой водой! Но теперь его не взять.

– Через сколько Ягошка умрёт без Живой воды?

– К следующему утру, – грустно ответила Яга.

– Я смогу взять! Попроюсь в избушку. Где там искать?

– Ярко-голубая бутылочка в буфете, на верхней полке. Но как ты туда попадёшь? Разбойников много, они тебя поймают.

– Что-нибудь придумаю! – Валерка встал, чтобы немедленно отправиться по следам обоза.

– Подожди, – старуха протянула Валерке маленький клубок белых ниток. – Возьми. Если заплутаешь, брось его на землю и скажи: «Клубок-клубок! Подключив ГЛОНАСС, приведи-ка нас...». И назови, куда тебе нужно, он и приведёт.

Мальчик взял клубок и побежал туда, где скрылся обоз с пленённой избушкой. Он ориентировался по следам телеги и отпечаткам больших куриных лап.

* * *

Солнце зашло за деревья, и на лес стал опускаться сумрак. Валерка бежал, не останавливаясь. Он боялся, что обоз свернёт где-нибудь на развилке, и он в темноте потеряет след. Неожиданно где-то поблизости послышался разговор. Спешно спрятавшись за дерево и сдерживая одышку, Валерка прислушался. Он уловил иноземную речь. Подкрывшись поближе, увидел двух разбойников, стоявших в охранении и увлечённо о чём-то беседующих.

«Нужно уйти с дороги и обойти охранников, – подумал Валерка. – Но можно ведь наткнуться ещё на какую-нибудь охрану».

Тем временем ночь уже поглотила лес. Аккуратно, чуть ли не на ощупь, мальчишка стал пробираться вперёд, в начало обоза, огибая охрану. У него уже был план, как добраться до избушки. Но для этого нужно было пожертвовать своим новым айфоном. Валерка не сомневался ни секунды, ведь где-то умирал Ягошка, его новый друг.

Обоз растянулся вдоль опушки. Разбойники сидели группками и жгли костры. Кто-то уже лежал в глубокой дреме на земле, а кто-то разговаривал, с трудом раскрывая веки, слипающиеся от усталости. Рядом с телегой сладко и зычно похрапывал Медведь. В нескольких метрах от него стояло ещё одно охранение из двух вооружённых разбойников. Они вслушивались в тишину и держали в руках факелы.

Валерка достал свой мобильник, запустил нужное приложение и аккуратно положил телефон на пенёк. Затем стал обходить опушку, потихоньку пробираясь в сторону избушки. Когда до неё оставалось шагов десять, под ногой предательски треснула ветка. «Слышал?!» – встрепенулся один из охранников. Валерка застыл. Разбойники медленно двинулись в лес, освещая его факелами. Мальчишка прижался спиной к стволу дерева и затаил дыхание. Шаги приближались. Из-за дерева уже показались остриё разбойничьей сабли. Валерка решил, что сейчас сорвётся с места и побегит что есть мочи в лес. Это был единственный шанс спастись. Еще мгновение, Валерка вдохнул воздух перед рывком.... И вдруг на другой стороне опушки его телефон заиграл марш авиаторов «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью».

Разбойники на мгновение замерли. А потом, не сговариваясь, ринулись на звуки. «Что это?! Шайтан!» – кричали те, кто проснулся около костров. Кругом поднялись суета и беготня. «Всех брать живём!» – ревел Михельсон, протирая глаза. Пользуясь неразберихой, Валерка на цыпочках подбежал к избушке, но дверь была заколочена.

– Избушка-избушка, это я, Валерка Морозов, – быстро шептал он. – Меня тётка Ядвига послала за Живой водой. Ягошка смертельно ранен. Впусти меня!

– Назовите пин-код, – скрипнула изба механическим неживым голосом.

– В смысле? – опешил Валерка.

– Пин-код неверный.

– Ты не понял? Ягошку ранили, умирает он, – кричал Валерка шёпотом. – Ядвига меня срочно прислала за Живой водой! Впусти! Пожалуйста!

Избушка поднялась на ноги, и снизу открылся люк. Валерка мигом забрался внутрь. Там было ещё темнее, чем на улице. «Где же тут буфет?» – подумал мальчик. Он стал усиленно вспоминать, какая в избе была обстановка: напротив окна печка. А буфет, кажется, был справа от печи. Валерка стал пробираться наощупь. Неожиданно он споткнулся обо что-то мягкое, под ногами возмущённо мяукнули. Избушка поджала лапы и села, закрыв нижний люк. «Как же теперь выбираться? Ладно, сейчас главное найти Живую воду», – беззвучно говорил он сам с собой.

Глаза уже привыкли к темноте и стали различать предметы. На четвереньках Валерка подполз к столу и увидел заветный буфет. Поднявшись, открыл дверцу и аккуратно стал ощупывать верхнюю полку. «Как же много тут бутылочек! И где здесь нужная?». В окошке показалась широкая морда Михельсона, освещённая факелом. В избе посветлело. Валерка присел на корточки у стола и замер.

– Сабли наголо! – рявкнул Медведь. – Ищите шпиона! Разбойники стали болтать на своём языке. На верхней полке в отблеске факела мигнула голубым огоньком стеклянная бутылочка. Пренебрегая опасностью, Валерка потянулся к ней и случайно задел склянку, стоявшую рядом. Та со звоном упала и шумно повалила за собой ещё несколько баночек.

– Он там! Вскрывают дверь! – заревел на улице медведь.

Разбойники принялись вытаскивать гвозди, которые сами недавно и заколотили. С факелами и саблями они ворвались в избу. Внутри никого не было. Тщетно они освещали комнату, заглядывали под стол, в сундук и в буфет. «Может, это мышь?» – озадаченно проревел Медведь, разглядывая на полу разбитые склянки. Затем они вышли и несколько раз обошли избу кругом, прочесали лес и даже обследовали телегу, гружёную сказочным скарбом...

* * *

В небе светила полная луна, деревья и кусты отбрасывали зловещие тени. Валерка быстрым шагом шёл по лесной дороге, неся на спине свой рюкзак, который захватил в избе. Рядом с ним семенил чёрный толстый кот, держа пушистый хвост трубой. Перед ними катился белый клубок. Наконец впереди, в свете луны, показался плетень Бабы Яги и огромный терновый куст.

– Вот, – запыхавшийся Валерка протянул Яге голубой флакон.

Она поспешно взяла бутылочку и тут же выпила немного жидкости Ягошке на рану. При этом Яга нашептывала заклинания и водила раскрытой ладонью над ягошкиной грудью. Стрела, подталкиваемая изнутри неведомой силой, сама вылезла из раны, а потом рана стала затягиваться.

– Теперь все должно быть хорошо, – сказала старуха, закончив бубнить свои заклинания.

Ягошка лежал с закрытыми глазами и не шевелился. Лишь теперь Валерка стал понимать, какое важное дело он сделал, и насколько близко от смерти он был и сам. Пытаясь успокоиться, мальчик почувствовал, что проголодался. Он открыл рюкзак и достал бумажный пакет с бутербродами, который остался ещё от поезда.

– А колбаса какая? Варёнка? – не шевелясь и не открывая глаз, спросил Ягошка.

– Ты жив?! – радостно крикнул Валерка. – Сработала Живая вода!

– А может и не вода вовсе, – загадочно ответила Яга, – а твоя колбаса.

– А «Краковской» у тебя нет? – спросил Ягошка, переворачиваясь на бок и открывая глаза.

– Не-а. Я не люблю «Краковскую».

– А Ягошка очень любит, – сказала Яга, укладывая хворост, чтобы развести костер. – Чует её за версту. Мне из-за этого приходится наведываться в ваш мир.

Пламя костерка осветило довольное лицо Ягошки. Он как замороженный смотрел на бутерброды, разложенные на бумажном пакете.

– Угощайся, – сказал Валерка.

Великан тут же взял колбасу с бутерброда и целиком отправил себе в рот.

– Какая вкуснятина, – чавкая от удовольствия, сообщил Ягошка. Хлеб он не тронул.

Валерка насадил кусочек хлеба на прутик и стал обжаривать над пламенем, исподволь разглядывая Ягу. «Вполне себе приятная бабушка, – думал он. – Шустрая, как будто и не старая вовсе. Но почему-то прихрамывает. – Валерка перевёл взгляд на Ягошку. – Какой здоровяк! С виду свирепый, а на самом деле добрый». Продолжая свои мысли, Валерка произнёс вслух:

– Где я? Во сне? В потустороннем мире? А может, на другой планете? А вы кто, инопланетяне?

– Давай уже нормально знакомиться, что ли? Я – Ягошка, великан немножко. До двухметрового роста не хватило всего два сантиметра. Нигде не учусь, потому что родился уже учёным.

– Вот-вот, и не работаешь, бездельник, – сказала Яга назидательно.

Ягошка хмыкнул, ничего не ответил.

– А я Валера Морозов, учусь в 22-й школе Приморска.

– А это моя роднучка, тётка Ядвига, – Ягошка приобнял бабульку за плечи.

– Кому Ядвига, а кому и Ядвига Марковна, – стряхнула она Ягошкины руки.

– А кому просто баба Яга, – с пафосом и некой гордостью сказал Ягошка.

Яга подложила хвороста в костер:

– Ты-то как в наших краях оказался, баламут? – спросила она Валерку.

– Ехал на поезде к бабушке Нине, а на путях авария. Решил напрямки через лес пойти, чтобы время сэкономить...

– А дальше мы всё знаем, – заулыбался великан.

– Всё, да не всё. Как ты в избушку сумел пробраться и обратно невредимым вернуться? – спросила Яга, поглаживая кота, лежащего у неё на коленях.

Валерка стал описывать своё приключение, размахивая руками. Яга и племянник слушали с интересом.

– Ветка хрустнула, и я думаю: «Всё! Хана!». Но заиграл марш, и начался переполох.

– Какой марш? – удивилась Яга.

– У меня айфон был, красный такой, красивый, я на нём марш включил... с задержкой. Ну, этот: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...», – напел Валерка. Ну, чтобы разбойников отвлечь. Пока они разбирались, я успел в избушку залезть.

– А я, растяпа, пин-код от избушки сказать забыла! – хлопнула Ядвига себя по лбу. – Как же ты вошёл?

– Я ей всё объяснил и даже «пожалуйста» сказал.

– Так это и есть мой секретный пин-код, – сказала Яга, – А дальше что было?

– А когда охранники стали дверь ломать, я увидел, как этот котяра запрыгнул в печь. Я мигом за ним. Через трубу выбрался на крышу, а потом по соломе вместе съехали вниз, на землю.

– Ну, правильно, – кивнула Ядвига. – По документам труба числится как запасной выход. Мне её ставили печники с Чёртовых Куличек.

– Ядвига Марковна, а какая у вас фамилия? – любопытствовал Валерка.

– Девичья или по мужу?

– Вы были замужем???

– Та где я тока ни была! – махнула рукой Ядвига.

– Тётка Ядвига, расскажи, ты давно обещала, – попросил Ягошка.

Яга задумчиво смотрела на пламя костра, будто там скрывалась история её молодости. Не отрывая взгляда, она начала свой рассказ:

– В шесть лет меня отдали в Институт благородных девиц. Это было единственное в Одессе учебное заведение для девушек из дворянских, офицерских и других состоятельных семей. Там учили музыке, танцам, хорошим манерам, ведению домашнего хозяйства. Учили даже правильно падать в обморок...

* * *

...Строгая классная дама в круглых бликующих пенсне окинула взглядом воспитанниц. Те сидели за партами, одетые в кремовые форменные платья.

– Ятфига, ты! Потойти ко мне! – с немецким акцентом позвала она институтку, направив в её сторону указку. – Фазьми стул и пастафь здесь, – указкой она определила место. – Будем учить обморок, чтобы беречь от перелома сфои кости. Покажи, как ты будешь упасть фобморок.

Девушка, манерно закатив глаза, плюхнулась на стул, неестественно откинув голову назад, чем вызвала смех в учебной зале.

– Смешно! – жёстко подытожила сухопарая учительница.

Смех сразу прекратился. Ядвига села на стуле как обычно.

– Это никуда не кодится! – продолжила воспитательница. – Фаш кавалер сразу поймёт нелепую улофку и покинет фас. Кто попробует объяснять, как происходит обморок?.

Тишина. Никто из курсисток не рискнул поднять руку. Они сидели, потупив взгляд и боясь смотреть на педагога, чтобы та не вызвала отвечать.

– Понятно, – разочарованно резюмировала классная дама. – Слушайте и постарайтесь помнить. Сначала дыхание. Кокта дефушка теряет сознание, она начинает глубоко дфа или три раз фсдохнуть. Потом неплотно закрывает глазки и оседает фобморок. Фобморок дыхание нужно делать мелким, не глубоким и частым. Крудь не должна фсдымаца как на бегу. Движения крути не должно фидеть, – она показала жестом, как грудь еле дышит. – Ядфига, пофтари!

Девушка встала со стула, сделала два глубоких быстрых вдоха, одновременно закрывая и открывая глаза, и начала заваливаться на стул. Присев, она прикрыла глаза и безвольно опустила руки.

В коридоре раздался звон колокольчика, извещающего о конце урока. Никто из воспитанниц не шелухнулся. Все молча смотрели на классную даму.

– Молодец, Ядфига! Помянешь меня, тебе обморок ф жизни пригодицца.

Ядвига скромно улыбнулась.

– Фсё! Урок окончен.

Ядвига поставила на место стул и пошла на выход вслед за подругами.

* * *

Институтский сад являл собой образчик изящества. Среди экзотических ухоженных кустарников стояли невысокие скульптуры в греческом стиле. В небольшом фонтане журчала прозрачная вода. В тени деревьев были расставлены кованые скамьи с изогнутыми спинками и боковыми подлокотниками, сделанными в виде узоров.

– Светлана, давай, как в прошлый раз, сбегаем в кондитерскую лавку, – предложила Ядвига, придвинувшись на скамейке к подруге.

– А если нас поймают?

– В прошлый же не поймали, и в этот раз не поймают. Так хочется эклеров!

– А у тебя деньги есть? – облизнув губы, спросила Светлана.

– Есть. Хватит как раз на два эклера.

Подруги встали с лавки и сделали вид, будто прогуливаются в парке, как и их однокурницы. Затем, как бы невзначай, направились в конец сада к сторожке. За сторожкой в деревянном заборе имелся пролом, прикрытый доской, которая держалась на одном гвозде.

Отодвинув доску, Ядвига показала жестом Светланке, чтобы та пролазила. Подружка, очутившись по ту сторону забора, придержала доску, и в проём проскользнула Ядвига. Этот секретный лаз выходил в грязный проулок, поэтому на деревянный забор никто никогда не обращал внимания. Зато фасадная часть институтской ограды была великолепна: утончённые узоры кованого забора были тщательно выкрашены белой краской и со стороны казались настоящим кружевом.

Подруги вышли из проулка на главную улицу. Смеясь и болтая, они двинулись по направлению к лавке кондитера. Девушки шли быстрым шагом, держась за руки, и не увидели, что с другой стороны улицы их с любопытством разглядывал молодой статный гусар. Двух молодых прелестниц в светлых школьных платьях трудно было не заметить. Гусар стоял в тени дома и не мог оторвать взгляда от девушек.

Молодых курсисток заприметила и торговка цветами, стоявшая у обочины мощёного тротуара. Когда девушки поравнялись с торговкой, та их окликнула:

– Не желают ли молодые баришни цветущей красоты? – она указала на корзину с цветами. – Их у меня есть, и очень недорого!

– Нет, спасибо, – на ходу ответила Светлана.

– Как мне нравится речь этих торговок! – улыбнулась Ядвига. – Я тоже хочу так весело разговаривать.

– Ты что? Так разговаривают простолюдинки. А мы – будущие дамы из высшего общества...

Подруги рассмеялись и ускорили шаг.

* * *

Дверь кондитерской открылась, зацепив дверной колокольчик. Войдя, Ядвига и Светлана направились к витрине, где принялись разглядывать пирожные и конфеты, глотая слюнки. Среди сладостей на белой кружевной салфетке красовались два эклера, густо посыпанные сахарной пудрой.

Колокольчик опять звякнул, и в кондитерскую вошёл тот самый гусар. Кончики его усов были подкручены вверх, что придавало гусару бравый вид. Он подошёл к другой витрине и стал рассматривать товар, исподволь поглядывая на девушек.

– Эклеры подорожали, на два теперь не хватает денег, – прошептала Ядвига.

– Может, попросим уступить подешевле? – предложила Светлана.

– Неудобно как-то!

– Любезный! – позвал офицер продавца, тряхнув чёрными бакенбардами. – Мне два эклера, пожалуйста, в разные упаковки.

– Сию минуту, – засуетился кондитер.

Он проворно упаковал пирожные и получил от офицера несколько монет.

– Все, эклеры закончились, – с досадой прошептала Ядвига подруге.

Расстроенные девушки посмотрели на покупателя, который забрал их самые желанные сладости. Взгляд офицера встретился со взглядом Ядвиги. Они оба замерли. Сердце Ядвиги забилося, как пойманная ласточка. Высокий, непринуждённый, изящный гусар был словно с портрета в музее. Он был совсем как тот бесстрашный гордый рыцарь из французского романа, который Ядвига читала ночами, плача в подушку. Но теперь он стоял перед ней, и Ядвиге казалось, будто они давно знакомы. Будто она всё знает о его подвигах и благородстве, и о его верности, которую он хранит, сражаясь за сердце возлюбленной.

Настойчивый голос Светланки звучал будто издалека. Подруга теребила Ядвигу за локоть, возвращая в реальность:

– Может, другие пирожные купим?

– Да, – потупила взгляд Ядвига.

– Могу я просить вас, прекрасные барышни, принять от меня эти два пирожных? – гусар протянул красиво упакованные эклеры.

– Что вы! Нет, конечно! – смутилась Светлана.

– Прощу! – офицер, не отрываясь, смотрел на Ядвигу и протягивал коробочки.

– Ну, ладно. Спасибо, сударь! – Светланка взяла эклеры и сделала вежливый поклон с неглубоким приседанием. В их институте такой поклон назывался книксеном.

Ядвига, не поднимая глаз, поклонилась незнакомцу так же, и подруги спешно вышли на улицу. Они почти бежали к своему институту. Перед самым проулком с секретным лазом Ядвига не выдержала и обернулась. Офицер стоял вдалеке на пороге кондитерской, глядя им вслед.

– А он красавчик, – кокетливо сказала Светланка.

– Что ты такое говоришь? – с напускным безразличием ответила Ядвига.

– Только не говори мне, что он тебе не понравился.

Пролезая через потайной ход в заборе, Светланка помедлила и обернулась к Ядвиге:

– Мне кажется, любовь с первого взгляда бывает.

Ядвига подтолкнула подругу, чтобы та не задерживалась.

– Не кофори клупости! – передразнила она учительницу-немку.

Подруги весело рассмеялись.

Очутившись в институтском саду, они аккуратно закрыли секретный лаз доской.

Доедая любимые эклеры, они покачивались в саду на качелях.

– Княгиня идёт! – испуганно сказала Ядвига.

– Ой, не переживай, улики мы уже съели, – хохотнула Светланка.

Девушки встали в ожидании статной моложавой директрисы, шедшей по дорожке в их сторону. Когда княгиня Чикуанова оказалась рядом, они поклонились, неглубоко присев.

– Я смотрю, вы опять бегали в кондитерскую лавку? – строго спросила директриса.

– Нет, сударыня, – попыталась соврать Светланка, густо покраснев от смущения.

– Врать вы так и не научились. И это похвально. Ядвига, вытрите следы сахарной пудры с вашего носика. А вы, Светлана, вытрите усы, оставшиеся от эклера.

Как ни в чём не бывало, директриса пошла дальше по садовой дорожке, а девушки весело переглянулись. Они принялись стирать со своих личиков следы недавнего преступления.

* * *

Следующие несколько дней были для Ядвиги обычными и скучными. Близился выпускной бал. Среди старших курсисток поползли слухи, что на репетицию бала прибудет эскадрон гусаров – тех самых, что расквартированы в Одессе перед очередной османской кампанией. И кто же из учениц, этих юных и чистых прелестниц, не мечтал выскочить замуж? Составить партию с гусаром означало несомненную удачу. Молодой офицер кавалерийской части, собранной из отпрысков знатных фамилий, сулил каждой курсистке путёвку в высший свет. В хозяйственной комнате девушки наглаживали свои институтские платья и банты, то и дело задумчиво вздыхая.

– Девочки, а вы знаете, что наша директриса Чикуанова познакомилась со своим князем на выпускном балу? – похвасталась своей осведомлённостью одна из курсисток. – Да, на балу Екатерининского института благородных девиц в Петербурге.

– По ней даже сейчас видно, что в молодости была той ещё красоткой, – подключилась к обсуждению другая, наглаживая пурпурный бант.

– Девочки, а как узнать, что ты понравилась? Я так переживаю, что могу и не заметить своего суженого! – беспокоилась третья.

Курсистки загалдели, обсуждая, как же не проглядеть молодого офицера, имеющего серьёзные намерения. Воспользовавшись шумом, Светланка негромко спросила у Ядвиги:

– А если на балу будет тот красавчик из кондитерской лавки, что будешь делать?

– Ничего не буду, – сказала Ядвига с лёгкой усмешкой. – Больно он мне нужен. Да и не придёт он вовсе.

– Ну, а если вдруг?

– Он поди уже и позабыл, как мы нагло отобрали у него эклеры, – улыбнулась Ядвига, – И вообще, баришня, не делайте мне нервы!

– Ха-ха-ха, – рассмеялась Светланка, – ты всё-таки научилась говорить как торговка!

Последнюю ночь перед генеральной репетицией курсистки почти не спали. Все были в мечтах о предстоящей судьбоносной встрече с тем единственным, который дан на всю жизнь. Ядвига гнала от себя мысли о том красивом усатом офицере из кондитерской. Одна мимолетная встреча – совсем не повод для дальнейшего знакомства, – убеждала она себя, ворочаясь с боку на бок. Но бравый гусар все настойчивей вставал перед глазами, протягивая им эклеры с едва заметной улыбкой.

И вот долгожданное утро настало. В огромной зале института воспитанницы последнего курса выстроились вдоль окон единым длинным рядом. Через каждые пять человек стояла преподавательница, чтобы следить за выпускницами и не допускать их фривольного поведения. У дальней стены восседал духовой оркестр. Музыканты поправляли свои фраки и проверяли валторны и трубы, блестящие золотом. Отворились двойные золочёные двери, и в залу вошла княгиня Чикуанова в пышном нарядном платье. Остановившись у дверей, внимательным взглядом осмотрела притихших курсисток, а потом торжественным голосом объявила:

– Дорогие мои выпускницы! Через две недели вы оканчиваете обучение в нашем благородном институте и покинете его навсегда. Господь для каждой из вас уготовил свою судьбу. Но я надеюсь, что двенадцать лет, проведённые в стенах альма-матер, не прошли даром, и мы будем слышать о вас только приятные вести. В день окончания нашего института в этой самой зале состоится грандиозный бал, на котором соберутся все уважаемые люди нашего города и лично генерал-губернатор. Сегодня же мы проведём главную репетицию, для чего пригласили офицеров гусарского полка, расквартированного в городе, – директриса встала вполоборота к раскрытым дверям: – Прошу вас, господа!

Сначала в залу вошёл немолодой скуластый полковник и остановился рядом с княгиней. Следом за ним строем, но без строевого шага появились подтянутые гусары в парадной форме, ослепляя девушек белизной аксельбантов. Они выстроились в одну шеренгу напротив выпускниц и, не сговариваясь, одновременно поклонились курсисткам, щёлкнув каблуками. Рокот каблуков пролетел по залу, как торжественный аккорд.

Взволнованные и смущённые, воспитанницы смотрели в пол, лишь на мгновение поднимая глазки, чтобы тайком разглядеть красавцев. Один из них прошёл за спинами других и встал в строй напротив Ядвиги, плечами раздвинув товарищей. Это был тот статный темноволосый незнакомец из кондитерской лавки. Ядвига покраснела и потупила взгляд.

– Что я говорила? – прошептала Светлана.

– Ш-ш-ш, – зашипела классная дама, строго глядя на девушек.

– Вальс! – торжественно объявила княгиня. – Прошу вас! – она обратилась к дирижёру, который ждал её команды.

Дирижер взмахнул палочкой, и оркестр заиграл. Почти одновременно гусары сделали несколько шагов вперёд и, заложив левую руку за спину, правую протянули девушке, стоящей напротив. Каждый уводил свою барышню в середину залы, и пара начинала вальсировать.

Ядвига вдруг поняла, что не желает этой встречи и боится её, но вместе с тем вся её душа жаждет танца с незнакомцем. Девушка мечтала бежать отсюда и запереться в комнате, а губы тем временем предательски складывались в лёгкую улыбку. И пока она решала, как ей быть, офицер уже вёл Ядвигу, положив её вытянутую ручку на свою руку, такую огромную и сильную. От волнения ноги не слушались, и Ядвига немного споткнулась, но гусар участливо подался к ней, чтобы поддержать за талию. Складный и медовый гул оркестра, мелькание танцующих пар, шорох сотен каблуков на дубовом паркете, шёпот белоснежных занавесок у открытого окна – всё будто оглушало и опьяняло, не давая опомниться. А гусар между тем привёл Ядвигу в самый центр залы. Они остановились и повернулись друг к другу.

– Константин, – представился гусар, поклонившись и щёлкнув каблуками.

– Ядвига, – представилась девушка дрожащим голосом, грациозно поклонившись и слегка присев.

Гусар положил руку на талию Ядвиги, и начался их первый в жизни совместный вальс...

* * *

... – Уф, какая романтика, тётка Ядвига! – с удовольствием фыркнул Ягошка.

– Стинь, халамидник, – огрызнулась Баба Яга.

– А что было дальше, Ядвига Марковна? Вы так интересно рассказываете, – подключился Валерка.

Яга подбросила в костёр несколько прутьев, и они вспыхнули, осветив задумчивое лицо старухи. Начиало светать.

– Дальше? А дальше мы с ним сбежали от всех. Он увёз меня к себе, в маленькое княжество на Кавказе.

Птицы, очнувшись ото сна, уже заводили свои беззаботные песни.

– Уже утро, – заметил Валерка.

– Тётка Ядвига, что мы теперь будем делать? – озабоченно спросил Ягошка. – У нас ведь нынче даже дома нет. Бандиты его забрали.

– В лесу шо-то происходит, я таки спиной чую. Но что? Это нам как раз сейчас нужно выяснить, – сказала Яга.

Увидев пролетающую мимо сороку, Баба Яга сложила большой и указательный пальцы вместе и свистнула сквозь них. Сорока подлетела и села на ветку тернового куста.

– Сорока-белобока, расскажи, что в лесу нашем происходит? – обратилась к ней Яга. – Зачем у всех отбирают волшебные вещи?

– Беда прррилелела в наш лес! – начала стрекотать Сорока, – Заморрррская пррринцесса Шахере-зада околдовала нашего мэра Кошца, укрррала его яйцо, где смеррртъ спрятана. Беда! Беда! – Сорока взмахнула крыльями и полетела дальше.

– Вам нужно уходить, сейчас сюда нагрянут стражники, – сказала Яга, глядя на Валерку.

– Откуда вы это знаете? – спросил он.

– Это же Сорока! Она разносит все известные ей вести. Язык за зубами держать не умеет, – ответил Ягошка.

– А как же вы? – спросил Валерка у Яги.

– Я за вами не поспею, а вам нужно срочно добраться до моря-океана. В том море есть остров, а на острове растёт дуб высокий.

– И зачем нам все это? – поинтересовался Ягошка.

– На дубе висит сундук. В сундуке заяц, в зайце утка, а в утке яйцо.

– Ничего себе киндер-сюрприз, – усмехнулся Валерка.

– А я знаю! – вскричал радостный Ягошка. – В яйце игла со смертью Кошечевой на конце!

– Как же мы море-океан найдём? – спросил Валерка.

– А клубок на что? – укоризненно ответила Яга. – Всему-то вас учить надо.

– Но ведь сорока говорит, что яйцо украли, – не замолкал Валерка.

– Ты журналистам доверяй, но проверяй. Если яйцо на месте, то возьмёте его и разыщете меня.

Клубок приведёт.

– А если всё-таки украли? – поинтересовался Ягошка.

– Тогда смотрите по ситуации, не маленькие уже. Но яйцо нужно найти.

Яга нежно почесала кота, дремавшего неподалёку. Закатив глаза, тот промурлыкал пару фраз на кошачьем языке, а затем встал, потянулся и нехотя скрылся в зарослях.

Не теряя времени, Валерка достал из кармана клубок белых ниток и бросил на землю:

– Клубок-клубок! Подключив ГЛОНАСС, приведи-ка нас... к морю-океану, на остров.

Клубок стремительно выкатился на поляну и пустился в чащу. Валерка и Ягошка приурадили следом. Через пару минут с другой стороны леса выскочили разбойники.

– А, гастарбайтеры вернулись, – насмешливо произнесла Яга.

– Сдавайся, бабка! – с восточным акцентом крикнул один из разбойников.

– Ой, только не надо меня уговаривать! Я и так согласная.

Баба Яга подняла руки вверх. Разбойники окружили её плотным кольцом и повели к телеге, которая стояла на опушке с запряжённым Медведем. Ягу посадили на телегу рядом с изысканным волшебным скарбом. Она посмотрела на имущество с философским видом:

– Рыба ищет где глубже, а человек – шо плохо лежит.

– Не язви! – нахмурился Медведь. – Кстати, где остальные? С тобой был твой племян и какой-то человеческий мальчишка.

– Разве это остальные? – усмехнулась Яга. – Одно недоразумение! Пацана я, как водится, съела, а племян к родителям на Дальние Болота подался.

– Это мы ещё проверим, – зарычал Михельсон. – Доставим тебя куда надо, всё расскажешь, как миленькая.

Медведь дёрнул телегу, и Яга, потеряв равновесие, повалилась на волшебный скарб. Мигом сообразив, она что-то успела оттуда вытащить. Потом выпрямилась и украдкой спрятала украденную вещь в складках юбки. Телега покатила по лесной дороге, то заезжая на ухаб, то проваливаясь в яму с жутким скрипом, а затем с таким же скрипом выбираясь обратно. Разбойники семенили рядом.

– Михельсон Потапович, шо ты бежишь, как моя молодость? – закричала Ядвига. – Телегу вон как мотыляет! Я ж могу неожиданно укачаться тебе на спину!

Не обращая внимания, Медведь продолжал тащить телегу.

– Михельсон, а шо наш мэр? – не унималась Яга. – Поговаривают, попал под влияние иноземной крали и своё фаберже ей в нарды проиграл.

– Что проиграл? – не понял медведь.

– Яйцо!

– И откуда тебе это известно?

– От Сороки, конечно же.

– Не слушай глупостей от жёлтой прессы! – уверенно сказал Михельсон. – Всё у нашего мэра нормально. Скоро, говорят, он женится на заморской красавице, и наш лес войдёт в муниципалитет Восточные Сласти.

– Ужас какой!

– А все ваши цацки-печки волшебные изымаются, чтобы порядок был. Выдавать их будут только по письменному заявлению, где указано обоснование. И ненадолго! А каждая волшебная вещь будет записана в реестр и получит порядковый номер.

– Значит, мы станем сказкой строгого режима?

– Строгого или нет, но порядок нужен! – ответил Медведь с важным видом.

* * *

А в это время где-то далеко на песчаный берег накатывали пенные волны. Ступая по мокрому песку, Валерка радостно раскинул руки навстречу ветру. Неподалёку от берега виднелся островок, а на нём рос высоченный дуб. Валерка подобрал с земли клубок, намотал обратно распустившуюся нитку и засунул клубок в карман. Увидев новую волну и не желая промочить ноги, он попятился назад и наскочил на Ягошку.

– Ты мне ногу отдал! – разозлился великан. – Поосторожнее нельзя?!

– Извини.

– Ой! А куда девались следы на песке? – удивлённо и одновременно испуганно спросил Ягошка.

– Волной смыло, – улыбнулся Валерка. – Ты первый раз на море, что ли?

- Ну да, – смутился великан. – Только ты никому не говори.
- Конечно! Хотя стыдиться тут нечего.
- Получается, нас эта волна тоже может смыть, и следа не останется? – беспокоился Ягошка.
- Не бойся, – засмеялся Валерка. – Давай подумаем, как нам на остров попасть.

Островок был не очень далеко, но и не совсем уж близко. Они осмотрели берег в поисках лодки или хотя бы большого бревна, но кругом было пусто. Ветер становился всё сильнее, а небо постепенно затягивалось тучами.

– Ягошка, ты же великан! – вдруг сообразил Валерка. – Давай я залезу к тебе на шею, и ты пойдёшь по дну морскому.

– А если море-океан нас смочет?

– «Только смелым покоряются моря!», – вспомнил Валерка слова старой песенки.

Тяжело вздохнув, Ягошка присел. Валерка проворно забрался ему на шею и расположился поудобнее:

– Вперёд, мой верный конь!

– Не дразнись, а то сброшу! – возмутился великан.

– Ладно тебе, я шучу.

Ягошка аккуратно подошёл к морю и остановился. Помедлив, он шагнул на мокрый песок. Волна, всклокоченная ветром, намочила его ногу и укатилась обратно.

– Ой, щёкотно! – поморщился Ягошка и сделал ещё пару шагов.

Между тем огромные чёрные тучи уже обещали бурю.

– Ягошка, друг! Нужно торопиться! – кричал Валерка. Великан снова шагнул вперёд. Волны стали крутыми и высокими, обдавая его по пояс. Они неслись к берегу, а там разливались пеной, которая жутко шипела.

– Не останавливайся! Они тебя просто хотят напугать! Ты же смелый! – перекрикивая ветер, подбадривал великана Валерка.

– Ага, посмелее видали! Легко тебе там сидеть и командовать!

Жмурясь от страха, Ягошка продолжал путь. Волны били его уже в грудь, а самые высокие и все хотели накрыть с головой, потому великану иногда приходилось подпрыгивать. Валерка, сидевший на его шее, весь промок. – Ещё немного! Мы почти дошли! – кричал он сквозь завывания ветра.

С каждым шагом идти становилось тяжелее. До острова оставались считанные метры, но Ягошка уже едва переставлял ноги, а волны всё яростнее тянули его назад. Собравшись с силами, великан чуть подался вперед и зарычал. Он сделал очередной шаг и почувствовал, что дно уже не такое глубокое, как раньше. Ветер стал немного тише. Ещё один шаг, и тучи вдруг стали уплывать, освобождая место синеве. Когда Ягошка вышел из воды, ветер совершенно прекратился, а в небе засияло яркое солнце, будто ничего и не было.

– Ну и чудеса! – удивился Валерка и спрыгнул с шеи великана на землю.

– Я устал, – выдохнул великан и бессильно присел на песок рядом с дубом.

Остров оказался совсем маленьким, кроме дуба, тут ничего не было. Валерка обошёл островок за минуту и вернулся на прежнее место.

– Лезь наверх, я подсажу, – предложил Ягошка, который уже отдышался. – Нужно добраться до сундука.

Валерка взобрался на плечи великана и ловко ухватился за толстую ветку. Подтянувшись, он стал карабкаться по стволу к самой верхушке.

– Сундук есть! Но он открыт и пустой!

Спустившись, Валерка обнаружил, что измазан в саже. Чёрными стали и его ладони, и куртка, и брюки, и даже лицо. Наверное, дуб кто-то пытался сжечь, если разводил такой огромный костер. Мальчишка принялся умываться в ближайшей лужице и заметил, что отражается в ней, как в зеркале. Вода была необычной, словно серебряной, но при этом на дне был виден каждый камешек. Валерка мигом достал из рюкзака походную кружку, зачерпнул...

– Не вздумай пить! – закричал Ягошка, но было поздно. Валерка залпом осушил половину кружки, а затем протянул другу: – Водичка вкуснейшая. На, попробуй. Вдруг кружка выпала из Валеркиных рук. Вода выплеснулась и тонким ручейком потекла обратно в лужицу.

– Что это со мной??? – перепугался он, показывая Ягошке руки, которые превратились в козлиные копыта.

Вскочив, Валерка бросился к лужице, но кроссовки слетели с ног, потому что они тоже стали копытами. Споткнувшись, мальчишка покатился кубарем, испачкав всю одежду. Затем сел, неуклюже упирая руки-копыта в песок.

– Как вы тут живёте?! – разозлился он, сплевывая песчинки, застрявшие между зубов. – То слежка в лесу! То разбойники хотят тебя прикончить! А теперь я ещё и на козла стал похож!

– Не хуже вашего живём, – спокойно заметил Ягошка. – И, кстати, тебя сюда никто не звал.

– Так верни меня домой! – потребовал Валерка. – Сделай мне человеческие руки-ноги и давай возвращай!

– Не могу, – сказал Ягошка с прежним невозмутимым видом. – А чтобы не стать козлёночком, надо было сказки читать. Ты, к примеру, знаешь сказку про Алёнушку и брата Иванушку?

– Не знаю я никаких сказок!

– А тебе родители их в детстве не читали?

– Нет. Чтобы я не орал, папа с мамой давали американские мультики на планшете смотреть.

– Трудное у тебя детство было, – вздохнул Ягошка. – Ну, не расстраивайся, в козлов тут многие превращались, но способ расколдоваться наверняка есть. Сейчас с дубом посоветуюсь.

Ягошка прислонился к дубу, потянул свой волосатый свитер за ворот вверх и мигом сам превратился в дерево. Валерка сел рядом и стал слушать, как шумит листва двух деревьев, как будто бы понимал, о чём говорят великаны.

Вдруг земля зашевелилась, и из неё стали пробиваться огромные корни. Мальчишка испуганно отскочил в сторону. А корни, между тем, тянулись всё дальше и дальше, переплетались и уже доставали до другого берега, образуя мостик. Поражённый зрелищем, Валерка и не заметил, как его приятель вновь превратился в самого себя.

– Странные вещи рассказал мне дуб. И ещё..., чтобы всё исправить, нужно идти, куда глаза глядят...

– В смысле? – не понял Валерка.

– Я и сам не очень понял. Но знаю, что он будет нам помогать. Значит, надо идти!

Друзья перебежали мостик из корней. Валеркины копыта звонко стучали, отчего великан захохотал.

– Ничего смешного! – обиделся Валерка, когда Ягошка, продолжая смеяться, помог ему уложить кроссовки в рюкзак. Они пустились по извилистой тропинке, которая вела от берега, а вскоре повернула влево. На обочине стоял синий дорожный указатель, и Валерка прочитал вслух: «Прямо пойдёшь – на яблоньку набредёшь».

– Пойдём, – сказал Ягошка, – мои глаза глядят именно туда.

Вскоре они оказались на поляне, где росла яблонька, усыпанная красными, жёлтыми и зелёными яблоками.

– Я знаю, что вам нужно, – заговорила яблонька человеческим голосом. – Скушайте, добры молодцы, по яблочку моему витаминному.

Съели Ягошка с Валеркой по хрустящему сладкому яблоку и поблагодарили деревце.

– Ступайте по той дальней дорожке, хлопчики, – яблонька ветками указала путь.

Побежали друзья, куда сказала яблонька, и опять через время встретили дорожный указатель: «Печка». Выбежали на поляну, а там настоящая русская печка, из трубы дым валит.

– Скушайте, добры молодцы, по пирожку моему румяному! – говорит печка ласково.

– А с чем пирожки, мамаша? – поинтересовался Ягошка.

– С картошкой и укропом.

– А с колбасой нет?

– Не-а.

Между тем Валерка уже держал двумя копытами пирожок и с удовольствием его лопал:

– Какие вкусные пирожки, тётушка Печка! А можно взять парочку с собой?

– Бери, конечно же!

Валерка потянулся за пирожками и увидел, как его руки стали нормальными. Он взял пирожки, положил их к себе в рюкзак.

Поблагодарив печку, друзья побежали дальше по тропинке и вскоре опять увидели синий дорожный указатель: «р. Молочная, кисельные берега». Спустились к речке, а в ней действительно молоко течёт! И берега вязкие-вязкие, как болото.

– Испейте, ребятки, моего молочка, – говорит речка человеческим голосом.

Валерка достал из рюкзака кружку и пошёл к речке, да только с трудом получается: тонут копыта в киселе так, что не вытащишь. Тут уж речка помогла, прихлынула поближе, Валерка зачерпнул кружкой, отпил и как закричит:

– И впрямь молоко! Да вкусное какое! – он зачерпнул ещё и протянул кружку великану. – Ягошка, пей!

– Да, вкусненько! – оценил великан, сделав пару глотков.

– А теперь поспешайте на выручку Бабе Яге, – сказала реченька. – Томится она в подземелье администрации, помощи вашей ждет.

Вышел Валерка на твёрдую землю и видит, что ноги его стали нормальными. Копыта исчезли! Вот так радость! Он тут же обул кроссовки и достал клубок: «Подключив ГЛОНАСС, приведи-ка нас к Ядвиге Марковне».

Клубок выпал из рук и, подпрыгивая на ухабах, покатился по лесной тропинке. Друзья устремились следом...

* * *

...Здание администрации представляло из себя огромный тёмно-серый замок в готическом стиле. С трёх сторон замок был окружён плотным непролазным лесом. А с четвертой стороны раскинулась большая поляна, вход и въезд на которую был только через здоровенные железные ворота. На поляне были разбиты шатры, горели костры, сновали люди в восточных одеждах, говорившие на непонятном языке.

Медведь, впряжённый в телегу, остановился перед воротами, рядом с указателем «Администрация муниципального образования Сказочный лес. Часы приёма: круглосуточно». Из ворот вышел стражник и лениво произнес:

– Стоять! Чо и куда везём?

– По указу мэра Кощея привезли волшебный скарб для описи и складирования, – отрапортовал Медведь.

– А эта старая ведьма тоже волшебный скарб? – улыбаясь вставными железными зубами, спросил стражник и, подойдя к телеге, стал разглядывать Ягу.

– Сразу видно честного человека, – кивнула Баба Яга на стражника, – Вон, даже перстни на пальцах не золотые, а нарисованные.

– Проезжайте, – смущённый стражник отошёл в сторону.

Михельсон затащил телегу на поляну, и сорок разбойников разбрелись по лагерю. В это время к Медведю из замка шёл сам мэр Кощей. Он был высоким худым стариком, одетым в деловой костюм. На голове Кощея красовалась золотая корона, которая, впрочем, была ему велика и потому постоянно сползала на уши. При каждом шаге косточки Кощея неприятно хрустели, но он старался это скрыть, шагая с осторожностью.

У Кощея был длинный орлиный нос, а в глазах – нездоровый возбуждённый блеск. При этом мэр постоянно улыбался, что вместе с неуклюжей короной создавало ощущение дурашливости.

– Приветствую вас, наш всесильный мэр! – почтительно поклонился Михельсон. – Как здоровьице, Кощей Иванович?

– Переоденьте эту бабку в тюремное и заточите в подземелье, – сказал Кощей весело, будто не слыша вопроса. – А я пошлю за Гаврилой Горынычем.

Два разбойника, выполняя указания мэра, под руки повели Ягу к замку, где был вход в подземелье. По дороге Ядвига подняла глаза, потому что почувствовала, что с высоты, из окна, за ней кто-то внимательно наблюдает, прячась в полумраке комнаты. Она тотчас почувствовала, что у неё где-то в глубине, у самого сердца, стала зарождаться тревога.

* * *

Валерка с Ягошкой, между тем, по-прежнему спешили за клубком. Вдруг их накрыла огромная тень, будто кто-то моментально погасил солнце. Над верхушками деревьев проплыли три огромных пупырчатых головы, за которыми тянулись крылья – такие же, как у летучих мышей, но каждое размером с половину футбольного поля. Змей Горыныч летел туда же, куда катился клубок. Даже здесь, внизу, ощущался тяжёлый и горячий дух, исходивший от дракона, а земля под ним тоскливо гудела. Друзья не успели опомниться, как огромный змей пролетел над ними, и солнце вновь ярко осветило лес.

– Что это было? – удивлённо спросил Валерка.

– Ну, ты даёшь! – воскликнул Ягошка. – Как можно не знать Горыныча? Это ж наш главный судья. Если увидел его в небе, ничего хорошего не жди.

Друзья остановились у камня-указателя на развилке дорог, и Валерка прочёл вслух:

«Прямо пойдёшь – в администрацию придёшь, налево пойдёшь – Чудо-Юдовы подарки найдёшь. Направо – жизненный тупик».

Он поднял с земли клубок:

– Ну, Ягошка, пойдём налево, подарки посмотрим?

– Не нужно туда ходить, – сказал великан назидательно.

– Я одним глазком! – и Валерка решительно свернул с тропинки налево.

Невдалеке виднелась полянка, а на ней – деревянное ведро с водой. В воде плавал серебряный ковш для питья.

– Как душно! Пить охота! – Валерка потянулся к ковшику.

– Стой! – Ягошка схватил друга за руку. – Быстро же ты забыл историю с копытами! Эта вода отравлена!

– Откуда ты знаешь?

– Русские сказки читать надо было! Пойдём отсюда. – Ягошка потянул Валерку за рукав.

– А что там за ковёр с подушками? Пойдём приляжем.

Валерка выдернул свой рукав из Ягошкиной пятерни и двинулся по направлению к ковру.

– Стой, глупая твоя башка!

Ягошка кинул на ковер сухую корягу, и она мгновенно вспыхнула. От неожиданности Валерка отскочил в сторону:

– Чего это?!

– А я тебе говорю, пойдём отсюда. В сказках описана вся правда, но тебе в американских мультиках про это не рассказывали. – Ягошка опять потянул Валерку за рукав. – Пошли, нужно тётку Ядвигу спасать. Хотя, если хочешь, вон яблонька с наливными яблочками, а в них коронавирус. Попробуешь яблочко?

– Не-не, уже не хочу, – Валерка достал клубок и бросил на землю...

* * *

В подземелье администрации было темно и сыро. Свет сюда пробивался сквозь маленькое зарешеченное окошко, расположенное почти под потолком. На полу сидел арестант в оранжевой робе и грустно смотрел себе под ноги. Через его голову наискосок была повязана повязка, согревающая то ли простуженное ухо, то ли больной зуб. Лязгнул замок, и с визгом отворилась железная дверь. – Давай, бабка, шевели уключинами! – раздался окрик охранника.

В камеру зашла Яга, одетая в такую же оранжевую робу. Дверь с шумом захлопнулась, ключ в замке опять лязгнул.

– Соловей Рахманович, ты ли это? – удивилась Яга, с любопытством рассматривая арестанта.

Соловей-разбойник поднял грустный взгляд:

– А, привет, Яга.

– Зуб волшебный вырвали? – сочувственно спросила Ядвига.

– Ага, обезоружили гады, теперь не могу швистеть, – шепеляво подтвердил Соловей.

Лагерь разбойников и прочих восточных пришельцев, разбитый под стенами администрации, накрыла трёхглавая тень: Горыныч кружил над замком в поисках места для приземления. Потому не стало света и в окошке подземелья.

– А вот и суд пожаловал, – грустно сказал Соловей. – Что будем делать, Яга?

– Сначала нужно понять, шо за шухер кругом. Шо за роботы, в которые нас одели? Шо с Кошечем стряслось? Какой-то он придурковатый стал.

– Я слышал, что иноземная царица Шахерезада каким-то странным образом влюбила в себя нашего мэра и завладела его яйцом со смертью. Теперь он покорно выполняет все её прихоти. Поговаривают, что наш Сказочный Лес скоро сольётся с муниципалитетом Шахерезады и станет одним из его районов.

– А шо будет с нами, то есть, с жителями?

– Всем непокорным отрубят головы. А остальных отправят работать – кого на завод по розливу живой и мёртвой воды, кого на Уральские рудники самоцветы копать, а кого на лесоповал. Поэтому всех и одевают в одинаковую оранжевую форму.

Ночь постепенно накрыла лагерь разбойников и готический замок. Во дворе горели костры, в нескольких окнах замка виднелся свет. Сказочный лес засыпал, но засыпал с тревогой и беспокойством, готовый очнуться в любой момент. Яга и Соловей-Разбойник и вовсе не смыкали глаз, всю ночь обсуждая, как спасти Лес. Ядвига предлагала заколдовать Шахерезаду, но боялась, что та и сама ведьма, а потому кого хочешь переколдует. Соловей же выступал за долгий план: незаметно устроить в мэрию своих малограмотных людей, и чтобы те своей тупостью просто развалили изнутри всю администрацию.

Под утро в коридоре раздались гулкие голоса, которые показались знакомыми. А затем дверь открылась, и в камеру толкнули Валерку с Ягошкой. Оба были одеты в оранжевые роботы и, казалось, не сильно расстроены своим задержанием. Увидев Ягу, они радостно кинулись к ней.

– Тётка Ядвига!

– Ядвига Марковна, как же я рад вас видеть!

Друзья обняли старушку. Она, прижав к себе их головы, сказала с облегчением:

– Как же я за вас переживала, родные мои! Садитесь и скорее рассказывайте, шо вам удалось-таки разузнать.

– Ой, тётка Ядвига, яйца на месте не оказалось, – затараторил Ягошка. – Дуб мне рассказал, что на остров вторглась банда разбойников. Залезли в сундук, достали зайца, из зайца – утку, из утки – яйцо Кошечеево.

– Линять отсюда надо пошкоре, – прошепелявил Соловей. – Я имею в виду, эмигрировать.

– И кому ты такой нужен? – покосилась на него Яга. – Соловей-разбойник в сокращённой версии, с выбитым свистящим зубом. Тебе теперь ни напугать, ни ограбить.

– Всё шуточки шутишь, – обиделся Соловей.

– Со своим знаменитым зубом дядька Соловей одним посвистом целую дружину мог уложить! – сказал Ягошка Валерке, чтобы Соловей не обижался.

Звякнул засов, в двери открылось окошко возле пола. Грязная рука с татуировками перстней продвинула в камеру деревянный ковш с водой, а затем небольшой каравай чёрного хлеба.

– Кушайте, смертнички, – раздался из-за двери ехидный голос надзирателя.

– И шо б тебе такого пожелать, шоб потом не завидовать? – огрызнулась Яга, рассматривая свой красный маникюр.

Окошко с шумом захлопнулось.

– Нужно подкрепиться, нам нужны силы, – сказал Валерка и отломил от каравая краюху. Хлеб был жёстким и хрустел на зубах. Отщипнув немного мякиша, Валерка стал разминать его пальцами: – Дядя Соловей, а ну покажи, где у тебя зуб свистящий был?

Соловей приоткрыл рот и показал чернеющую дырку между зубов.

– Попробую вам сделать протез, – Валерка подсел к Соловью и стал ему лепить зуб из мякиша: – Ну вот. Теперь ему нужно подсохнуть. Думаю, в экстренной ситуации можно будет немного повести.

– Почти всё мне уже понятно, – вслух задумчиво рассуждала Яга, – одно не ясно: кто предал Кощея и рассказал, где спрятано его яйцо?!

– Тётка Ядвига, – Ягошка поближе наклонился к Яге, – ещё дуб сказывал, что на остров приходил некто в плаще. Лица его видно не было. Пытал огнём дерево, выяснял, есть ли в нашей сказке двое молодых возлюбленных.

В камере повисла гнетущая тишина.

Пленники съели каравай, разделив его между собой поровну, а затем запили водой из ковшика. В камере стало скучно, время тянулось невыносимо медленно. Ягошка принялся рассказывать Валерке русские сказки, пока тот не задремал. Ядвига думала о своём. А Соловей-разбойник со знанием дела ощупывал себе подбородок и примерял новый хлебный зуб, делая страдальческое выражение лица. Так они дождались вечера, то впадая в дрему, то разговаривая и пытаясь понять, что с ними будет дальше.

– На допросы нас не водят. Значит, они уже решили нашу судьбу, – сказала Яга.

В ответ пленники только тяжело вздохнули.

* * *

В окнах серого замка Кощея отражались последние отблески заката. Михельсон Потапович задумчиво стоял у своей уже пустой телеги. Поодаль у леса, заняв чуть ли не половину поляны, ворочалось гигантское змеиное тело с тремя головами. Одна из голов иногда ворчала басом, и тогда у неё из пасти валил густой серый дым, отчего в округе стоял неприятный и тяжёлый запах серы. С другой стороны поляны топталась избушка, привязанная к дереву за куриную лапу.

Мимо Михельсона сновали разбойники. Кто-то разводил костры у шатров и готовил ужин. Другие играли в нарды, усевшись на цветастые восточные ковры. Язык разбойников медведь понимал хорошо, но они этого не знали, ведь он всегда говорил с ними на своем родном – русском. Вот и сейчас разбойники, сидевшие у костра неподалеку, были уверены, что Михельсон их не понимает.

– Как мне уже тут надоело! Домой хочу, – сказал один из них на своём языке.

– Думаю, ждать осталось недолго, – ответил другой. – Всё волшебство мы собрали. Бунтовщиков завтра казнят, а остальные жители испугаются.

– А потом и этого Кощея, старикана полоумного, в расход пустим, – ухмыльнулся третий.

– Во-во, – поддержал первый. – А с этого глупого медведя я потом шкуру сниму для своего шатра. На пол её постелю.

Троица расхохоталась. Михельсон от злости сжал кулаки и хотел кинуться на разбойников, но вовремя сдержался. Он понял, что не надо себя выдавать. Потому он сделал безразличное выражение морды и принялся слушать дальше.

– А если не получится всех запугать? – спросил один из разбойников.

– Ещё как получится, – заверил его другой. – У кого сила, тот и прав. Раньше сила была у местных, потому что у них было волшебство. А теперь они всё волшебство сдали сами, без боя, прям как дети малые.

Ошарашенный услышанным разговором, Михельсон потихоньку отошёл в сторону и направился к замку. «Вот те раз, – крутилось у него в голове. – Я-то думал, что помогаю Кощею наводить порядок, а оказывается, я помогал врагам...». С этими мыслями он спустился в подземелье и прошёл узким коридором, который освещали факелы, торчавшие из стен. В конце коридора была большая бревенчатая дверь, а за ней – склад, где хранились изъятые волшебные вещи.

– Стой! Назад! – перед медведем сомкнули сабли разбойники, охранявшие дверь.

– Ты как с начальством разговариваешь? – гаркнул Михельсон. – А ну, пусти!

– Наше начальство – это Шахерезада, – ответил разбойник, – а она приказала никого не пускать.

Приняв равнодушный вид, Михельсон кивнул, хотя внутри всё кипело, и он был готов растоптать подлецов. Он стал прогуливаться по замку и лишь теперь заметил, что разбойники дежурят повсюду: и на кухне, и у входа в казематы, и даже у дверей в зал Кощея, куда теперь было не попасть без одобрения Шахерезады. «Ну и дела, – поражался медведь про себя. – Ещё вчера я был командиром, а они гостями. Но теперь командуют они, а я им подчиняюсь... Плохо дело, ой плохо».

Выйдя на поляну, Михельсон обошёл замок. Стараясь остаться незамеченным, он в темноте прокрался к окошку, которое было над самой землей. Встав на четвереньки, Михельсон тихонько постучал по решетке и зашептал:

– Яга, ты здесь?

– Это ты, Михельсон? – раздался голос старухи из темноты подземелья.

– Яга, ты была права! Беда! Весь наш лес разбойники оккупировали. У них план – казнить всех, кто опасен, забрать всё наше волшебство себе, а потом и Кощея убить.

– А где хранится его яйцо? Со смертью, – спросила Яга.

– В левой башне, в самой верхней комнате. Там дубовая дверь с кодовым замком, не откроешь.

– А куда сложили наши волшебные вещи?

– В подвал, за стенкой от вас. Что делать-то, Ядвига?

- Пока ничего не делай. Но будь готов.
- Всегда готов, – ответил Медведь, сделав правой лапой пионерский салют, и потихоньку стал отползать от окна.
- Потапыч, подожди, – остановила его Яга, – Скажи, дорогой, а не видал ли ты тут какого-нибудь странного гостя-чужака?
- По мне, они все странные, эти гости, начиная с Шахерезады.
- Может, с глазами красными, лицом сильно бледным кого-нибудь видел?
- Нет, Яга, такого точно не видел.

* * *

Утро в Сказочном Лесу началось с восхода солнца и веселого щебетания птиц, напевавших старую песню «Нас утро встречает прохладой». Лагерь у администрации ожил. Одни разбойники принялись подметать поляну, а другие – расставлять лавки и стулья. Затем принесли длинный стол и даже трибуну для выступлений, на всякий случай. Затем чужеземцы поставили большой белый шатёр. По всему было видно, что судебный спектакль затевается с размахом. Гигантское тело дракона нехотя просыпалось, ворочалось и недовольно урчало всеми тремя головами.

Солнечные лучи через маленькое окно под потолком осветили камеру в подземелье. Арестанты в оранжевых робах сидели полукругом, понутив головы. К полудню в коридоре слышались шаги. Лязгнул замок, и дверь камеры распахнулась. На пороге стоял вчерашний охранник, но уже вооружённый острым копьём:

- Старуха и ты, лилипут, – он указал копьём в сторону Соловья, – на выход!
- Заклужённые молча повиновались.
- Ой, я так боюсь за тётку Ядвигу! – взволнованно сказал Ягошка, как только дверь захлопнулась, – чую, они хотят их убить!

На поляне за длинным столом сидел Змей Горыныч. Судейская мантия собралась складками так, что казалось, будто за столом трое судей. И только огромные лапы, по одной слева и справа, разоблачали эту зрительную иллюзию. На лавках, расставленных перед судейским столом, сидели разбойники с саблями, а дальше на стульях – жители леса. Все о чём-то возбужденно переговаривались.

Тяжелые двери замка медленно открылись, и оттуда вышли Баба Яга и Соловей-разбойник в сопровождении охранника. Ропот на поляне стих. Охранник подвёл заклужённых к отдельно стоящей скамье подсудимых и жестом приказал им сесть. Зрители, кто с любопытством, кто с жалостью, а кто и со злорадством разглядывали подсудимых.

Двери администрации опять распахнулись, и на пороге показался Кощей с его возлюбленной, царицей Шахерезадой. Мэр выглядел ещё более худым и старым, чем вчера. Зато глупая улыбка по-прежнему не сходила с его лица. Когда он поправлял золотую корону, улыбка становилась ещё шире, отчего становилось жутковато.

В этот раз на Кошее был синий мундир, а поверх – металлическая кираса с рубцами от былых сражений. На левом плече виднелся красный круглый погон с золотой бахромой, в середине которого красовалась золочёная буква «К». Шахерезада была облачена в полупрозрачную тунику цвета морской волны. Её густые чёрные волосы были подобраны и скреплены ожерельем из сверкающих драгоценных камней. Ноги обуты в серебристые сандалии, сверкавшие на солнце.

Увидев правителей, зрители зааплодировали. Кощей с Шахерезадой остановились, держась за руки, и поклонились публике. Затем они направились к открытому белому шатру, и Яга с удивлением заметила, что Шахерезада не отбрасывает тень. Тень была лишь у Кошея. Причём, она была странная, какая-то двойная, что ли. Парочка разместилась в шатре на одеялах и шёлковых подушках.

Горыныч громко стукнул по столу судейским молотком:

- Судебное расследование по обвинению в гнусной измене объявляю открытым!

Среди зрителей пробежал шепоток. Змей опять ударил молотком:

- Требую тишины! Нарушители отправятся на заготовку леса для нужд муниципалитета-побратима Восточные Сласти. Пожизненно! – уточнил Змей после небольшой паузы.

Мгновенно воцарилось молчание. Одна голова Горыныча обернулась в сторону Шахерезады.

- Продолжайте, – махнула рукой царица, не обращая внимания на возлежавшего рядом влюблённого Кошея, не сводящего с неё глаз.

– В сегодняшнем судебном заседании принимают участие: прокурор, – левая голова змея поклонилась, показывая, что она и есть прокурор; – защитник, – правая голова змея поклонилась; – и верховный судья, – поклонилась голова в центре. – Отводы есть?

Все молча смотрели на странное лесное правосудие.

- Отводов нет, – заявила центральная голова Горыныча. Потом голова продолжила: – Старуха, встань!

Яга поднялась со скамьи, кряхтя и держась одной рукой за поясницу.

- Фамилия, имя и отчество? – спросила центральная голова.

– Шо? – переспросила старуха. – Плохо тебя слышу, Гаврила!

Змей сделал знак охраннику, стоявшему неподалёку от заключённых. Тот размахнулся и изо всей силы ударил старуху плетью. От неожиданности и страха зрители охнули. Ядвига выпрямила от боли спину:

– Ты посмотри, каким ты стал заносчивым, прям как гаишник с Дерибасовской! – превозмогая боль, твёрдо сказала Яга.

– Я повторяю ещё раз: фамилия, имя и отчество! – со злостью проревела средняя змеинная голова.

– Ты же знаешь, все зовут меня Бабка Яга.

– Сколько тебе лет?!

– Ой, каждый год по-разному. Уж и не помню.

– Признаёшь ли ты себя виновной в измене? – строго спросила левая голова-прокурор.

– Я не сильно умею сказать, но хочу.

– Так говори! – прорычала средняя голова.

– Какая измена, Гаврила Горыныч?! Я порядочная женщина! Кому мне изменять, я же не заму-
жем.

– При чём здесь замужем?! – возмутилась средняя голова.

– Никому я не изменяла, – более серьёзным тоном ответила Яга, – Да и вообще, я ещё почти дева!

– Я, как старухин защитник, прошу её наказать не очень строго, – манерно заступилась за Ягу правая голова-адвокат. – Если придется рубить голову, прошу это сделать быстро и не больно.

– Пока можешь сесть на лавку, старуха! – объявила голова-судья.

Все три головы Змея пристально посмотрели на Соловья. Тот от страха вжал голову в плечи.

– Встань, – приказала Соловью средняя голова Горыныча, – назови свои фамилию, имя и отчество.

– Соловей Рахманович. Разбойник я, – отрапортовал подсудимый.

– Признаёшь ли ты себя виновным в измене? – строго спросила левая голова-прокурор.

– Что вы, ваши нечисти, какая измена? Никому я не изменял. Жил сам по себе, прохожих грабил, купцов всяких обирал. А изменять – нет, никому не изменял.

– А сопротивление стражникам зачем оказывал? Зуб свой волшебный добровольно не отдавал? – спросила голова-прокурор.

– Так не знал же я, что указ был зуб отдать, как и всё волшебное имущество. Думал, что стражники вовсе и не стражники, а лихие люди, бусурмане, вздумали меня ограбить. Самооборонялся по незнанию я, ваши нечисти!

– Прошу и этого не очень строго наказывать, – сказала правая голова-адвокат, – Голову если и рубить, то одним махом! Чтоб не больно.

– Садись! – скомандовала голова-судья, – Стража, привести остальных!

Охранник кинулся в подземелье и вскоре привёл на поляну Ягошку и Валерку, одетых в оранжевые робы. Заключённые встали рядом со скамьей подсудимых.

– Слева прокурор, справа адвокат, в центре я – верховный судья, – прорычал змей, – Отводы есть кому-нибудь?

– Есть! – заявил Валерка, – я не доверяю прокурору.

– Ты кто такой, отводы тут заявлять?! – злобно зарычала средняя голова.

– Вы же спросили про отводы, я и ответил.

– Правосудие на месте посовещалось и решило отклонить отвод, – зло сказала центральная голова.

Три головы стали пристально рассматривать Валерку. Потом переключились на Ягошку. Потом опять усталились на мальчишку:

– Назови своё имя, – приказала средняя голова.

– Валерий Морозов, – ответил школьник.

– Ха-ха-ха, – рассмеялись головы, – Валерий Морозов! Ты откуда здесь взялся, Валерий Морозов? Ты же не наш.

– Это внебрачный правнук Деда Мороза, – пошутил кто-то из зрителей, что вызвало общий хохот.

Змей Горыныч опять ударил судейским молотком по столу: – Замолчали все! – Хохот прекратился.

– Ладно, садись пока, – сказал Змей Валерке и повернул свои головы в сторону Ягошки: – А ты кто таков будешь?

– Я Ягошка, великан немножко, с Дальних Болот.

– Ха-ха-ха, – рассмеялся Змей, – Великан немножко! Какое весёлое у нас сегодня судебное разбирательство получается!

Среди зрителей опять возник гул. Кто-то о чём-то оживлённо беседовал, кто-то хихикал. В это время из дверей администрации на поляну вышел дворецкий. Он держал в руке поднос с чайником и двумя пиалами, а в другой руке – блюдец с эклером. Чинной походкой он подошёл к шатру, в котором полулежали Кощей с Шахерезадой, с поклоном поставил поднос и блюдец на одеяла и так же важно удалился.

Яга с большим любопытством наблюдала, как Кощей взял пирожное и, откусив кусочек, запрокинул голову, смакуя вкус.

– Это божественно! – воскликнул Кощей, не переставая наслаждаться пирожным.

Несказанно удивлённая, Яга хотела что-то сказать, даже привстала со скамьи подсудимых и вытянула было вперёд, в сторону Кощея руку, но охранник, стоявший позади, надавил старухе на плечо, опустив её обратно.

Змей опять ударил молотком по столу, глядя на Ягошку с Валеркой:

– Вы оба были пособниками в измене у этой старухи? – левая голова указала на Бабу Ягу. – Или у этого разбойника? – голова указала на Соловья.

– Не были мы никакими пособниками, – возразил Валерка.

– А кто напал на беззащитный конвой, сопровождавший волшебные вещи?

– Мы не нападали, мы заступились за бабушку Ягу, – сказал Валерка, – это они напали на беззащитную женщину!

– Тишина! – прорычала средняя голова и посмотрела в сторону Кощея и Шахерезады. – Суду нужно посоветоваться. Смертный приговор огласим завтра вечером.

– Небольшое объявление! – Шахерезада встала с одеял. – Завтра вечером, сразу после оглашения смертного приговора, состоится бал-маскарад с фуршетом. А потом, – она немного помедлила, как бы сохраняя интригу, – потом будет фейерверк, и под эти праздничные огни состоится казнь смутьянов. Будет весело!

Зрители заплотировали. Стражник повёл подсудимых обратно в камеру. По дороге Яга глянула на верхние окна замка и опять почувствовала, что оттуда кто-то всё это время наблюдал за происходящим. Сердце опять тревожно защемило.

– Ядвига Марковна, а Кощей что, казачий класс окончил? – спросил Валерка по дороге.

– Как это? – удивилась Яга.

– У нас в школе есть отдельный класс, где учатся дети, в будущем желающие стать казаками. У них на форме красные погоны с буквой «К». У Кощея на погоне такая же буква.

– А, ты в этом смысле? Нет. Какой из него казак! «К» – это значит «Кощей»...

Ягошка нервно шагнул по камере из угла в угол:

– Ну, слышали? Горыныч посоветуется сам с собой и объявит смертный приговор.

– Говорю я вам, просить пощады нужно, – нервно отозвался Соловей.

– Иначе сказке конец, – поддержал Соловья Ягошка.

– Ой, я вас умоляю! – подключилась Яга. – Давайте лучше подведём итог и составим план.

Она оглядела сокамерников и стала говорить шёпотом:

– Теперь мне многое понятно. Кощей зачарован, на него наложили очень сильное заклятье, Шахерезада приставила к нему свою тень. Значит, надеяться на его благоразумие бессмысленно. Подобраться к нему на аудиенцию тоже не выйдет. Приставленная тень забьёт тревогу.

– Что же теперь будет? – обхватил голову руками Валерка. Он вдруг вспомнил, как уютно и весело было в вагоне, который вёз его к бабушке. Совсем недавно он ехал на плацкартной полке, листая приложения в новеньком телефоне и попивая вкусный чай, который носила проводница. Он знакомился с пассажирами, слушал истории из жизни и споры о политике, но зелёные летние пейзажи, летящие за окнами, казались важнее любых историй и споров. Поезд нёс его к любимой бабуле, и ни о чём можно было не беспокоиться, и завтрашний день казался простым и ясным.

– Ну, зачем, зачем я тогда вышел тогда из вагона?! Зачем пошёл через этот дурацкий лес?! – отчаянно крикнул Валерка, срываясь на плач.

– Эй, халамидник, сделай рот потише! – строго сказала Яга. – Шо ты голосишь, как тётя Сара на Привозе?

– А что нам ещё остается? – спросил Ягошка.

– Остаётся действовать самим, – Яга была невозмутимой и спокойной. – Немного отдохнули, пора и за работу.

– О чём ты говоришь? – запричитал Соловей. – Мы взаперти, нас казнят, надо просить милости у Кощея!

– А ну, цыц свои громкоговорители! – сдвинула Ядвига брови. – Вы взаправду думаете, шо меня можно закрыть в тюрьме на ключ? Я ж тут отдохнула, как в санатории, только кофэ не пила. Не подавали. А теперь давайте отсюда выходить.

Набрав в грудь побольше воздуха, Яга вдруг закричала как резаная:

– Стража-а-а-а!! Помогите-е-е-е!! На бэдную сироту насильники покушаются-а-а-а!!

В коридоре послышались торопливые шаги, и дверь распахнулась. Яга вдруг перестала вопить и открытой ладонью провела перед лицом охранника, стоявшего на пороге. Тот замер, уставившись в стенку немигающим взглядом. Старуха подвела охранника к скамейке, усадила его и жестом позвала заключённых на выход...

* * *

Рабочий кабинет мэра Сказочного Леса больше походил на восточную опочивальню. На полу повсюду были пёстрые ковры с затейливыми восточными узорами. Половину кабинета занимала мягкая возвышенность, служившая своего рода кроватью, а потому усеянная шёлковыми подушками и отгороженная от другой части кабинета прозрачным тюлем с золочёной тесьмой.

– Шахерезада, душа моя, ты где? – хныкал Кошей, возлежа на мягких матрасах и подушках, – Я не видел тебя уже целых две минуты – это целая вечность!

– Завариваю тебе чай, любовь моя, – отозвалась Шахерезада из-за ширмы. При этом она всыпала в заварочный чайник какой-то белый порошок.

Чайник царица поставила на золочёное блюдо, которое затем принесла Кошеей и водрузила у его ног.

– Пей, милый! – сказала она елеинным голосом, налив чай в пиалу. – Это чай с лепестками роз и утренней росой. Ты должен быть сильным и весёлым.

Кошей подул на горячий чай и стал его пить мелкими глотками, всем своим видом показывая, как он счастлив.

– Как же я хочу устроить праздник не завтра, а сегодня, милый! Нужно поскорее казнить ту наглую старуху. Я чувствую, что от неё исходит угроза нашему счастью.

– Конечно, любовь моя.

– Сделаем это торжественно, под выстрелы салютов. Думаю, будет очень красиво. Кровь и пламя!

Кошей продолжал наслаждаться чаем, и глаза его становились всё более пустыми и глупыми.

– А потом будет бал: танцы, веселье! И, может быть, я покажу всем твоё яйцо, – Шахерезада внимательно посмотрела на реакцию мэра.

Тот продолжал блаженно улыбаться.

– А потом... А потом, может быть... Потом, может быть, я разобью это яйцо и переломлю пополам иглу...

* * *

Огромный солнечный диск, какого не бывает в обычном мире, медленно скрывался за верхушками деревьев. Беглецы уходили от здания администрации всё дальше и дальше в лес по тропе. Выбраться за ворота им помог Медведь, который отвлек охрану, вовремя поняв ситуацию. Поравнявшись с указателем «Чудо-Юдовы подарки», Валерка остановился. Подняв с земли уголёк, он подошёл к указателю и приписал внизу: «Акция! Получи свой подарок! Первый получивший узнает, где лежат старинные сокровища!».

– Что ты задумал? – спросил Соловей.

– Потом узнаешь, – отозвался Валерка.

Ночь быстро поглотила лес. Идти по тропинке становилось всё тяжелее. Луны не было, и в плотном мраке беглецы то и дело спотыкались. Яга угодила ногой в яму и жалобно заохала.

– Нужно уйти с тропы и дожидаться луны, – сказал Соловей, – иначе все покалечимся.

Беглецы свернули в чащу и побрели наугад. На их счастье вскоре среди деревьев показалась маленькая полянка. Ёжась от ночного холода, они пытались осмотреться в крошечной темноте. Ягошка отошёл в сторону и притащил два сухих поваленных дерева: «Я их за версту чую». Он установил их, как лавочки, друг напротив друга. Валерка в это время насобирав хвороста и сложил его в небольшую кучку между импровизированными скамьями. Яга разожгла костёр, и все расселись у огня, чтобы согреться.

– Ядвига Марковна, а как вы в Волшебном Лесу поселились? – спросил Валерка.

Тётка Ядвига, ты ж так и не рассказала всю историю, – вспомнил Ягошка. – Расскажи, пожалуйста!

Яга опять посмотрела на огонь, который будил в ней воспоминания. Хворост слегка потрескивал, отправляя вверх маленькие искорки.

– После замужества я была без ума от счастья, хотя понимала, что всему рано или поздно приходит конец. Я боялась спугнуть свою безмятежную жизнь, окутанную любовью. Через год мой возлюбленный, Константин, увлёкся алхимией. Тогда это было очень модно. Все они, алхимики, искали вечную жизнь и несметные богатства. Со временем любовь к тайной науке полностью заменила в нём любовь ко мне. Он буквально жил в своих подвалах, уставленных медицинскими склянками, древними книгами, черепами животных... Единственно, что его могло ненадолго отвлечь от затянувшихся поисков философского камня – это эклер. Маленькое такое вкусное пирожное с заварным кремом...

* * *

У огромного камина с искусными изразцами стоял тяжёлый дубовый стол, застеленный белоснежной кружевной скатертью. Сервирован он был на двоих. На столе, как и по всей комнате, стояли подсвечники с зажжёнными свечами. В огромном камине горел огонь и потрескивали поленья. За столом сидела Ядвига и раскладывала карточный пасьянс. Вошёл Константин. Он быстрыми шагами приблизился к возлюбленной, обнял её сзади и поцеловал в шею:

– Любовь моя, я сегодня опять не буду ужинать с тобой. Извини! Моя работа подходит к концу, и я просто жажду её завершения. Скоро мы станем невероятно богаты.

– Милый поручик, ты так исхудал со своими опытами. Буквально через полчаса нам подадут запечённую оленину. Как ты любишь, с белым вином.

– Поужинай сегодня без меня, любимая. Обещаю, что скоро всё закончится, и тогда я буду неотлучно подле тебя.

– Я заказала твои любимые эклеры.

– Обожаю их не только за вкус, но и за то, что они свели нас с тобой. Помнишь?

– Конечно, помню!

Открылись высокие двойные двери, и в залу вошёл дворецкий с подносом. С поклоном он ловко поставил на стол чайные пары, большой чайник с чаем и два эклера на блюде, накрытые сверху прозрачным колпаком из тончайшего хрусталя.

Константин, не церемонясь, взял один эклер и, не сядя за стол, откусил небольшой кусочек. От наслаждения он запрокинул вверх голову и стал медленно жевать, смакуя его вкус.

– Это божественно! – воскликнул Константин, не переставая наслаждаться пирожным.

Кусочек за кусочком он доел любимое пирожное.

– Давай, я тебе чаю налью...

– Нет, дорогая, не нужно. Мне уже пора.

Он опять подошёл к Ядвига сзади, приобнял её и прошептал на ухо:

– Не хотел тебе говорить, но... я создал гомункула*.

Ядвига повернула голову и удивлённо посмотрела на Константина. Его глаза сверкали гордостью и торжеством:

– С его помощью я скоро добуду философский камень, любовь моя! Представляешь, какие неслыханные перспективы откроются перед нами?

Он опять поцеловал возлюбленную:

– Скоро всё закончится, любовь моя!

Дверь закрылась, и Ядвига осталась одна в огромной зале.

– Что такое гомункул? – спросила она сама себя.

Ужинать в одиночестве ей не хотелось, поэтому она встала из-за стола, взяла небольшой канделябр с горящими свечами и направилась в свою спальню. По дороге она увидела приоткрытую дверь кабинета, в котором долгие часы проводил её возлюбленный. Зайдя внутрь, Ядвига осветила помещение. Внутри никого не было. На столе открытой лежала огромная старинная книга. Ядвига подошла ближе и начала шепотом читать:

«Возьми известную человеческую жидкость и оставь гнить её в запечатанной тыкве... пока не начнёт жить, двигаться и копошиться, что легко заметить. Но это ещё не гомункул, оно ещё не похоже на человека, оно прозрачно и без тела... Ежедневно питай его человеческой кровью и» ...

Взволнованная Ядвига отошла от стола: «Какой ужас! Кого он там создал?».

Быстрым уверенным шагом она пошла ко входу в подвал, где размещалась лаборатория мужа. Чем ближе девушка подходила к лаборатории, тем сильнее у неё ныла душа. Какое-то страшное предчувствие нарастало внутри, распирало и готовилось вырваться наружу. Она двигалась по длинному сырому коридору подвала навстречу небольшому свечению, которое шло сквозь неплотно закрытую дверь. По пути женщина раздумывала: стоит ли входить? Не помешает ли она? И всё же, отбросив сомнения, она смело взялась за ручку и резко распахнула массивную створку.

В центре комнаты стоял большой рабочий стол, ярко освещённый свечами. Константин, нагнувшись над столом, внимательно что-то разглядывал в большое увеличительное стекло. Из-за яркого света Ядвига сначала не заметила каталку с бездыханным телом, стоявшую справа, в самом конце комнаты. Она сделала несколько шагов к Константину и наконец разглядела каталку, труп на ней и кого-то ещё, измазанного кровью и пожирающего мёртвую человеческую плоть.

– Константин! Что это? – вскрикнула перепуганная Ядвига. Опершись рукой о спинку массивного стула, она плюхнулась на него, имитируя обморок. Руки её обмякли и повисли плетями.

Муж подскочил к ней и попытался привести в чувства, но был остановлен окриком кровожадного гостя:

– Отойди в сторону! Теперь это моя добыча!

– Нет, Странник, нет! – закричал Константин и заслонил собой Ядвигу, – это моя жена! Я не отдам её тебе!

– Отдашь! Иначе не видать тебе философского камня! Не в обмен ли на обладание им ты клялся принести любые жертвы? Она и есть недостающая жертва! – Полуобнажённое существо с красными сверкающими глазами резко и сильно оттолкнуло алхимика.

Константин упал на пол и ударился головой. Ядвига, искусно изображавшая обморок, увидев сквозь прищуренные руки чужака, вскочила со стула и с криком кинулась было бежать, но когтистая пятерня толкнула её в спину, насквозь порвав ткань платья и до крови оцарапав кожу. Она упала, но тут же поползла к двери. Там, за дверью, она надеялась найти спасение. Чудовище приготовилось прыгнуть на уползающую жертву, но в этот момент Константин, оправившийся от падения, с силой, какая ещё была в измождённом голодном теле, ударил кровожадного монстра тяжёлым подсвечником. Монстр свалился на пол, но сумел дотянуться и схватить Ядвигу за ногу. Пока он тянул девушку к себе, Константин замахнулся снова, но в это мгновение Странник впился зубами в ногу девушки.

От дикой боли Ядвига вскрикнула и тут же потеряла сознание. На этот раз по-настоящему. Свет померк...

* * *

Баба Яга подбросила в костёр ещё несколько хворостин. Огонь стал ярче. Не отрывая взгляда от пламени, она продолжила свой страшный рассказ:

– В сознание я пришла в цыганской кибитке. Табор переезжал на Юг, и меня подобрали бездыханную, лежащую на обочине дороги. Старая цыганка Нана рассказала, что во мне почти не осталось крови. Я была похожа на молодую старуху: седые волосы, иссохшая кожа. Цыганка возвращала меня к жизни по капельке, как могла. И когда я пришла в сознание, она сказала: «Раз ты сумела открыть глаза, значит, ты сильная и будешь жить. Только должна тебя предупредить, что жизнь твоя уже не будет такой, как прежде. Тебя ждут тяжелые испытания».

– Тётка Ядвига, а как твоему Константину удалось создать такое кровожадное чудовище? – спросил Ягошка, заворожённый рассказом Яги.

– Теперь я знаю, как. Константин звал его Странником, но имя этой твари – упырь. Он обманул Константина, заставил поверить в то, что именно Константин его создал, что он гомункул. В обмен на человеческую кровь он обещал добыть философский камень и составить карту, где спрятаны все сокровища мира. Константин договорился со старым могильщиком, чтобы тот один раз в неделю привозил ему мёртвые тела, которые он крал из свежих могил...

– Ужас! Как же много вам пришлось пережить, Ядвига Марковна, – сказал Валерка.

– Самое страшное было – смириться со своей неожиданной старостью, когда мне было всего двадцать, – Яга прутиком расшевелила угли в костре. Сноп ярких искр снова поднялся к небу. – Много лет я скиталась по миру в поисках колдуна или ворожеи. Я мечтала вернуть свою молодость. Но тщетно.

– А что тот Странник? – спросил Соловей, до этого молча и внимательно слушавший рассказ старухи.

– Он искал меня, гнался за мной по всему свету. Скрыться мне удалось только здесь, в этой сказке. Но надолго ли?

– А зачем вы ему нужны? – осведомился Валерка.

– Не знаю. Возможно, он просто мстит за то, что я разоблачила его перед мужем, и тот узнал, что гомункул не гомункул, а простой кровопийца упырь.

Наступила тишина. Луна вышла из-за облаков и осветила поляну призрачным голубоватым светом. Лес молчал вместе с беглецами. Костёр догорал, превращаясь в светящиеся угольки.

– Ядвига Марковна, а куда мы все убегаем? – спросил Валерка.

– От топора палача, – ответил Соловей.

– Не от чего, а куда, – уточнил Валерка, – что же теперь станет с лесом, с этой сказкой?

– Лес вырубят и отправят в виде брёвен в муниципалитет Шахерезады, – удручённо сказал Ягошка, – а без леса я погибну.

– А всё наше волшебство хотят использовать против других муниципалитетов, чтобы их пригresti, – добавила Яга.

– И что, мы вот так сбежим и оставим наш лес на разграбление? – возмущённо спросил Валерка.

– Наш? – удивилась Яга.

– Конечно, наш! – поддержал друга Ягошка.

– И все жители леса станут рабами Шахерезады, – заключил Валерка.

– Медведь говорил, что подслушал разговор охранников. Они на своём языке обсуждали замысел Шахерезады убить Кощея, – сказала Яга, – но сначала они хотят убить нас, чтобы мы не мешали им.

– И что же теперь делать? – снова спросил Валерка.

– Вам – бежать отсюда подальше, для этого я вас и вывела из замка. Ягошка отведет тебя на границу, чтобы ты вернулся в обычный мир. А потом он пойдет к себе на Дальние Болота и превратится в дерево, чтобы его не нашли. Соловей тоже вернется к себе и ляжет на дно.

– А как же ты, тётушка? – вмешался Ягошка.

– А я вернусь в замок и буду с ними сражаться.

– Нет! – крикнул Валерка. – Вашего волшебства не хватит, они вас убьют!

– Я своё отжила, мне терять нечего, – ответила Яга задумчиво. – Теперь я понимаю, кто такой Кощей, и что с ним сделали. Чем жить, зная это, лучше умереть.

– Так дело не пойдет! – решительно возразил великан. – Валерку я отведу на границу, а потом вернусь сюда, и мы пойдём сражаться вдвоём.

– Не вдвоём, а втроём, – перебил мальчишка. – Я остаюсь с вами, будем драться вместе.

– Ой, и трудно же с вами, халамидники, – покачала головой Ядвига. – Я хочу, чтобы вы спаслись, так бегите отсюда, пока ещё можно.

– Вместе мы победим, я уверен! – сказал Валерка.

– А я уверена, шо в Одесской картинной галерее красиво. Знаешь почему? Там полы мастикой натирают. За всё остальное не уверена.

– Вот-вот, – подключился Соловей-разбойник. – Я на плаху не хочу. Я – пас, вы уж извините. Мне лучше спрятаться.

– Это ваше дело, Соловей Рахманович, – отозвался Валерка. – Каждый выбирает сам, и мы вас не виним.

– Конечно, – подтвердил Ягошка. – Спасайтесь, а мы вернёмся в замок.

Ночь потихоньку отступала. Просыпались птицы и робким чириканьем возвещали о рождении нового дня. Яга, Валерка и Ягошка быстрым шагом возвращались в администрацию. Поравнявшись с волшебной поляной, где Валерка делал надпись на указателе, друзья увидели интересное зрелище. Вокруг были разбросаны шлемы, щиты и иноземные полукруглые сабли. Самых же разбойников не было, из чего следовало, что отряд искал беглецов, по пути польстился на акцию, но отправился на тот свет.

- Ох, Отморозов! – воскликнула Яга. – И как ты до такого додумался?
- Я ему сказку про эту поляну рассказал, – гордо сообщил Ягошка.
- Не будем терять времени, – сказала Яга, и троица вернулась на тропу, ведущую к замку.

* * *

Первые лучи застали их почти у самых ворот администрации. Как ни в чём не бывало, друзья прошли мимо храпящих стражников. Потом спустились в подвал, где неподвижно сидел охранник, которого Яга загипнотизировала перед побегом. Она подошла к чужеземцу, провела ладонью рядом с его лицом, что-то прошептала, и охранник встрепенулся:

- Где я? Что это было?!
- Ничего не было, – сказала Яга, усаживаясь на деревянную скамейку, – Иди служи своей госпоже.

Охранник неуверенно встал, почёсывая затылок, и направился к выходу, а затем запер дверь.

– Итак, – сказала Яга. – Сейчас нападать нельзя, потому что на рассвете волшебство сильнее всего. Значит, Шахерезада сейчас сильная. А вот к вечеру, когда её волшебство ослабнет, мы и вдарим. Слушайте план.

Заключённые сели к ней поближе и стали вслушиваться в шёпот Ядвиги.

День пролетел быстро. Через окно было слышно, как разбойники тащили на поляну доски, а потом строили из них театральные подмостки. Когда работа была окончена, на сцену затащили большой пень, который должен был служить плахой. Затем ударил одинокий салют: чужеземцы пробовали, как работает праздничная пиротехника. Валерка сидел, опершись спиной о стену темницы, и жевал чёрствую корку хлеба. Ягошка сидел рядом с Ягой и немного подрагивал, стараясь это скрыть. Час битвы приближался. И вот в коридоре послышались шаги надзирателя.

– Все всё помнят? – спросила Яга.

Узники дружно кивнули головами.

– Ягошка, не перепутай башни. Не оплошай, племяш, это очень важно.

Охранник вставил ключ в замочную скважину и стал его проворачивать.

– Да, Валерка, чуть не забыла, – Яга протянула руку, в которой был его ярко-красный айфон. – Подумала, вдруг больше не будет возможности тебе его вернуть.

– Где вы его взяли, Ядвига Марковна?

– В телеге, когда меня сюда везли.

Со скрежетом распахнулась дверь. Охранник, стоя на пороге, внимательно обвёл всех взглядом:

– Ну что, выходим и следуем за мной. И не пробуйте бежать, всё вокруг оцеплено. Ведите себя достойно и сделайте людям праздник.

– А где лилипут?..

Яга поднялась с лавки и, подойдя к охраннику, открытой ладонью взмахнула у его лица, как и в прежний раз. Стражник окаменел.

– Чего расселись, выходим, – скомандовала Яга.

Ягошка с Валеркой подскочили и шмыгнули в коридор. Следом за ними, не торопясь, по коридору шла Яга. Последним следовал загипнотизированный охранник. Его ноги и руки были прямыми, и потому он напоминал робота.

На поляне царили веселье и гвалт. Гости, разодетые в маскарадные костюмы, разгуливали и общались между собой. Разбойники выстроились вокруг поляны, сжимая свои острые сабли. Бойкие официанты в белых рубашках с бабочками разносили на подносах сладкие угощения. На сцене на шелковых мягких подушках возлежали Кощей и Шахерезада. Режиссёр копался в проводах, подключая звуковые колонки. Охранник поднялся на сцену вместе с Ягой и застыл.

– Я знала, что ты вернёшься. И где теперь остальные? – спросила Шахерезада, – помогла им сбежать? А что ж сама не сбежала? Что тебя тут держит? Говори!

– Это моя сказка! И ты тут лишняя! – Ядвига насмешливо посмотрела ей в глаза.

Воспользовавшись тем, что во дворе никого не было, Ягошка с Валеркой спокойно пробрались к левой башне, где в одной из комнат должно было храниться яйцо Кощей.

– Давай, залазь на меня быстрее! Времени в обрез, – поторопил великан друга, – мне ещё в подвал нужно успеть.

Ягошка присел, и Валерка мигом взобрался ему на плечи. Великан потянул за ворот вверх свой свитер и тут же превратился в высоченное дерево. Валерка оказался сидящим на самой верхушке, акkurat напротив самого высокого окна. Заглянув внутрь, он воскликнул:

– Яйцо здесь! Вернее, яйца. Их много, и они все разные!

В комнате на различных подставках стояли совершенно разные яйца: крокодильи, страусиные, расписные пасхальные, хрустальные...

Валерка запрыгнул в комнату.

– Какое же из них Кощеево?! – удивлённо воскликнул школьник.

Яга не сводила глаз с Кощея. Он безучастно возлежал на подушках и смотрел на свою властную Шахерезаду.

Неожиданно на поляне и в замке погас свет, и наступила тишина. Через несколько секунд свет вновь зажёгся. На месте, где прежде стояла пленённая Яга, была молодая Ядвига. Сзади, будто живой стеной, замерли ничего не понимающие гости в маскарадных костюмах.

– Константин! – громким голосом обратилась Ядвига к Кощею.

Кощей нехотя повернул голову на зов.

– Константин! Во что ты превратился?!

Измученный Кощей встал с подушек и сделал шаг вперёд. По всему было видно, что чары Шахерезады спали.

– Ядвига?! – изумлённо спросил Кощей, – Я искал тебя! Ядвига!

Свет опять погас. В темноте Кощей закричал:

– Свет! Зажгите свет! Несите свечи! Быстро! Ядвига!

В тёмном подвале у рубильника стоял Ягошка и считал свои пальцы на правой руке:

– Один, ещё один, ещё один, ещё один. И этот один. Потом он поднял ручку рубильника, и свет вновь загорелся.

Валерка не знал, какое именно ему нужно яйцо.

– Если оно было в утке, значит, должно быть утиное. Логично? – сам с собой разговаривал школьник. А где тут могут быть утиные яйца? Не это ли? – он взял в руки белое крупное яйцо, – Оно крупнее куриного, значит, утиное.

Неожиданно сработала сигнализация. Писк был такой сильный и противный, что Валерка аж поморщился. Двери в хранилище отворились, и на пороге показались два стражника. Не раздумывая, они кинулись на Валерку. Валерка увернулся и, проскочив мимо подставок с другими дорогими яйцами, кинулся к выходу. Стражники так же аккуратно, боясь разбить экспонаты, стали преследовать Валерку.

На поляне царил переполох.

– Найдите её! – кричал Кощей, – Ядвига, вернись! Ищите её!

Обескураженная Шахерезада с опаской наблюдала за происходящим.

– Любовь моя, – обратилась она к Кощею.

Кощей повернулся в её сторону и произнёс с презрением:

– Ты кто такая?! Сгинь с глаз моих!

– Ах, так! – возмутилась оскорблённая царица, – надеюсь, ты не забыл, что твоя смерть в моих руках. Твоё яйцо у меня!

– Нет, у меня! – крикнул Валерка, стоя на ступеньках и держа в вытянутой над головой руке утиное яйцо.

Все замерли. Неожиданно по ступеням стали сбегать стражники, которые гнались за Валеркой ещё из самой верхней комнаты башни. Увидев свою повелительницу, они в нерешительности остановились рядом с Валеркой.

– Схватить его! И отберите у него яйцо! – скомандовала стражникам Шахерезада, указав пальцем на Валерку.

– Ягошка, лови! – крикнул Валерка и бросил в его сторону яйцо.

Великан с лёгкостью поймал яйцо и гордо поднял его над своей головой.

– Ягошка? – удивлённо спросила царица, – Какое интересное имя! Ягошка, посмотри мне в глаза.

Великан посмотрел в глаза Шахерезаде и замер, не в силах отвести свой взгляд.

– Я твоя судьба, твоя любовь, твоя единственная радость! – вкрадчиво произнесла царица, – Принеси мне яйцо, любимый!

Зачарованный Ягошка виновался. Он медленно направился к Шахерезаде, не отводя от неё глаз; безропотно шёл, шаг за шагом приближаясь к обольстительнице и уже было протянул Шахерезаде яйцо... Шахерезада протянула руку навстречу, чтобы взять это яйцо, как вдруг на метле пролетела Яга и выхватила яйцо из рук Ягошки. Гости, напряжённо наблюдавшие за происходящим, от неожиданности охнули.

Сорок разбойников вскинули свои луки, чтобы поразить стрелами летящую Бабу Ягу, но неожиданно раздался дикий свист. Посреди зала стоял коренастый, невысокого роста... Соловей-разбойник. Страшной звуковой волной разбойников придавило к стене, стрелы полопались пополам, тетива на луках лопнула.

Яга опустилась рядом с Соловьём-разбойником, взяв метлу наперевес, чтобы удобно было отбиваться от разбойников.

– А ты тут как?

– Да я вот подумал... Короче, я с вами! До конца! Своих не бросаем! – и засвистел с новой силой, отбрасывая звуковой волной врагов прочь.

Казалось бы, победа одержана, захватчики повержены. Но неожиданно размякший от слюны хлебный зуб выпал изо рта неудачливого победителя, и разбойники, оправившись, стали наступать на Соловья и Бабу Ягу, обнажив свои острые сабли.

– Удача изменчива, – сказала Яга и приготовилась к схватке с врагами.

Краем глаза она уловила какое-то движение и машинально повернулась в ту сторону. Это был Кощей. Он неспешной походкой шёл в центр зала. В руках у него зловеще сверкал обоюдоострый меч-кладенец. Остановившись рядом с бабой Ягой и Соловьём, мэр повернулся в сторону медленно наступающих иноземцев. Подняв своё грозное оружие над головой, Кощей резко и с силой рассёк им воздух. От страха разбойники остановились. Кощей ещё раз взмахнул мечом и направил его в сторону вооруженных врагов. Разбойники попятились назад.

– Вон из моего леса! – гневно и одновременно грозно прокричал мэр.

Разбойники медленно с опаской потянулись к выходу.

Яга вплотную подошла к Кощей и протянула ему яйцо. Он невозмутимо взял его, положил в карман своих штанов и тут же тихо, чтобы слышала только одна Яга, произнёс:

– Это не моё.

Вдруг кто-то крикнул из толпы:

– А где царица?

И все сразу заметили, что Шахерезада на поляне нет. Кощей и все гости ринулись по ступеням в башню, к комнате с яйцами.

– Тётка Ядвига, – Ягошка быстрым шагом, увлекаемый толпой, двигался в месте с Ягой по ступеням левой башни, – я, когда Валерку подсаживал к окну башни, корнями землю приподнял и увидел кротовую нору.

– Ягошка, сейчас не до крота, – перебила его Яга.

– Я хотел сказать, что у него в норе припрятано много риса и иноземные золотые монеты. У нас рис не растёт...

– Думаешь, это он предал Кощея и рассказал, где хранится его смерть?

– Да, – уверенно ответил Ягошка.

Людской поток практически вынес Ягу с племянником по ступеням на последний этаж, и они увидели, как Шахерезада вместе со своей помощницей пытаются зачаровать Валерку, преградившего вход в комнату с яйцами.

– Мальчик, отойди от двери! – просила Шахерезада, – Мальчик, посмотри мне в глаза!

Валерка намеренно не смотрел Шахерезаде в глаза и не отходил от двери.

Видя, что ничего не получается, Шахерезада достала из складок своих воздушных юбок острый кинжал, изогнутый как месяц.

– Прочь! Я сказал, прочь! – крикнул Кощей.

Оказавшись рядом с восточной царицей, он перехватил её руку с кинжалом, занесённую для удара.

– Прочь из моего леса! – ещё громче проревел грозным голосом Кощей, глядя в глаза Шахерезаде, – Ты проиграла!

– Чем ты пользуешься, старая ведьма? – зашипела Шахерезада на подошедшую Ягу. – Какой приворот применила, какое заклинание?

– Никакого, – ответил мэр вместо Яги и, взяв жену за руку, продолжил, – Любовь, честь и верность сильнее любого колдовства, и теперь ты знаешь это.

В толпе прошёл удивлённый рокот.

Кощей, не отпуская руку возлюбленной, повернулся к ней:

– Какая же ты у меня красивая, любовь моя!

Молодая Ядвига, облачённая в одежды бабы Яги, замерла от удивления: в доспехах Кощея был её возлюбленный гусар.

Они стояли, взявшись за руки, и смотрели друг на друга, не в силах отвести свои взгляды.

Воспользовавшись этой паузой, Шахерезада поспешила удалиться. Она потихоньку пошла к выходу и затерялась в толпе.

Валерка и Ягошка стояли у входа в комнату с яйцами и удивлённо наблюдали за преобразившимися Кощей и Ягой. Неожиданно краем глаза Валерка уловил какое-то шевеление и повернул туда голову. Из темноты коридора вышел неизвестный человек в длинном чёрном плаще и большом капюшоне, скрывавшем его лицо. В темноте капюшона злобно горели два красных глаза.

– Константин?! Ядвига?! – незнакомец остановился, – Ну наконец-то я вас нашёл.

– Странник?! – удивлённо и в то же время испуганно произнёс Константин.

– Ягошка, быстро уведи Валерку отсюда, – скомандовала Ядвига великану, а сама вышла на встречу незнакомцу в капюшоне, заслоняя собой возлюбленного.

Ягошка схватил Валерку за руку и потащил было к выходу, но Валерка вырвался и, подойдя к Ядвиге, встал рядом с ней, пытаясь рассмотреть лицо незнакомца, спрятанное в глубине капюшона.

– Наконец-то мы завершим то, что не успели сделать много лет назад в подвалах твоего замка. До сих пор не понимаю, как твоей жене удалось тогда улизнуть от меня.

Константин вышел вперёд, заслоняя возлюбленную от опасности.

– Ты не помнишь, потому что исчез, когда прокричали первые петухи! Поэтому ты и не видел, как я вынес раненую из замка и, увидев телеги цыганского табора, положил её на обочине дороги. Спрятавшись за камнем, я видел, что цыгане не проехали мимо. Они забрали с собой мою Ядвигу. Я надеялся, что они спасут её...

Из-под капюшона ненавистью сверкнули красные глаза.

– Я знаю, кто ты, недобрый молодец, – сказала Ядвига, приблизившись к Страннику.

– Замолчи, ведьма, – со злостью прошипел незваный гость.

– А ещё я знаю, что, если произнести твоё имя, ты исчезнешь! – смело ответила она.

Вокруг воцарилась тишина. Толпа стояла, с ужасом наблюдая за страшной сценой. Никто не знал, что последует дальше, но все понимали, что грядёт что-то ужасное.

– Имя тебе... Упырь**! – громко крикнула Яга – вытянув вперед руку, указывая пальцем на Странника, – Сгинь, Упырь! Исчезни!

Видно было, как лицо незваного гостя исказилось смертельной гримасой, и тут же его плоть исчезла. А ещё через мгновение плащ, который скрывал Упыря, пустым плюхнулся на гранитный пол.

Ядвига прижалась к своему гусару и прошептала: – Нужно бежать отсюда. Я даже не знаю, насколько ли исчез этот упырь.

* * *

– Валерик, вставай! Пора открывать глазки! – сквозь сон Валерка услышал голос бабы Нины.

Школьник нехотя приоткрыл заспанные глаза. Он лежал на печи под тёплым пуховым одеялом. Рядом с ним спал толстый чёрный бабушкин кот, уютно свернувшись клубком.

– Вставай уже, а то на поезд опоздаешь! Завтра же первое сентября!

* * *

Первое сентября выдалось в Приморске солнечным и безветренным. Родители и дети с букетами цветов бесконечным потоком спешили в школы, стремясь не опоздать к восьми утра. Шёл на торжественную линейку и Валерка Морозов. В руках он держал большой букет тёмно-красных хризантем.

В школьном дворе было многолюдно. Ученики строились в шеренги, весело галдя и пытаясь не наступать друг другу на пятки.

– Привет, Валерыч! – поздоровался одноклассник Серега. – Слышал, у нас новая директриса?

– Не-а, – ответил Валерка, копаясь в своём красном айфоне.

Школьный микрофон стал пищать, пока не уменьшили громкость. Какая-то женщина в красном платье вышла на середину школьного двора и взяла микрофон в руки. Она была немолода, но и старей Валерка её не назвал бы – скорее, женщиной в полном расцвете сил.

– Дорогие ученики! – сказала женщина. – Теперь вашей школой буду руководить я. Вот и закончились летние каникулы. Каждый из нас стал чуточку старше, чуточку умнее и добрее...

Валерка вздрогнул, ведь что-то в новой директрисе казалось ему знакомым: то ли голос, звучащий молодо и озорно, то ли живой быстрый взгляд. И вдруг Валерку будто ударило током, ведь посередине двора стояла...

– Поздравляю вас всех с Днём знаний, с Первым сентября, – продолжала директриса. – Я пока никого из вас не знаю, но уверена, что это не Привоз, и что мы непременно познакомимся и будем дружить.

* В представлении средневековых алхимиков гомункул (гомункулус) – это искусственное человекоподобное существо, которое можно получить лабораторным путём. Идея восходит к античным представлениям (например, к трудам Аристотеля о роли семени) и получила развитие в XVI веке (ред.).

** По легендам, упырь (вурдалак, оборотень) – это оживший мертвец. Ночью он выходит из могилы и нападает на людей или скот: пьёт их кровь, причиняет вред. Считалось, что упырями после смерти становятся люди, которые при жизни были нехорошими: колдунами, оборотнями, отлучёнными от церкви, самоубийцами, погибшими насильственной смертью, некрещёными детьми или теми, чьё тело осквернило животное (ред.).

Краснодар литературный

Литературно-художественный и общественно-публицистический журнал

№ 3 (26), сентябрь 2026 г.

Корректор Лидия Железовская

Подписано в печать.....15.09.2026.

Дата выпуска17.09.2026.

Формат А4 Бумага офсетная

Гарнитура ХО_Thames

Печать офсетная

Тираж 500 экз.

* * *

Отпечатано: в _____

Адрес типографии: Краснодар,
ул. _____

Бумажный вариант журнала можно заказать Макаровой-Гриценко С.Н. по адресу:

Е-mail: snmakarova@mail.ru

Телефон: +7 988-244-09-11

XXI МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ «СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДОЖИНКИ»

Ты, солнце свѣтлое, гори!
Как эта ланкада блещет
перед искрами восхода зари,
так лодка искренности мерцает и тлѣет
перед солнцем бессмертной уны.
Да здравствует солнце,
да скроется тьма!

(А.С. Пушкин)

Литературно-художественный и общественно-публицистический журнал

